

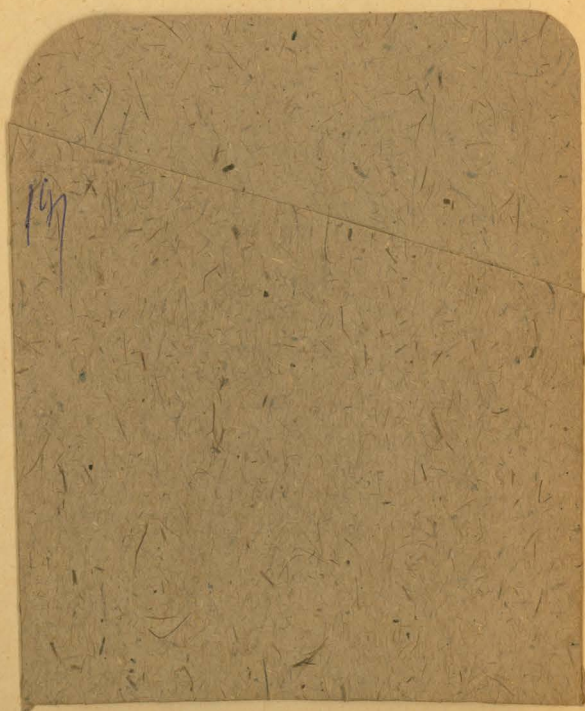
84 PC (2P. ч. 1) /
0-38. *Крас*

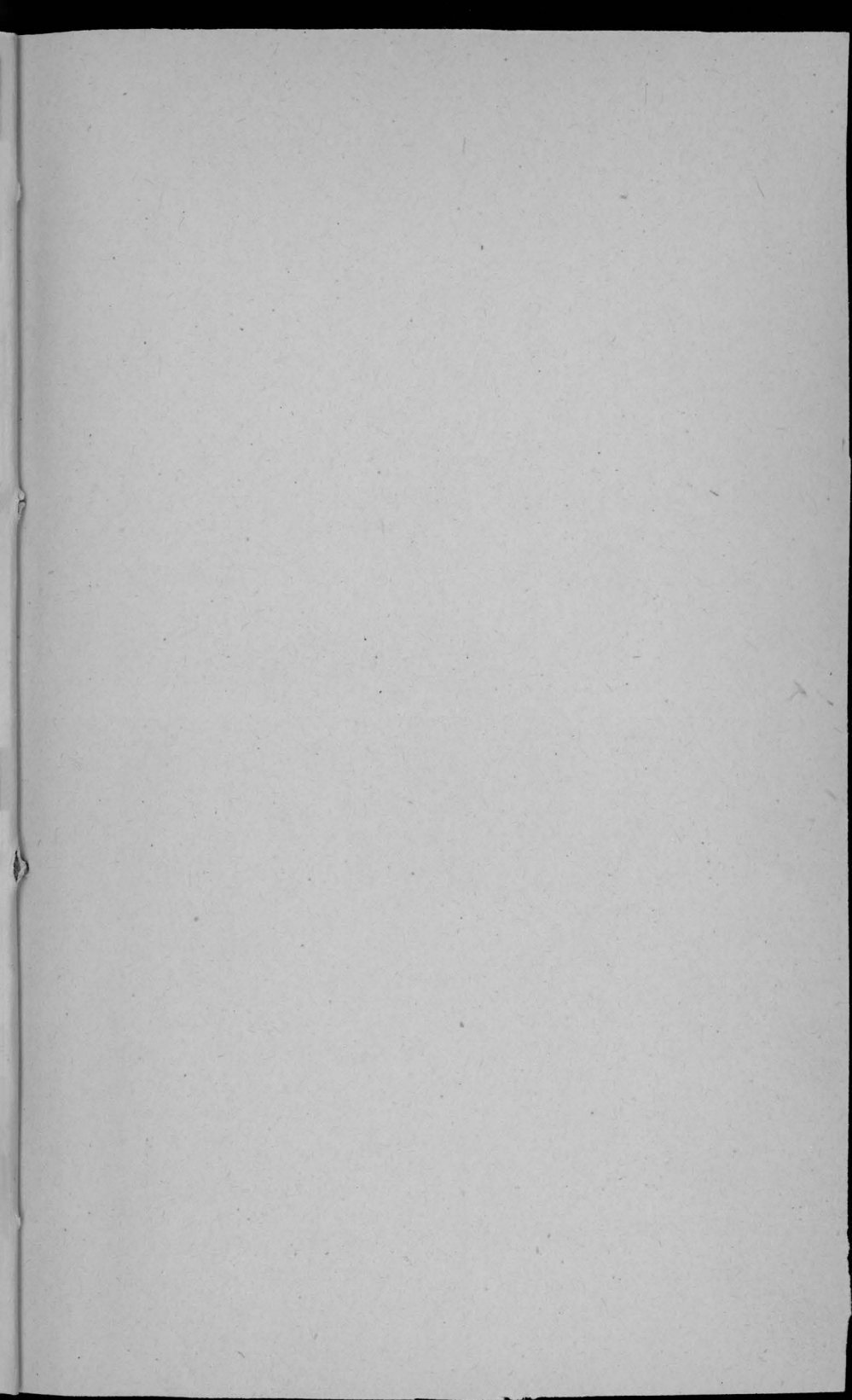
ОГНИ

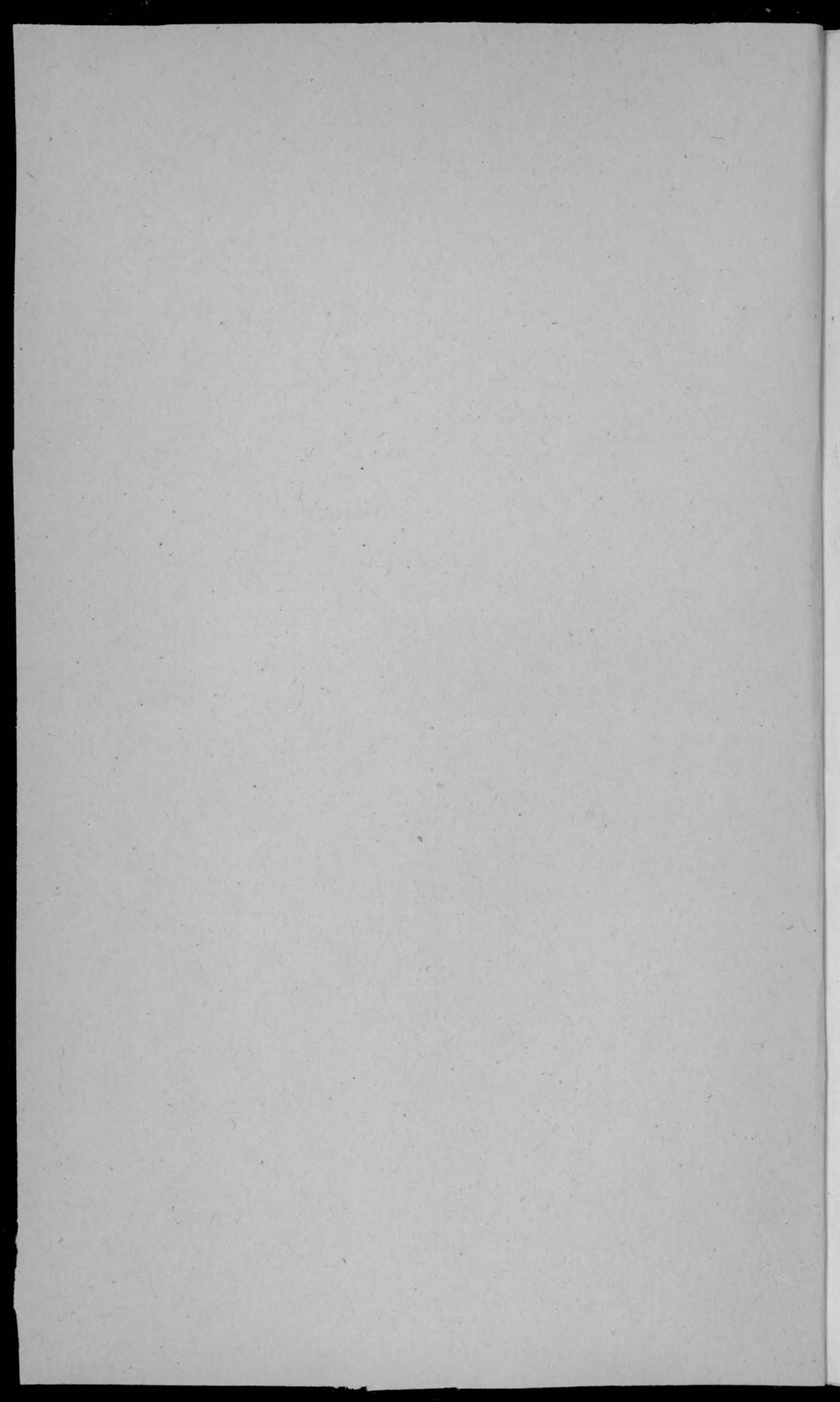
Кузбасса

10
1950

О Г Н И

Кузбасса

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

84Р6 (2Р-4кв)

0-38

СОДЕРЖАНИЕ

Кузбасс за 40 лет	3
А. Алферов. Тягинская быль. Стихи	9
М. Небогатов. Фекла Ниловна, рассказ в стихах	10
В. Конин. Баллада о советском воине, стихи	17
В. Зайков. Начало биографии, стихи	18
Мечта сбылась, стихи	18
В. Измайлов. Приметы Октября, стихи	20
Будет море в тайге	23
П. Рязанов. Здравствуй, город родной, стихи	24
П. Федотов. Междуреченск, стихи	25
Г. Молостанов. Междуречье, отрывок из романа	26
А. Волошин. У степного оврага, рассказ	101
Г. Краснокутский, Г. Умнов. Духом окрепнем в борьбе, глава из повести	111

Дела и люди

Б. Григгерман. Кузбасские встречи, очерк	119
А. Юхимчук. Семь дней и ночей, очерк	129

Воспоминания

Г. Захарченко. У мартена	145
И. Люленков. И трудно, и радостно бывало	147
А. Геласимова. Памятные дни	150

376105

10

1 9 5 8

КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. Сергеев. В гостях у молодежи
ГДР 168

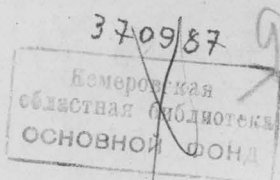
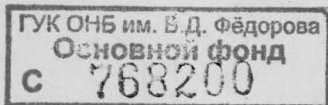
Искусство

А. Волгин. Вместе с жизнью,
с народом 178

Критика и библиография

А. Коробейников. «Камень на
ладони» 185

В областном литературном объеди-
нении 190

Редакционная коллегия:

А. И. Кыков (ответственный редактор), Р. Ф. Лобанова, В. Д. Соколов, А. Н. Волошин, Г. М. Молостнов, М. А. Небогатов, Н. Я. Троицкий.

Технический редактор М. Беркович. Корректор П. Алексеева.

Подписано к печати 24/II—1958. Формат 60×92¹/₁₆. Печ. листов 12+2 вкл. Уч. изд. листов 12,31. ОП 00188 Заказ 101, тираж 5000. Цена 5 р. 30 к.

Кемеровское книжное издательство Кемерово, ул. Беякова, 26

Типография «Кузбасс», Кемерово, ул. Сталина, 66.

КУЗБАСС ЗА 40 ЛЕТ

40 лет назад впервые в истории простые люди, рабочие и крестьяне, под руководством ленинской партии большевиков, разорвав вековые цепи угнетения, приняли на себя ответственность за судьбы огромного государства.

Став хозяином своей страны, советский народ превратил отсталую аграрную Русь в могучую индустриальную державу мира.

Последовательно, пятилетка за пятилеткой, нарастали темпы, и от деревянной сохи пришли мы к автоматике, телемеханике, атомной энергии. Промышленность выросла более чем в 30 раз, а тяжелая индустрия — более чем в 60 раз.

В небольшой для истории отрезок времени — за 40 лет — в стране построен социализм, осуществлены коренные преобразования в экономике и духовной жизни народа.

Это очень хорошо видно на примере Кузбасса.

Отсталый аграрный район, край каторги и ссылки волею Коммунистической партии и руками советских людей превращен в один из крупнейших индустриальных центров не только Сибири, но и всего Советского Союза.

Великий Октябрь создал возможность разработки богатейших природных богатств, открыл путь экономического и культурного развития раньше мало кому известного уголка Сибири.

К началу 1917 года на немногочисленных шахтах и мелких предприятиях Кузбасса было занято около 20 тысяч рабочих, главным образом, сезонных, приехавших из центральных губерний России.

На Анжерских копиях из 5 тысяч рабочих кадровых было не более тысячи. Одну треть шахтеров Кольчугинского рудника составляли военнопленные.

Горняки Кузбасса приняли активное участие в борьбе за свержение царизма, против контрреволюционного правительства Колчака. В декабре 1919 года из Кузбасса были выгнаны потрепанные части белых.

В руки Советской власти Кузбасс перешел экономически подорванным, но уже в 1928 году он дал 2 млн. тонн угля, то есть в 3 раза больше, чем в 1913 году.

В первые годы Советской власти были реконструированы старые угольные районы: Анжеро-Судженский, Кемеровский, Ленинск-Кузнецкий. Начались разработки в новом угольном районе — Прокопьевском: перестроен и расширен Гурьевский металлургический завод; достроен и оборудован коксохимический завод в Кемерове (начатый еще акционерами Копикуза), восстановлено было и золотопромышленное дело.

Как и весь советский народ, труженики Кузбасса под руководством Коммунистической партии направили свои силы на выполнение заветов великого Ленина о социалистическом преобразовании страны — на всемерное развитие тяжелой индустрии — угольной и металлургической промышленности.

В ленинском плане ГОЭЛРО было намечено создание в Кузбассе крупного угольно-металлургического центра. И эта задача была осуществлена в годы первых пятилеток.

В июне 1929 года пришли первые строители Кузнецкого металлургического комбината, а уже в 1932 году комбинат вступил в число действующих предприятий.

В первой пятилетке было заложено и реконструировано 48 шахт. К концу первой пятилетки шахтеры Кузбасса выдавали на-гора 6,8 млн. тонн угля, причем добыча коксующихся углей увеличилась почти в 10 раз. Очень важно заметить, что в начале пятилетки механизированная добыча составляла 1,8% к общей добыче, а к концу пятилетки — 45%.

В эти же годы положено начало созданию химической промышленности в Кузбассе. Кроме коксового цеха при Кузнецком металлургическом комбинате, строится крупный химический завод в Кемерове.

Огромное промышленное строительство продолжается и в годы второй и третьей пятилеток. В 1937 году Кузбасс дал стране более 17 млн. тонн угля. Кузнецкий металлургический комбинат выдавал 10% металла, производимого в стране. Предприятия тяжелой промышленности стали выпускать продукции в 87 раз больше, чем в 1913 году, и в 32 раза больше, чем в 1928 году. В годы третьей пятилетки в Кузбассе быстрыми темпами развиваются химическая промышленность и машиностроение.

Ни сибирские морозы, ни трудности быта, ни прямые действия врагов не задержали выполнения планов, намеченных партией.

Преодолевая все препятствия, строители нового Кузбасса проявили настоящий трудовой героизм. Землекоп Филиппов

Андрей Севостьянович, работавший на стройке КМК, вынимал в день до 74 кубометров земли, в 17—20 раз больше нормы. Бригада каменщика коммуниста Павлова укладывала в смену 5—6 тыс. кирпичей вместо 600 по норме и т. д. Незаметно из простых землекопов и коногонов рабочие становились мастерами ведущих профессий: сталеварами, разливщиками, машинистами электрокранов, комбайнерами, забойщиками, передовиками и новаторами производства.

3 апреля 1957 года Кузнецкий металлургический комбинат праздновал свое двадцатипятилетие. С особым волнением отмечали эту дату ветераны труда. Это был не только юбилей завода, но и знаменательная дата в судьбах многих людей. Вот Силицкий Л. В. — был землекопом, а сейчас он лучший горновой Советского Союза: воспитанник школы ФЗО М. М. Привалов ныне старший мастер мартеновского цеха, депутат Верховного Совета СССР; И. А. Сомов прошел путь от рядового строителя до старшего оператора крупнейшего в стране блюминга. И таких примеров сотни.

В годы Великой Отечественной войны Кузбасс стал могучим арсеналом Советской Армии, главнейшей топливной базой страны. В 1945 году в Кузбассе добывалось угля больше, чем во всей царской России в 1913 году. Металлурги освоили новый метод выплавки качественной стали в больших мартеновских печах, что создало возможность изготавливать на урало-сибирских заводах танковую бронь, артиллерийские орудия, снаряды и т. п.

За успешное выполнение заданий Государственного Комитета Оборона комбинат награжден орденом Ленина, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Трудового Красного Знамени. Труд большой группы металлургов также отмечен орденами и медалями. Цехи комбината 167 раз завоевывали переходящее знамя Государственного Комитета Оборона.

В годы Отечественной войны строятся алюминиевый и ферросплавный заводы в Сталинске, Кузнецкая и Кемеровская теплоэлектроцентрали, машиностроительные заводы в Анжеро-Судженске, Ленинске-Кузнецком, Прокопьевске, Киселевске, Кемерове. Десятки заводов и фабрик, эвакуированных из южных районов страны, получили здесь свое второе рождение. Не случайно в 1943 году Кузбасс был выделен в самостоятельную Кемеровскую область.

В настоящее время в Кузбассе добывается угля в 2 раза больше, электроэнергии и металла производится больше, чем во всей дореволюционной России. Валовая продукция промышленности увеличилась по сравнению с 1940 годом в 6 раз.

В ведении Совнархоза Кемеровского экономического района находится 505 промышленных предприятий, которые дают продукции на 15 млрд. рублей в год.

В шестой пятилетке наш богатейший край получит свое дальнейшее развитие. Будут строиться 44 промышленных предприятия, в том числе 19 шахт, две крупнейшие электростанции — Томусинская и Беловская, Западно-Сибирский металлургический комбинат.

К концу пятилетки Кузбасс должен давать 81 млн. тонн угля в год. Это значительно больше того, что добывается сейчас во всей Франции. Особенно увеличится добыча коксующихся углей и выемка угля открытым способом.

Предусматривается значительное увеличение производства металла на Кузнецком комбинате. Здесь будут построены новая доменная печь, две коксовые батареи.

Увеличится мощность и Кузнецкого ферросплавного завода. Алюминиевый завод к концу пятилетки будет производить продукции в 3 раза больше, чем в 1955 году.

На новую, более совершенную технологию перейдет Беловский цинковый завод.

Значительно возрастет валовая продукция химических предприятий Кузбасса. Так, завод «Карболит» будет производить продукции в 4,5 раза больше, чем в 1955 году, анилино-красочный завод увеличит выпуск красителей в 2 раза. За годы шестой пятилетки в Белове, Кемерове и других городах будут построены новые специализированные машиностроительные заводы.

В 1957 году прошли первые поезда с рудой для КМК по новой железной дороге Сталинск—Абакан.

Труженики сельского хозяйства области направляют свои усилия на всемерное увеличение производства сельскохозяйственных продуктов. В 1956 году валовой сбор зерна в колхозах и совхозах области составил 83,1 млн. пудов, 38 млн. пудов кузбасского хлеба направлено в государственные закрома. Это на 15 млн. пудов больше по сравнению с 1955 годом. Еще больше возрастет колхозное производство в связи с освоением в 1957 году 60 тыс. гектаров целины.

За достигнутые успехи 1094 колхозника и работника области награждены орденами и медалями, а 5 человек удостоены звания Героя Социалистического Труда.

На колхозных полях работает более 8400 тракторов (в 15-кратном исчислении), 2950 комбайнов и много другой техники.

Некоторые успехи достигнуты и в развитии животноводства. В 1956 году через торговую сеть населению продано

77,6 тыс. тонн цельномолочных продуктов, или на 37 тонн больше, чем в 1955 году. В колхозах и совхозах области произведено 33,4 тыс. тонн мяса.

В 1957 году работники животноводства направляли свои усилия на осуществление поставленной партией задачи — в ближайшие годы догнать США по производству мяса, молока, масла на душу населения. И многие колхозники, колхозы, районы, соревнуясь с Америкой, добились в этом году новых успехов. Кузнецкий район, например, за 9 месяцев 1957 года сдал мяса на 1787 центнеров больше, чем в 1956 году, а в Кемеровском районе надоили молока больше на 1712 тонн. Доярка совхоза «Октябрьский» Галина Давыдова получила за 9 месяцев от каждой коровы по 4046 кг молока.

На основе развития промышленности и сельского хозяйства в Кузбассе растет и производство товаров народного потребления. Например, выпуск швейных изделий за прошлую пятилетку возрос в 2,6 раза, трикотажных — в 4 раза, обуви резиновой — более чем в 4 раза и т. д.

В шестой пятилетке войдет в строй ряд предприятий легкой промышленности: в Прокопьевске — швейная фабрика, в Сталинске — обувная и мебельная фабрики, в Кемерове — мебельная фабрика.

Вступят в строй новые овощеконсервные, пивоваренные заводы, заводы фруктовых вод, хлебо- и мясокомбинаты и многие другие предприятия пищевой промышленности.

До Великой Октябрьской социалистической революции на территории современного Кузбасса проживало 500 тысяч человек, из них городское население составляло 4%. В городе Кузнецке (современный Сталинск) проживало 4 тыс. жителей.

Ныне в Кузбассе насчитывается более двух с половиной миллионов жителей. В 16 городах и 33 рабочих поселках живет 85% населения области, в том числе в городе Сталинске около 400 тысяч, в Прокопьевске около 300 тысяч, в Кемерове более 280 тысяч человек.

В шестой пятилетке намечается провести большой объем строительных работ и работ по благоустройству городов и поселков. Будет построено более 5 млн. кв. м жилья.

До революции на территории области имелось 382 школы, в том числе 1 средняя и 3 семилетние, в которых обучалось всего 25 тысяч детей.

Сейчас более чем в 2 тысячах общеобразовательных школ обучается свыше 360 тысяч детей. В области 5 вузов, 33 средних специальных учебных заведения.

В дореволюционном Кузбассе не было театров, клубов, библиотек, не издавалось ни одной газеты. Ныне в области работают 5 театров, более 870 массовых библиотек, свыше 1900 клубных учреждений, 3 музея, филармония, музыкальное училище, 12 музыкальных школ, отделение художественных мастерских Художественного фонда СССР, издаются 92 городские, районные и многотиражные газеты.

За годы шестой пятилетки будут построены новые театры в Прокопьевске, Сталинске и Кемерове, областная библиотека, телевизионный центр в Кемерове, много клубов и других учреждений культуры.

Все это свидетельствует о том, что трудящиеся Кузбасса под руководством областной партийной организации и при всемерной помощи ЦК партии и правительства добились за годы Советской власти значительных успехов в развитии экономики, культуры и благосостояния трудящихся.

Готовясь к славному 40-летию Октября, работники промышленности области выполнили восьмимесячный план текущего года по валовой продукции на 101,3 процента. Шахтеры дали за 6 месяцев сверх плана 430 тонн угля и взяли обязательство добыть до конца года 800 тыс. тонн топлива. Выполняют государственные задания металлурги, химики.

Кузбассовцы вместе с трудящимися всей страны прошли за 40 лет Советской власти под руководством Коммунистической партии славный героический путь.

Беззаветно преданные Коммунистической партии и ее ленинскому Центральному Комитету, они готовы и впредь не жалеть своих сил и энергии для дальнейшего процветания и могущества нашей великой Родины.

А. АЛФЕРОВ.

ТЯЖИНСКАЯ БЫЛЬ

В старом Тяжине сохранилась старинная усадьба рядом с мельницей. Много лет назад в этой усадьбе некоторое время жил неизвестный политический ссыльный, останавливавшийся там по пути к месту ссылки. В народе живет предание о том, что это был Владимир Ильич Ленин.

Назвал себя студентом из Казани,
Любил вникать в крестьянские дела.
Доныне помнят ссыльного крестьяне
Старинного сибирского села.

Они расскажут, как вблизи Тяжинки
Он слушал неумолчный шум тайги,
Как мельник починял ему ботинки
И подарить пытался сапоги.

Но тот не брал добротную обновку,
Смеялся только — был он шутником:
«Мне до моей конечной остановки
Легко дойти теперь и босиком».

...Привычно зябли бледные березы,
Студеный ветер над усадьбой мел.
И вытирал украдкой мельник слезы,
Когда за ссыльным конвоир пришел.

«А я тебя совсем уже заждался», —
(Без шутки ссыльный даже тут не мог).
Он, с мельником прощаясь, улыбался,
Мол, ничего, придет и наш денек!

...О нем узнал я на уборке хлеба,
Беседуя с тяжинским стариком,
Пусть Лениным тот ссыльный не был,
Наверняка он был большевиком.

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ.

ФЕКЛА НИЛОВНА

РАССКАЗ В СТИХАХ

Есть среди сибирских деревень
Камышенка. Слыхали?
Недаром ей в далекий день
Название это дали.
На юг, на север поглядишь,
Кругом одно и то же:
Камыш, камыш, сплошной камыш,
Безлюдье, бездорожье...
Но глушь любая нипочем,
Коль человек явился.
Срубил избу — добротный дом,
Освоился, прижился.
Так, незаметно, шли года.
Был дом — деревня стала.
И вот — мечтал ли кто когда! —
О ней Сибирь узнала...
В те дни, с которых буду я
Вести повествованье,
Жила в Камышенке семья,
Достойная вниманья.
В ней было столько человек
(По тем годам — излишек),
Что не хватило б двух телег
Для всех Марусек, Мишек.
Везло Скворцовым. Что ни год —
Хозяин беспокойней:
Жена то сына принесет,
То встретит сразу двойней...
А в жизни полный кавардак:
Колчак грозит проклятый.
В одной деревне — красный флаг,
В соседней — полосатый.
Здесь власть уже в руках крестьян,
А там — другие планы.
Созвал друзей Скворцов Иван.
— Пойдемте в партизаны!
Дадим по шее белякам.
Иначе — суд их краток —
Нагрянут сами ночью к нам,
Побьют, как куропаток...
В затылке некогда чесать.

Иван толкует дело!
 Пора свой край в бою спасать.
 Отсидка надоела.
 Два дня готовили подряд
 Коней и снаряжение,
 На третий — в лес ушел отряд
 И вскоре дал сражение.

☆☆☆

Давно ль мужские голоса
 Гудели басовито:
 — Труба нам нонче без овса...
 — Да... погорело жито...
 Не то в Камышенке теперь:
 Телок проскачет лихо,
 Всплакнет ребенок, скрипнет дверь
 И вновь тоскливо, тихо.
 Не мил без мужа дом родной.
 Однако, слава богу,
 Война обходит стороной,
 Забыла к нам дорогу.
 Присядет женщина к столу —
 Ладонь у подбородка —
 И долго смотрит в ночь, во мглу
 Задумчиво и кротко.
 Один прохожий, говорят,
 Рассказывал недавно,
 Мол, стал Камышенский отряд
 Почти что самым главным.
 Мол, колчаковский генерал,
 Из самых образцовых,
 В трусах однажды удирал
 От нашего Скворцова.
 Где склад горит, где поезда
 Летят, как чемоданы,
 Где бой, засада — там всегда
 Скворцова партизаны!
 Кто знает, правда или нет,
 Верны ли эти слухи...
 — Ох, помутился белый свет, —
 Печалились старухи...

☆☆☆

Однажды августовским днем,
 От знойной дымки блеклым,
 За речкой где-то ухнул гром,
 Да так, что дрожь по окнам!
 Живой сигнал военных гроз
 Здесь слышали впервые.
 В глазах у всех немой вопрос:
 Свои или чужие?
 Кто б ни был там — скорей во двор!
 Снаряды — не железки.
 Скорей ворота на запор,
 Плотнее — занавески!..

Как раз напротив, где жила
 С детьми жена Скворцова,
 Был новый дом, второй с угла,
 Игрушка, право слово!
 Созданье сильных умных рук,
 Других просторней, выше,
 Смотрел он весело на юг
 Из-под тесовой крыши.
 Как все, Гречушкин Михаил,
 Хозяин той «игрушки»,
 Сейчас был там, где нужен был. —
 Где грохотали пушки.
 Вот и хозяйке молодой
 Спокойно не сидится.
 Глядите, вышла за водой,
 Нисколько не боится.
 Послушав, что там вдалеке,
 Румяная, босая,
 Свернула за угол, к реке,
 Чуть ведрами качая.
 — Вернись! — раздался чей-то крик.
 С улыбкой обернулась.
 Мол, ничего. И в этот миг
 За балкой пыль взметнулась...
 Плескалась в ведах синь небес.
 А гости верховые
 Уже неслись наперерез.
 Вгляделась... Ой, чужие!..
 Усатый дядя впереди.
 Наган, погоны, шашка.
 Ремни крест-на-крест на груди.
 Высокая фуражка...
 Конем как будто незначай
 Толкнул. Спросил сурово:
 — А ну, молодка, отвечай,
 Где тут изба Скворцова?
 Едва ль заметил офицер, —
 Бродила в жилах водка, —
 Как изменилась вдруг в лице
 Красивая молодка.
 «Хотят расправу учинить», —
 Догадка промелькнула.
 Как это горе отстранить?
 Куда направить дула?
 Усатый дергает коня.
 Глаза — под стать булавкам...
 «Там детвора... А у меня
 Не семеро по лавкам...
 А Михаил? Что ж Михаил.
 Да разве он осудит?»
 И вроде больше стало сил,
 Решила — будь, что будет!
 Сама душа, сама судьба
 Ей выход подсказала.
 Сказала:

— Вон его изба, —
И дом свой показала.
Команду подал офицер...
И к ней: — Как звать-то?
— Фекла...
Лишь замер топот на крыльце,
Дзинь! — вдребезги все стекла.
Сверкая зубом золотым,
Усатый млея над тыном:
— Так поступаем мы с любым
Гнездом... ик... ик... осиным...
Он мог бы, будь трезвей чуть-чуть,
Смекнуть — нечисто дело:
Схватила женщина за грудь,
Как стенка, побледнела.
Под сердцем первенца она
Три месяца носила.
Об этом только мысль одна
Ее почти сразила:
Вдруг, разгромив ее жилье,
Он спросит о хозяйке?
Не зная хитрости ее,
Все скажут без утайки.
Тогда конец... известный суд —
Штыком проткнуть, повесить...
Ну что ж. Две жизни пусть берут.
Две! А могли бы — десять...
Хитри и дальше, да умней,
Гречушкина Феклуша!..
Усатый вновь с улыбкой к ней:
— Одна живешь, без мужа?
Небось соскучилась... Ха-ха!
Ишь, сдобная какая...
— А вы б нашли мне жениха.
И впрямь живу одна я.
Тот улыбаться перестал:
«Нарвался на бабенку!»
Слез. Лошадь к тыну привязал.
— Кхм... Отойдем в сторонку...
Брось ведра! Дай-ка помогу.
Сюда вот... в полисадник... —
Вдруг поднял руку к козырьку.
— Постой-ка. Что за всадник?..
Солдат с пакетом подскакал
И вытер пот в истоме..
— Кончай! — усатый заорал
Хозяйничавшим в доме.
Проворно прыгнул на коня.
— Я к вам еще приеду...
Мигнул Феклуше: — Жди меня.
Продолжим, мол, беседу. —
С усмешкой бровью повела
(Дом подожгли, злодеи!)
— У вас, я вижу, есть дела
Гораздо поважнее...

И снова вихрем взвилась пыль
В другом конце селенья...
Была сегодняшняя быль
Как страшное виденье.
Взрыв... суматоха... общий страх...
Отвод беды обманом,
Игрой — от смерти в двух шагах —
С бандитом полупьяным.
Жених! Семь бед — один ответ...
Не знал ты о невесте:
Не привези солдат пакет —
Убила бы на месте...
Прошла б игриво, на виду,
В потемки сеновала,
А там, как муху на меду,
Навек бы приласкала...
Сбежали. Скрылись без помех.
Ни дна им, ни покрывки!..
Трещало пламя... Раньше всех
Опомнились мальчишки.
Как воробьи, из-за оград
Повысыпали с криком:
— Пожар! Гречушкины горят!
— А дыму-то! Смотри-ка!
И в самом деле, дом пылал
Как будто по заказу!
Сбегались люди — стар и мал.
Как быть — решишь не сразу.
Приковывал столетний дед.
Рукой махнул с досадой:
— Сгорит. Спаси надежи нет.
Спасать соседей надо.
Ворота рушьте. Лейте здесь.
Ну жарит! Эко диво... —
Есть командир — порядок есть.
Взялись за дело живо.

Какая радость, боже мой:
Негаданно-нежданно
Пришли в Камышенку, домой,
Родные партизаны.
...Обросший, хмурый, Михаил
Стоял над пепелищем.
— И здесь каратель, значит, был...
Что ж, и его разыщем!
Дождется встряски он, буржуй,
И пули в лоб впридачу...
Не плачь, Феклуша. Не горюй.
— Да я совсем не плачу. —
Вздыхнув, поведала ему,
Как было, все сначала...
— Теперь ты знаешь, почему
Жилья у нас не стало.
— Э, вот в чем дело. Молодцом!

Рисково, но толково!
 Гречушкин с радостным лицом
 Нашел в толпе Скворцова.
 — Ты не слышал, Иван Кузьмич?
 Пожар-то неспроста ведь!
 С тебя положен магарыч.
 Придется, братец, ставить.
 Скворцов, в тужурке, весь в ремнях,
 Попыхивая трубкой,
 Шагнул с дочуркой на руках,
 Глазастенькой и хрупкой.
 И взгляд, каким поверх голов
 Окинул он Феклушу,
 Сказал ей все без лишнего слов,
 Запал глубоко в душу.
 Никто вокруг понять не мог.
 С чего вдруг при народе
 Скворцов к себе ее привлек,
 Расчувствовался вроде...

☆☆☆

Чтоб не остался мой рассказ
 В загадках — в темных пятнах, —
 Скажу: Гречушкины сейчас —
 Семья шахтеров знатных.
 Большая жизнь вошла в права,
 Смела былую горечь...
 И Фекла Ниловна жива,
 И Михаил Егорыч.
 Скажу вам больше: я узнал,
 Что им, не знавшим детства,
 Как говорится, бог послал
 Богатое наследство.
 Коль двух телег, на чей-то взгляд,
 Скворцовым не хватало,
 То для Гречушкиных орлят,
 Небось, трехтонки мало.
 На днях читали мы Указ
 (Все в жизни мудро ныне!):
 Медаль у Ниловны сейчас
 И званье Героини.
 Гостей сошлось на торжество —
 Со всех краев, похоже!
 Детсад у сына одного
 И у другого — тоже!
 Была родня Скворцовых здесь.
 Их всех — больших и малых —
 Теперь нельзя уже и счесть.
 И вряд ли кто считал их.
 Известен всем Скворцов Семен
 В масштабе всесоюзном:
 Больших удач добился он
 На поле кукурузном.
 Меньшая дочка Кузьмича
 (О ней мы не забудем!)

Сегодня в звании врача.
Хранит здоровье людям.
А вывод мой в конце таков,
Скажу не ради шутки:
Чтоб крепкий род сибиряков
Да вдруг иссякнул? Дудки!..
Пусть нет красот в словах простых
Про дальние события, —
Вам, Фекла Ниловна, свой стих
Хотел бы посвятить я.
Пусть не меркнет, став строкой,
Живет в душе народной
Ваш образ, сердцу дорогой,
Ваш подвиг благородный...

Владимир Конин.

БАЛЛАДА О СОВЕТСКОМ ВОИНЕ

На Карпатском горном перевале,
Где плывут седые облака,
Памятником, вылитым из стали,
Замер он, бессмертный, на века.
И стоит отважен, крепок, строен,
Сжав рукою тульский автомат,
Армии Советской храбрый воин,
Родину прославивший солдат.
По соседству на крутом утесе,
Где и в летний зной не тает лед,
Где лишь ветер гневно тучи носит,
Свив гнездо, орел - старик живет.
И, сойдясь вечернею порою,
Меж собой заводят разговор
Человек с орлиной душою
И орел — крылатый житель гор.
До темна беседуют подолгу,
А о чем — сказать я не могу,
Может, воин вспоминает Волгу,
Город на высоком берегу,
Сталинград, степей бескрайних дали,
Дом родимый, тракторный завод,
Вечера, что с милой коротали
На скамье дубовой у ворот.
Или он, волнения не скрывая,
Свой последний бой припоминал.
Нелегка дорога фронтовая,
Что вела на этот перевал.
Рвался враг, чтоб избежать расплаты,
Лез упорно, не жалея сил,
Но советский воин с автоматом
Здесь ему дорогу преградил.
И в опровержение поговорок,
Что один не воин в поле, он
Насмерть встал, недрогнувший и зоркий,
Задержав фашистский батальон.
...На Карпатском горном перевале,
Где плывут седые облака,
Памятником, вылитым из стали,
Замер он, бессмертный, на века.
И стоит отважен, крепок, строен,
Сжав рукою тульский автомат.
И один на поле боя — воин,
Если он — советский наш солдат.

Валентин Зайков.

НАЧАЛО БИОГРАФИИ

Зимний день. Сорок первый год.
Жжет назойливый ветер хлесткий...
Проводивши брата на фронт,
На завод я пришел подростком.
Помню, мастер подвел к тискам,
Положил заготовок пару.
И сказал: — Ну-ка, пробуй сам!
Это нужно для фронта, парень.
Было трудно — ведь в первый раз...
Стыли палыцы, железо тронув.
Но казалось мне в этот час —
Я готовил фронту патроны!
Был тогда я счастливей всех...
Вот гудок прогудел натужно,
Но никто не оставил цех —
Так решили, так было нужно!
Полночь. Злится пурга у окна,
Заметает воронки, тракты...
В первый раз я тогда узнал
Силу крепкой рабочей вахты.

МЕЧТА СБЫЛАСЬ

Однажды, подходя к станку,
Сминая самокрутку,
Бывалый токарь новичку
Сказал, как видно, в шутку:
— Вот если стружку растянуть,
Всю, что успел навить я,
Пожалуй, хватит смерить путь
К Москве такую нитью.
Сказал, и тут же, у станка,
Забыл про то. Быть может,
Не знал, что сердце паренька
Большой мечтой встревожит...
Всему бывает свой черед —
И вот неудержимо
Цех далеко шагнул вперед
На скоростных режимах.
Давно уж старый счет отстал:
В минуту сорок метров.

И паренек тугой металл
Стал мерить километром.
Теперь бы, стружку всю сложив,
Он сам, того не зная,
Сумел бы шар земной обвить
От края и до края.

Владимир Измайлов.

ПРИМЕТЫ ОКТЯБРЯ

...Мир отражается и в капле,
Как ни была б она мелка.
И виден весь Октябрь, не так ли,
В обычных буднях рудника?
Об этом несколько заметок
Здесь безыскусно говорят —
В них повседневные приметы
Большой дороги Октября.

1. Сквозь бездорожье

Тащась из леса бездорожно,
В сажennem гибельном снегу,
На шахту, вывоза крепежник,
Увязла лошадь по дугу.
И люди топчут снег устало,
И мысль одна вперед зовет:
«Нет леса, — значит, шахта стала,
Нет угля, — значит стал завод.
Пусть лошадь отдохнуть поставят
(Ее жалеют люди!), но
Хоть на руках в забой доставят
Для шахты нужное бревно!...».
...Прошла война. Покончил с нею
Народ-герой. И вновь — держись!
Была едва ли не труднее
Война за хлеб, война за жизнь.
Страна в разрухе, в запустеньи,
Все завалил мертвящий снег...
Нечеловечьим напряженьем
Ломал разруху человек.
Бил голод смаху под колени,
Но шел народ за Ильичом.
В те дни подставил первым Ленин
Под первое бревно плечо.
Он вел и строил, Вождь-Работник,
И все: Москву, Сибирь, Урал
Он превратил в сплошной субботник.
В могучий натиск, штурм, аврал.
И здесь, на руднике, шахтеры,
Когда позвал великий вождь,
Пошли через лишения годы,
Как прежде сквозь свицовый дождь,
Пудами уголь добывали,

Ничем не меряя труды.
А как страну отогревали
Сверхдрагоценные пуды!..
Теперь с волнением благородным
Мы случай вспомнили простой:
Ведь не бревно сквозь снег убродный
Везли, а — счастья устой!..

2. Пень

Среди молодняка лесного,
Угрюмо прячась в чащу, в тень,
Трухлявый памятник бывшего
Торчит заросший мохом пень.
С веселым ветром, солнцем дружен
Лес радостно шумит кругом,
А пень так жалок и не нужен
В великолепии живом...
Вот так в разлете броских улиц,
Напоминая о былом,
Подчас стоит еще, сугулясь
Подслеповатый старый дом.
Гранит, бетон и блеск витринный,
А он за каждою стеной
Пророс мохнатою звериной
Настороженной стариной.
Мы новым домом-великаном
Домишко тот с пути смахнем,
И как разлука с ним легка нам
С ненужным и отжившим пнем!
...И вот когда-нибудь про это,
Уж пожелтевшая сама,
Расскажет старая газета —
Мол, жили и в таких домах,
То посмеется наш потомок,
Газету пожалев в душе. —
— Скворечник, а назвали домом,
Знать, перепутали клише!..

3. Новый дом

Хороший домик, прямо скажем!
Хоть верно — он, на первый взгляд,
Не поразит многоэтажьем,
Да в этом уголь виноват.
Тот самый — каменный, обычный,
Вверх лезущий во всех местах,
Поскольку наш район Рудничный
Лежит на угольных пластах.
И уж высотные громады
Здесь возводить нельзя никак.
— Да, колоколен нам не надо, —
Рассудит так любой горняк,
Ведь ежели подумать, взвесить,
Все лучше, как ни посмотри,
Домины этажей на десять

Обычных трехэтажных три...
 А в этом доме вот что важно
 Для всех для нас в конце концов:
 Он весь — нарядный, трехэтажный, —
 Построен силами жильцов.
 Народу партия сказала:
 «Вопрос с жильем решишь не вдруг, —
 Так много дела и так мало
 Строительных рабочих рук».
 И вновь в порыве благородном
 Чтоб лучше жить, просторней жить,
 Сплошной субботник всенародный
 Вздывает в небо этажи...
 И здесь трудились неустанно.
 Досуг бездельем не губя,
 И все — от комнаты до ванной
 Отделявали для себя
 ...Вот то-то забурлит веселье
 На весь честной горняцкий мир.
 Как в'едут — враз! — на новоселье
 Шахтеры в двадцать семь квартир!..

4. Дом культуры

Он врезан в фон зеленый бора
 Величественный, белый весь,
 Строителями для шахтеров
 Воздвигнутый недавно здесь.
 И уж доказывать не надо —
 Снаружи и внутри — хорош!
 Сюда, под эту колоннаду,
 С особой радостью идешь.
 На сцене мастеров столичных
 Теперь не диво увидеть.
 Еще бы! Этот клуб отличный
 Театру доброму подстать.
 Вот тут бы вспомнить про былое,
 Что, мол, до Октября горняк
 Не смел и думать про такое,
 А знал одно: барак, кабак...
 Не погрешу сравнением модным,
 Не те потребности теперь —
 Дом стал привычным, обиходным.
 Едва раскрыв народу дверь.
 Все стало навсегда законом
 И для ума и для души:
 Нам, в будущее устремленным,
 Мал дня минувшего аршин...
 Несоответствие натуры
 С названием, — скажем под конец,
 Хоть говорим мы — Дом культуры,
 А видим подлинный дворец.
 На постаменте встал у входа
 Вождь с непокрытой головой
 Во всех стремлениях народа,
 Во всех свершениях — живой!..

Владимир Измайлов.

БУДЕТ МОРЕ В ТАЙГЕ

...Скала дредноутом могучим
Сквозь волны гор в тайге плывет.
На ней сосна — над самой кручей
Стремящаяся ввысь, вперед.
Над глухоманью и над чащей
Взметнувшись в небо на скале,
Она — матрос, вперед смотрящий.
На том гранитном корабле.
Какой она об'ята думой?
Быть может, думает сосна,
Что не тайга шумит угрюмо,
А океанская волна?
Но океан далек мятежный,
Реки далеко синева,
Вокруг — разлив тайги безбрежной
И скал угрюмых острова.
И нёвдомёк сосне, что вскоре
К утесу, что покоя полн,
Придёт вода Ангарским морем
В могучем шуме светлых волн.
И ей, стоящей над обрывом.
Морской ударит ветер в грудь,
Но, дрогнувшую горделиво,
Не сможет он ее согнуть.
И долгие, быть может, годы
Здесь будет каждый с ней знаком
Для проходящих пароходов
Она послужит маяком...

Павел Рязанов.

ЗДРАВСТВУЙ, ГОРОД РОДНОЙ

В неоглядную ширь
Я смотрю из вагона...
Выбегает Сибирь
На свиданье с влюбленным.
Подхватила меня
Вместе с поездом скорым,
И в зеленых огнях
Подняла семафоры.
Замелькала в глазах,
Лесом, полем и чащей
И на рельсах-струнах
Заиграла про счастье.
Рвется сердце вперед,
Каждый миг ему дорог,
Ну, еще поворот.
И — увижу я город!
Шахт увижу копры,
Тосковал о которых,
Новых скверов шатры
И знакомых шахтеров.
Ну, скорей же, скорей!
Я стою и волнуюсь:
Снова встречу друзей
И родных расцелую.
Взмыл гудок надо мной —
Песней взмыл молодецкой,
Здравствуй, город родной!
Здравствуй, Ленинск-Кузнецкий!

Петр Федотов.

МЕЖДУРЕЧЕНСК

Иду по земле, где бродил я когда-то
Приезжая охотиться в отпуск весной,
Но не вижу разбросанных белых палаток
У подножья горы, на опушке лесной.

Я стою, очарован, глазами измерив
Этот дальний межречный тайги

Виджу: в новую жизнь, распахнулись
уголок.
двери

И над гребнями крыш потянулся
дымок.

• Среди чащи лесной и болотистой топи
Вырос город вблизи от звериных берлог
И медведя, лесного хозяина, тропы
Запеклись под асфальтом шоссеиных

Я люблюсь тобой, молодой
Терриконами шахт и рядами домов
Юный город, поднятый солнцу
Над тайгою руками моих земляков.

Над тайгою руками моих земляков.

Г. МОЛОСТНОВ.

МЕЖДУРЕЧЬЕ*

(Главы из романа)

ГЛАВА I.

В ожидании проекта прошло шесть месяцев. Горный инженер Пухарев за это время дважды побывал в Междуречье: один раз на осеннем отлете гусей, потом по первой пороше. А в конце марта, где-то перед началом глухариного токовища, его вновь потянуло в таежную глушь.

Чтобы осуществить это желание, обстановка благоприятствовала: шахта Первая продолжала работать ритмично. План технических мероприятий был выполнен. Оставалось собраться и взять неиспользованный отпуск.

Как-то на раскомандировке он шепнул о своем намерении Кусургашеву, тот загорелся и уже на второй день добился освобождения на две недели.

Пока готовились в путь, не раз заходил Колыхалов, полусерьезно, полущутя высказывал догадки о том, что Михаила Терентьевича не так сильно влечет охота, как осуществление мечты — построить в районе Междуречья гидрошахту.

— Сказал бы уж откровенно, мол, ищите на шахту другого инженера, а я вам больше не напарник, чем за нос водить!

Набивая рюкзак, Пухарев ухмылялся, пожимал плечами, словно хотел сказать: придет-де в голову человеку блажь!

— Скажешь, не прав? — наступал Колыхалов.

Михаил Терентьевич дружески улыбался:

— Вот еще предсказатель нашелся!

— Не нашелся, а факт.

— Но это уж от меня не зависит. Пойми, ради бога, такую истину!

— Не зависит! Да разве я не знаю твой характер?

— Видимо, нет...

— В таком случае поклянись сейчас же, дай честное слово, ну! Э-э-э, трусишь, брат!

— Пожалуйста, — Пухарев поднял над головой палец. — Именем христианского, католического, мусульманского, име-

* Роман «Междуречье» является продолжением романа «Голубые огни», изданного в 1954 году.

нем всех богов... тело мое пусть постигнет суровая кара, если...

— Задумаю переменить местожительство.

— Да.

— Если даже будет предписание свыше.

— Да.

— А ну тебя к лешему! — отмахивался Колыхалов.

— Не веришь?

— Нет!

— Как хочешь...

Пухарев притворно обиделся, но через несколько минут, отбросив в сторону рюкзак, проковылял к дивану, сел рядом с нахмурившимся Колыхаловым:

— Значит, по-честному, требуешь?

— Само собой...

Михаил Терентьевич облегченно вздохнул:

— Тело мое, Саня, принадлежит тебе, шахте Первой, наконец, комбинату «Кузбассуголь». А сердце...

— Там! — вставил Александр Макарович.

— И если представится хоть малейшая возможность, — продолжал Пухарев, — я немедленно... поднимусь на крыло. Свой проект, Саня, хочу осуществить своими руками. Ревную. Понимаешь, ревную!

— Но могут не утвердить его? — сочувственно заметил парторг.

Инженер резко повернулся к нему.

— Что?! — и безнадежно махнул рукой. — А еще хвастаешь, что мой характер знаешь!

В глубине души Колыхалов горячо верил в задуманное Пухаревым дело, радовался с ним вместе и даже немного завидовал ему. Должность парторга шахты увлекала его до тех пор, пока шла жаркая битва за новое, пока шахта Первая не завоевала первенства во всесоюзном соревновании. Теперь бы он с удовлетворением поработал на стройке рядом с таким неугомонным человеком, как Пухарев. Эту мысль два месяца назад он даже высказал первому секретарю обкома партии Неверову, а тот ответил уклончиво: дескать, хорошие секретари нужны обкому не меньше, чем хорошие инженеры-производственники. Но в то же время чем-то и обнадежил, сказав как-то особенно задушевно:

— Эх, Колыхалов, в этом году такие стройки развернутся в бассейне, дух захватит! — Значит, сам секретарь неравнодушен, стало быть, кадры потребуются обкому длястроек!

С конного двора подогнали оседланных лошадей для Пу-

харева и Кусургашева. Увидев их верхами, в валенках, полушубках, с ружьями за плечами, Александр Макарович почувствовал, как сладко защекотало в груди. «Счастливые люди!»

В этот же день к вечеру всадники доехали до шорского улуса Сыр-Даш, а утром следующего дня были уже на месте.

Между правым берегом Усы и левым — Томи, берегами высокими и почти отвесными, простиралась большая ровная площадь, поросшая кустарниками и редкими осинами да березами — нескладными, почти даже уродливыми. Глядя на них, Кусургашев все цокал языком да покачивал головой. Но не потому сокрушался старый охотник, что выраждались, гибли деревья, а попросту не мог понять, как это на болоте, на трясине, куда в летнее время не решится ступить сохатый, люди будут строить город, рудник!

— Нельзя! — говорил он Пухареву. — Дома потонут, люди потонут. Вода с гор пойдет — беда случится!

— Нужно! — возражал инженер, еще не представляя всех опасностей и бед, которые готовил строителям таежный край. Он лишь досадовал, что задерживается проект, что в министерстве берутся за гидродобычу без огонька.

Была у Пухарева и другая забота — Настя. Дума о ней неотступно, как тень, бродила за ним, словно бы кто-то на невиданном, необычайно нежном инструменте наигрывал и наигрывал мотив одной и той же бесконечной песенки, и ему отзывалось и отзывалось сердце то тихой грустью, то болью и криком, но неизменно охотно и с той трепетной радостью, с какой отзывается на манок осиротевший рябчик на зорьке.

Настя постоянно за его плечами была. Она не покидала его ни в шахте, ни дома, ни на охоте, ни даже во сне.

Сквозь мысли о ней он видел и будущий город.

Она села рядом, когда Михаил Терентьевич и Кусургашев, спешившись с лошадей, пристроились на поваленной старой березе, чтобы покурить.

А был полдень того особенного дня борения, в который весна окончательно одолевает зиму. На девственно чистом таежном снегу нестерпимо голубели, розовели, мерцали блески. Навстречу жаркому золотисто-медовому солнышку шумно распрямлялся молодой рябинник и черемушник, высвобождаясь из-под сугробов и наполняя недвижный воздух полынным запахом пробужденного сока — этой извечно прохладной, но буйной древесной крови. Чадили сине-зеленым дымком папироса Пухарева и замысловатая, какая-то волшебная кусургашевская трубка, и также курилась, дымилась

вместе с ними на взгорьях окрестная тайга, а может и думала она ту же думушку о женщине с зеленоватыми глазами, чем-то напоминающей вот этот внешний денек...

После Колыхалова и Зои Николаевны, Кусургашев был третьим человеком, остро переживающим трудную любовь Михаила Терентьевича. Уважая Колмыкова, он вместе с этим как только мог недружелюбно относился к Насте, неумело старался уронить ее в глазах Пухарева. «Шайтан-баба, рысь-баба. Гляди, инженер, горло перекусит»!

Он даже немного суеверно побаивался ее, потому что, когда бы ни взглянул на Пухарева, сразу вспоминал ее. Она жила и в серых глазах инженера, и в чуть-чуть горестной улыбке его, и в песне про «бережок», которую частенько напевал или насвистывал он. А разве мог обыкновенный человек так завладеть другим человеком? Конечно, нет!

Посапывая трубкой, Кусургашев узкими щелочками черных глаз косился на оседланных лошадей, собиравших жесткими губами солнечные искорки, рассыпанные по снегу, и готовился начать разговор.

— Однако, пьет Колмыков, — сказал он, наконец.

Пухарев нахмурился:

— Сильно?

— Будто четыре ноги у него...

— Но ему же нельзя, он нездоров?

— Говорит, одна конец. Помирать надо...

Тайга, в которой все свободное время проводил Кусургашев, и работа в шахте воспитали в нем скупость на слово, поэтому он надолго замолчал, будучи совершенно уверен, что высказал все, что думал, и инженер непременно должен его понять так: плохое дело любить чужую жену. Не только люди, даже звери и птицы знают, что у каждого своя должна быть...

Сняв с правой руки желтую кожаную перчатку, Михаил Терентьевич брал горстью снег, с хрустом сжимал его в комочки и кидал, стараясь попасть в макушку вытаявшего пенька. Это напоминало ему о времени, проведенном вместе с Настей на берегу Черного моря.

Один раз, зажав в руке камешек, она загляделась на чаек, ослепительно белевших на зеленовато-синей воде, потом вдруг, в чем была, кинулась навстречу волне и далеко забежала в воду, замочив до пояса светлое платье. А затем, на берегу, сбросив босоножки и отжимая подол, сказала с сожалением:

— Ну почему у меня нет крыльев?...

В той стороне, куда уходила дорога, проложенная бульдозером, в глубине Междуреченской долины, над макушками деревьев поднялся дымок, очень невнятно затюкали топоры. Через четверть часа Михаил Терентьевич и Кусургашев подехали к группе плотников, заканчивающих какой-то пристрой к новому деревянному дому. Среди изрытого снега, свежей пахучей щепы дом казался дождевым грибом. Всадникам заулыбались краснощекие задубелые лица парней. Выйдя из-за них, навстречу гостям шагнул сутуловатый высокий старик в черном полупальто, в серой каракулевой шапке. Его синие глаза Михаил Терентьевич ментально сравнил с медунками — этими первыми весенними цветами Сибири, прорастающими сквозь поблекшие, с осени опавшие листья.

— Дедов Петр Иванович! — пробасил он, подавая руку Пухареву, — Мое почтение! — поклонился Кусургашеву. — Прощу в дом. — И, повернувшись к плотникам, распорядился: — Ребята, за лошадьми пригляните!

В доме топилась только что сложенная печь, и она была единственным обиходом, если не считать грубой скамейки, сколоченной наспех. На улице, в окружении тайги, залитой горячим мартовским солнцем, где весело тенькают, посвистывают перезимовавшие птицы, приятней было бы побеседовать с гостями, но у Петра Ивановича на этот счет были свои соображения: нужно было зафиксировать факт, что не кто-нибудь, а именно старик Дедов является начинателем нового города в тайге, который по счету уже шестой в его жизни. Не позже, как через три дня, он перевезет сюда с «Мельниц-строая» жену Марию Акимовну, все свои пожитки и поселится именно в этом доме. Посетует на первых порах старуха, поборчит: «На-ко, куда, в какую глушь занесло старого беспокойника!» А потом обвыкнется, скажет в минуту хорошего расположения духа: «Ладно, привыкну как-нибудь, только знай, Петр, последний раз это. Надоело мне за тобой волочиться»!

Но мало-помалу войдет в курс строительных работ Мария Акимовна, начнет донимать начальство бытовыми делами. Глазастая она до всяких неполадок! Без нее ни столовая, ни ясли не откроются. На одной стройке ее председателем городского Совета прозвали. Может, в шутку, а может, и не совсем в шутку, недавно Конопатов сказал Дедову: «Я тебя, Петр Иванович, не возьму с собой в Междуречье,

если жену не окоротишь. У меня через нее, брат, камни в печени появились!»

Что говорить, бедовая старуха! Узнали также Пухарев и Кусургашев, почему к дому Петр Иванович решил пристроечку сделать. В Москве дочь Аленка заканчивает строительный институт, так вот это для нее. Но он умолчал, конечно, почему Аленке необходима отдельная квартира.

Каково признаться отцу, что его дочь родила в девках? Позор...

Глаза-медунки, принадлежащие Петру Ивановичу Дедову, мерещились Михаилу Терентьевичу чуть ли не все утро следующего дня, пока колесили они с Кусургашевым по тайге, высматривая глухариные тока, изучая подходы к ним. Медунками мерцали частые звезды. Цвет медунок примешивался к рассветной зорьке: показалось, медунки осыпались с тяжелой птицы в тот миг, когда, смертельно раненная, она взмыла над макушками порозовевших лиственниц; медунки виделись в темных проемах между деревьями...

«Околдовал старик! — ухмылялся Пухарев. — А ну-ка, стой», и тут-же, взбираясь на гриву, ставя лесенкой лыжи, принялся сочинять!

«Бережок, бережок,...
Та-та... медуницу.
Подарю тебе, дружок,
Рыжую кунцу.
Я иду бережком,
Тенькают синицы.
А вокруг, а вокруг
Та-та... медуницы...»

Кусургашев, шедший справа, метрах в десяти, неодобрительно покосился на Михаила Терентьевича.

«Однако, шайтан-бабу вспомнил, добра не будет!» И ему, что-то унаследовавшему от своих далеких предков, сделалось жутковато. Давно-давно один дряхлый шаман рассказывал ему, будто недобрые люди способны превращаться в зверей, птиц, деревья и даже воду. Не поверил Кусургашев тогда шаману, а вот забыть не может, как охотник однажды, снимая шкуру с дикой козы, увидел в ушах у нее золотые сережки... Вот и у женщины, которую любит инженер, тоже золотые сережки.

Поднялись на гриву, начали спускаться на противоположную сторону ее, а Кусургашев не мог избавиться от навязчивой мысли. Перед ними лежала обширная равнина. По линиям кустарника и чистой извивающейся ленте снега угадывалась небольшая речка.

Местами, выше молодых пихт и березок, горбились сугробы, образовавшиеся поверх бурелома. Оттуда веяло сонливым покоем.

Пухарев продолжал что-то бормотать, Кусургашев сердился, ему всюду чудились золотые сережки...

Вскоре после возвращения из Междуречья на Кедровый рудник Пухарев уже начал было обдумывать письмо в Центральный Комитет партии с претензиями к министерству, как пришла телеграмма с вызовом его в Москву.

Собрался, как по военной команде, что называется, «в ружье». Дела передал Авдееву, Райку отвел к Колыхаловым, квартиру закрыл. Настроение было отличное до тех пор, пока не поехал на вокзал, пока «газик», попрыгав на выбоинах весенней дороги, не заглох на минуту против дома Колмыковых и мимо не прошла Анастасия Арсентьевна с полными ведрами на коромысле. Прошла, приклонив голову, словно не заметила его вовсе. А как хотелось выскочить из машины, схватить ее и увезти с собой, увезти от людей, от Колмыкова... Порой ему хотелось крикнуть на всю вселенную: «Отдайте вы мне ее! Жгите потом, четвертуйте, как низменного преступника, но отдайте мне Настю!» Случалось, сердце его забывалось на работе, угасали чувства, но успокоение было обманчивым. Оно приходило на короткое время, словно бы кто-то беспощадный, дав зажить ноющей ране, наносил новую, еще более жгучую.

Сел на поезд до крайности расстроенный. Всячески избегал разговоров с пассажирами. Уже под'езжал к Москве, а Настя все стояла перед глазами в коротком пальто, отороченном серым каракулем на подоле и рукавах, в резиновых женских сапогах, покрытая цветным, клетчатым платком, из-под которого спадали на спину косы, расплетенные с кончиков, кудрявые.

Под тяжестью цинковых ведер, белесых от студеной воды, она чуть-чуть склонилась влево, придерживая правой рукой коромысло.

Вот она заспешила, ведра качнулись, из них плеснулась вода и, отразив в себе солнце, искорками упала в лужу, и лужа от того заискрилась, заблестела...

Москва встретила Пухарева неласково. Весь вечер шел по-осеннему скучный дождь. Как на зло, номер в гостинице достался с окнами на север, виднелся из них серый лоскут

неба — сумрачный, холодный. Пахло олифой. Полы, с которых собрали ковры, желтели неприятно ярко. «Извините, готовимся к празднику!», предупредительно объяснила горничная. Она ушла суетливой походкой, позванивая ключами, про шаркав по коридору подошвами, словно наждачной бумагой.

Пухарев сел к письменному столу, уперев локти в толстое стекло, прикрывающее расписание поездов, список телефонов гостиницы и клочок бумаги с надписью «Б-1-74-91, Рита».

Показалось на миг, что забыл что-то очень важное. Попробовал вспомнить, а мысли путались, обрывались, едва возникнув. Почему сказала горничная «готовимся к празднику»? К какому празднику? Или вот эта «Рита». Зачем она? Посидев, тупо глядя в пространство, Михаил вдруг почувствовал невыносимую тяжесть в груди и, как всегда в такие минуты, рука машинально потянулась к карману. Вынул фотокарточку, поставил перед собой, прислонив ее к чернильному прибору.

«Настя!» Лицо Пухарева посветлело, разгладились между бровей глубокие складки, дрогнули плотно сжатые губы. Казалось, тотчас же и дождь припустил веселее, и вспомнилось, что к празднику 1 Мая необходимо вернуться домой с подарками дочери. И Настя улыбнулась как-то по-особенному, словно сказать собиралась: «Ну вот, давно бы тебе надо было взглянуть на меня!»

Настя!

Нет, напрасно думают, что Пухарев разлюбил ее или потерял свои заблуждения. Нет, он продолжает любить Настю, теперь уже больше, сильнее, и все, что стояло и будет стоять на их пути, он сметет, сломает. Она — его, вся как есть, с тонкими, почти прямыми бровями, чуть вздернутым носом, лучистыми зеленоватыми глазами, с сережками в маленьких ушах, с косами! Только одному ему — Михаилу Пухареву, известно, как хороша эта женщина. Лишь он один целовал ее по-девичьи полные губы и она целовала его!...

...Один? А ее муж?... Ведь она продолжает жить с ним под одной кровлей!... Зачем она вернулась к нему?

Тридцать шесть лет жизни промелькнуло в трудах и заботах. Михаил едва вспомнил девочку Мотю Серову, в которую влюбился в детстве, а вместе с ней — недотрогой, в коротеньком, синем платьице, с длинными ногами в ссадинах, комариных укусах — проплыли перед глазами желтый от цветов овражек, березовый перелесок, отделяющий де-

ревню, в которой жил Пухарев, от деревни Высокое, где стоял бревенчатый дом, а в нем жила та девочка Мотя.

...Потом — жена — Мотя — тихая, добрая, боявшаяся грозы, но отважная партизанка Великой Отечественной войны. Ее схоронили в поле под одиноким дубом. Был выюжный, морозный день. Взяв с рук Михаила Райку, командир отряда Гаев пошел впереди бойцов, с трудом прокладывая путь большими подшитыми валецками. Поглядев, как снежок присыпает, белит коричневые куски свежей глины, Пухарев охнул и принялся методически стучать лбом в шершавый ствол дуба...

После войны он побывал в тех местах, где схоронил жену, летом, в августе. Дуб и молодые побеги от него стояли среди зреющей пшеницы. Могильный холмик сравнялся с землей, нераспаханный островок вокруг дерева порос буйными травами.

Быстро-быстро, раздвигая руками колосья, впритруску спешил к Михаилу колхозный сторож, выкрикивая на ходу:

— Ты что, ты что, мать честная, хлеба-то топчешь! — И, подбежав, тряся легкими белыми портками на полусогнутых старческих ногах, накинудся на чужого человека по-петушиному:

— Куда тебя нечистый занес, чего, спрашивается, потерял человек? Да ить за это, ядреный корень, не поздоровится! Аль не тебе говорят? — прикрикнул он еще громче, видя, что чужой человек не обращает на него внимания. — Это сейчас я со свистком только, а то и ружье беру — вон оно, в борозде! Пальну — и делу конец. У меня, брат, права такие. Слышишь? Али мужиков свистком вызывать?!

— Дедушка, здесь могила была... — упавшим голосом произнес Пухарев, не то спрашивая, не то утверждая.

— Знамо дело, была, да распахали! — Старик pokrutil головой, словно кого поискал глазами в бескрайнем пшеничном море, и кому-то погрозил сухоньким кулачком.

— У-у! Толстолобый черт! Прощка ее распахал. Говорил я ему, оболтусу: мотри, не тронь. А он, чай, на кралою свою загладелся и махнул, чертолом, напрямую!

И вдруг рассердился еще пуще:

— А тебе-то что? — он шагнул к Михаилу. — Убирайся, пока свисток не подал!

Переговаривались перепела, лопотали дубовые листья, с присвистом дышал старик. В облачках, сияющих белизной в васильковом небе, Пухареву виделся выюжный день похорон...

...В тот же день они с колхозным сторожем привезли от реки большой камень и утвердили его на месте могилы. На оструганной дощечке была написана эпитафия о партизанке-разведчице. Дощечку обрамили и застеклили, а вывешивали ее на дубу девчата из полеводческой бригады имени Моти Пухаревой.

Они погрустили недолго, — пока не положили на могилу букеты полевых цветов и не отошли к дороге. А через несколько минут до слуха Михаила и колхозного сторожа, деда Остапа, стоявших с преклоненными головами, долетела веселая песня...

Раздумье прервал телефонный звонок. Пухарев машинально снял трубку:

— Да, я слушаю.

— Коля! — послышался женский голос. — Слышишь, Коля, это я, Рита.

— Да, извините... — Михаил зачем-то поспешно спрятал фотографию Насти в карман, а голос в телефонной трубке звенел колокольчиком.

— Коленька, я буду ждать, слышишь, на Маяковской, при выходе...

— Минуточку, минуточку! — зашепшил Пухарев, перебивая. — Это не Коля. Вам кого?

— Николая Яковлевича.

— Нет, нет, вы ошибаетесь.

Через минуту неизвестная Рита позвонила вновь, называя Пухарева Колей и требовала, чтобы он перестал шутить и «немедленно топал» на остановку метро «Маяковская». Пришлось выключить телефон, но вскоре явилась озабоченная горничная, спросила:

— Что у вас с телефоном?

— Выключил, чтобы не мешали...

— Она не позвонит больше, ей объяснили.

— Тут, видимо, кто-то жил?

— Выселили его за поведение...

Рассказ горничной о каком-то торговом работнике перепутался в голове Михаила с думами о покойной жене, Насте, Райке, о предстоящих делах в министерстве. Нужен был отдых. Он попробовал было читать газеты. С полчаса пытался что-то понять, во что-то вникнуть, но так и бросил, не запомнив ничего из прочитанного.

— Ну вот что, Михаил, побаловались — и хватит! — ска-

зал сам себе Пухарев строго. — Так черт знает до чего докатиться можно...

Хотел было немедленно развернуть чертежи, да гидромонитор напомнил пушку, а она — фронт, а с ним вспомнился закадычный дружок подполковник Иван Григорьев.

Все можно забыть, только не то хмурое, осеннее утро, не того, с кем в обнимку лежали в одной луже крови между камней на берегу безымянной речки.

С тех пор Михаил искал его долго и, наконец, попал на след, прочитав повесть Ивана Григорьева «С глазу на глаз». Несомненно, это был он — мечтатель, солдат, политрук.

По жаркому слову, по смелой мысли, по доброй усмешке узнал его Пухарев, но вот дела. да расстояние от Кедровского до Москвы не давали возможности встретиться.

«К нему! — мелькнуло в сознании Пухарева. — Немедленно к нему!» Он спешно оделся и вышел из гостиницы. Дождь перестал. Серые толстые облака уплывали на север, оставляя за собой светлоголубое небо, усыпанное мелкими звездами.

Вокруг все светилось, блестело, омытое дождем. Не успел Пухарев осмотреться, как к самому тротуару подъехала машина и прямо перед ним открылась дверца.

— Прошу. вас! — сказал добродушный женский голос.

Пухарев сел в такси и, взглянув на освещенный циферблат шоферских часов, сообразил, что искать Ивана Григорьева поздно, что предварительно нужно было в справочном бюро уточнить адрес, а какие справки в три часа ночи!

— По Садовому, — бросил он шоферу и, усевшись поудобнее, стал закуривать.

— Вы не здешний? — спросила женщина-водитель, не поворачивая головы.

— Нет, — отозвался Михаил нехотя.

— Я так и знала...

«Скажите пожалуйста, какая проницательная! — сердито подумал Михаил. — Словно мы шляпы носить не умеем, или на лбу написано: «провинция». Косясь на водителя, он увидел сначала хорошую женственную руку, лежавшую на руле, с тонкими пальцами, потом резко очерченный профиль лица, прямой нос.

На лице была еле заметная улыбка, она-то и не понравилась Пухареву.

— А знаете, я мог бы и обидеться! — заговорил он, хмурясь. — Иной раз о догадке лучше умолчать.

— Почему?! — Она мельком взглянула на Михаила почти ласковыми глазами.

— По одежке встречают...

— Простите, я не о том...

— Потому что окаю?

— Нет, потому что едете по Садовому кольцу...

— То есть?

— То есть, неопределенно куда. Москвич бы назвал адрес.

— А-а-а, — протянул Михаил. — Это верно...

Москва затихала. Прохожих и машин становилось все меньше. Улицы будто раздвигались, прямели. Михаил опять взглянул на женщину, шутливо спросил:

— А теперь угадайте, откуда я?

— Волжанин! — охотно отозвалась женщина.

— Нет.

— Владимирский!

— Нет, сибиряк! — эти слова Пухарев произнес с гордостью. — А точнее, из Кемерова. Слышали?

— Знаю, там уголь добывают.

— Правильно.

Они уже под'езжали к тому месту, откуда начинали путь. Притормозив, женщина произнесла:

— Ну, вот, я вас доставила на то же место.

— Так скоро? — удивился Михаил.

— Представьте! — она включила свет, и Пухарев лучше разглядел ее лицо. Оно было чистое и по-русски красивое, а глаза почти такие же, как у Насти — серовато-зеленые, ни усталости в них, ни печали! И, может быть, из-за этих глаз не захотелось расставаться с ней. Но прежде чем попросить женщину отвезти его куда-нибудь еще, Михаил осведомился:

— А вы в гараж теперь?

— До шести на линии...

— Знаете что? — обрадовался Пухарев. — Покажите мне Москву!

Женщина несколько удивилась. Глаза ее спросили: «Неужели это тот же человек?» Подумав, она вновь включила мотор. Теперь Москва казалась еще пустыней. Они пересекли Красную площадь, выехали на улицу Горького...

Недолго, но очень крепко уснул Пухарев в эту ночь. Поднялся в половине девятого. По пути в министерство позавтра-

кал в кафе, в справочном бюро установил адрес своего фронтowego друга Ивана Григорьева.

Министру Пухарева представили сразу, ждать не пришлось и пяти минут.

Полный, тучный человек встретил его посредине просторного кабинета, подал руку, пристально присмотревшись, спросил басовито:

— Пухарев?

— Так точно! — по-военному ответил Михаил, не найдя другой формы, потому что в новом министре вдруг признал одного из бывших руководителей крупного партизанского отряда.

Министр как-то одобрительно кашлянул.

— Боевал?

— Приходилось.

— Где?

— У Гаева.

— У Гаева?! — министр вскинул седеющие брови.

— У него.

— А с Ильичевым не встречались? — министр назвал свою вторую фамилию, под которой действовал в тылу противника.

— Два раза.

Министр нахмурился, вернулся к столу, и его слова: «Ну, ну» прозвучали как «Ври-ври, послушаем!» Что-то поделав с бумагами в большой коричневой папке, он задал вопрос, не поднимая головы:

— Где встречались?

— Первый раз в местечке Н. Второй — здесь, вот сейчас.

Министра словно кто-то ударил по спине: он тряхнул головой и стал медленно подниматься, упираясь руками в крышку стола, не сводя глаз с Пухарева.

— Ты взорвал Соснинскую переправу?!

— Я! — Михаилу на миг показалось, что он снова в партизанском штабе.

— Ты отправил на тот свет гаулейтера Эрлиха?!

— Я.

Облегченно вздохнув, министр заулыбался.

— Ну-ка, ну-ка, покажись! — он заспешил из-за стола, приблизившись, взял Пухарева за плечи. — Вот ты какой. Похвально! Рад, очень рад! — Он не вернулся за стол, а сел напротив Пухарева в одно из кожаных кресел. Вспомнив боевые дела, они перешли к углю. Михаил изложил свои соображения по гидродобыче, мимоходом коснулся организации труда в бассейне. Министр слушал его внимательно, с внутренней радостью, как слушает отец сына, хорошо понимающего труд-

ную задачу. Но перебил Михаила, когда тот перешел к Томусинскому месторождению:

— Читал твои соображения. Знаю. Одобряю. Ты мне о бассейне побольше.

— Я?! — удивился Пухарев.

— А что?!

— Позвольте, Сергей Сергеевич, это же вопрос к начальнику комбината!

— Вот и плохо, что некоторые у нас думают ведомственно, не поднимаются до государственных обобщений! Мол, у начальников и министров головы специально приспособлены для этого. Так хочешь сказать? — министр сердито засопел. — Пусть каждый советский человек государственно смотрит на вещи да, если нужно, и нам подсказывает.

Пухарев сделал рукой жест, собираясь что-то сказать. Сергей Сергеевич отмахнулся:

— Да, пусть подсказывает! Это труднее, правда, того, чем одобрять директивы да аплодировать! Зато полезнее.

Он походил по кабинету молча, сцепив за спиной руки, как бы успокаивая себя.

— Разговор у меня состоялся на днях с одним деятелем, так он!.. — министр было вновь повысил голос, но прервал себя на полуслове, продолжал мягко: — Я от тебя, Михаил Терентьевич, хочу услышать правду, которая доходит до меня, подчас, ошипанной, причесанной. Или трусишь перед министром?

Пухарев покачал головой. Сергей Сергеевич повеселел:

— А нет, так докладывай обстановку по-партизански. Почему в Кузбассе медленно растет производительность труда, уголь добываете дорого?

— Потому что штурмует, Сергей Сергеевич! В этом году Кузбасс должен бы поднять добычу на шестнадцать процентов, на восемь процентов производительность труда...

— Совершенно верно!

— Не поднимет! — решительно заявил Пухарев.

Министр остановил на нем строгий, вопросительный взгляд.

— Почему?

— Потому что отстала у нас организация производства. Более того, на некоторых шахтах она порочна. Ведь прежде чем добыть уголь, нужно иметь очистной фронт, вовремя доставить забойщику лес, на полную мощность использовать машины, транспорт. А мы только кричим: «Больше угля любой ценой». Штурмовщина и «любая цена» не могут жить одна без другой, потому что одна рождает другую. А вместе они дезорганизуют добычу. Много ли в бассейне новых шахт,

освоивших проектную мощность? Немного. Виновата та же «любая цена». Многие шахты сдавались и сдаются с огромными недоделками — все потому, что нужен уголь! Строители перестали по-настоящему бороться за качество поверхностных и подземных сооружений, их торопят — нужен уголь!

Штурмовщина командует и людьми, и техникой. Штурмовщина запирает на замки прекрасные машины, потому что нет времени их осваивать. Она заставляет строить новые шахты, угольные разрезы и пускать их в эксплуатацию не только недоделанными, но и скверно сделанными, наконец, она тормозит инженерную мысль, потому что нет времени думать...

Пухарев рассказывал, а Сергей Сергеевич смотрел в сторону, — думал. Что-то резало ухо, что-то неприятно отдавалось в сердце. Порой хотелось оборвать инженера, заставить его замолчать и в то же время не было сил сделать это.

— Правда, — продолжал Пухарев, — в первом квартале этого года комбинат в общем и целом выполнил план. Но это средний показатель. За ним скрываются три десятка шахт и разрезов, которые проваливают добычу.

— Причины? — буркнул министр.

— Низкий уровень организационно-технического руководства угольным производством. Причины отставания многих шахт и участков кроются именно в том, что их руководители смирились с недостатками, перестали замечать резервы. Из общего числа забоев, переведенных на график цикличности, половина, как правило, не выполняет установленного норматива. Значительная вина в этом ложится на руководителей комбината. Они много говорят о преимуществах цикличной работы, но плохо контролируют, как руководители шахт и трестов практически ее внедряют.

Министр покашливал. Пухарев, поглядев на него, продолжал:

— Во многом мешает росту добычи бытующая на шахтах недооценка подготовительных работ. На большинстве шахт стало правилом не выполнять план в первую половину месяца, а затем ценой огромного напряжения ликвидировать образовавшийся долг. Все это нарушает нормальный ход работы в лавах.

Михаил на минуту умолк, на лице его выразилась тревога.

— Разрешите вам задать вопрос, товарищ министр, — начал он как-то неуверенно.

— Слушаю! — ответил Сергей Сергеевич.

Пухарев заговорил медленно, словно взвешивая каждое слово.

— Когда же все-таки министерство будет интересоваться тем, как и где и каким путем добыть уголь?

Сергею Сергеевичу вопрос инженера явно не понравился.

— Во всяком случае, нам это не безразлично! — скороговоркой высказал он и махнул рукой, мол, говори, слушаю.

Несколько поколебавшись, Михаил Терентьевич продолжал:

— Почему государственные комиссии принимают новые шахты и разрезы с большими недоделками и не требуют от строителей нужного качества всех сооружений? Почему ваши представители подчас осуждают штурмовщину лишь на словах?

— Факты? — сердито перебил министр Михаила Терентьевича.

— Пожалуйста, могу. Шахты «Новая» и «Нижние горизонты» нашего рудника стоят рядом. Их начальники Данилов и Бобылев занимались рвачеством одинаково. Беспорядки были у них аналогичные. Но отстранили от должности одного Бобылева. Данилов же выкрутился: нажал на разрез, приписал добытый там уголь подземным участкам. А представители министерства еще похвалили: молодец!

— Черт побери! — вдруг выкрикнул Сергей Сергеевич. — Где же светлая сторона?

— Шахта Первая Кедровского рудника, — немедленно отозвался Михаил.

— Все?!

— Нет, еще могу назвать четыре—пять шахт.

— Да-да-а! — министр устало поднялся. — Хорошо. А если бы ты был начальником комбината, — начал он, идя на свое место к столу, — так ли бы ты мне докладывал? Только по-честному, Михаил Терентьевич!

— Трудно сказать. Я не был и не буду, наверное, начальником.

— Ну, а если бы?! — министр повысил голос.

— За горло бы взял штурмовщину! — выпалил Михаил Терентьевич.

Министр внимательно посмотрел на Пухарева, а тот продолжал:

— Потому что именно по штурмовщине, как по переправе, на наш ясный берег валом валит всякая нечисть. Делается совестно, что нами правит гаулейтер — штурмовщина, Сергей Сергеевич!

— Хорошо, — неопределенно промолвил министр и резко оборвал тему разговора. Пухарев увидел перед ним на столе свой проект гидрошахты и письменные соображения по разработке Томусинского месторождения.

— Хорошо, — повторил он. — Мы почти соглашаемся с тем, что ты предлагаешь. Организуем трест «Томусин-шахтострой». Управляющим назначается Конопатов Федор Федорович, а главным инженером партизан-подрывник... — улыбаясь, он исподлобья поглядел на собеседника, — любитель взрывов Михаил Терентьевич Пухарев. Вот приказ, прошу ознакомиться... С «Кузбассшахтостроем» согласовано...

От неожиданности Михаил чуть не свистнул. Наблюдая за ним, министр увидел, как он некоторое время сидел ошеломленный, потом лицо его зарумянилось. Пухарев держал перед глазами приказ, а думал уже совсем о другом. Теперь перед ним открылась еще более широкая дорога. Он раз и навсегда покинет Кедровский рудник, уговорит поехать с ним Настю... А тайга! А просторы какие!..

— Отказываться будешь? — с напускной серьезностью спросил Сергей Сергеевич.

— Нет, товарищ министр, спасибо за доверие!

— То-то! Остальных работников подбирайте по своему усмотрению. Многие у нас из министерства освобождаются в связи с сокращением, кроме того, имеется большая группа молодых специалистов—выпускников института. В кадры зайдешь, там все узнаешь. Конопатов, кажется, еще не вернулся с «Мельнистроя».

Министр прошелся по кабинету, басовито мурлыкая «Шумел сурово брянский лес», и, приблизившись к Пухареву, взглянул на него по-отечески ласково.

— А я тебя, брат, не узнал вначале. Помнишь, как тебя мои разведчики сграбастали? А?

— Помню, только я не сопротивлялся, Сергей Сергеевич, — весело заговорил Михаил.

— Не сопротивлялся? А у Якименка отчего шишка на лбу вздулась? Вот такая, чуть ли не с пепельницу! — Сергей Сергеевич разразился громким смехом, закашлялся. — За фрица тебя приняли, потеха! — Он взял Михаила за кисти рук, рассмотрел их. — Вроде и руки-то интеллигентные, как же ты Эрлиха-то наповал ахнул?

Министр потрепал инженера по плечу.

— Так, так, партизан! Ты вот что, Михаил Терентьевич, не теряй боевого духа. Я верю в тебя. Час добрый. Считай

Томусу своим боевым заданием, а о предложениях по Кузбассу я подумаю...

Они распрощались. Пухарев вышел на улицу. Его ослепило яркое весеннее солнце. Над Москвой простиралось чистое глубокое небо...

ГЛАВА II.

Подполковник в отставке, Иван Григорьев обосновался под Москвой, в двух часах езды на «электричке». Местечко выбрал тихое, уютное. Кто-то из причендалов царской России не дурак был, понимал вкус: местечко назвал Усадой!

Прямо с перрона Михаил Терентьевич шагнул в березовую рощу, которую разрезало бетонированное шоссе; то опускаясь вниз, то поднимаясь на пригорки, оно блестело на солнце шелковой лентой. Пахло зеленью. От молодой только что проклюнувшейся листвы, такой непреклонно-напористой, рябило в глазах. Хмелела голова от птичьего звона. Приподнимая желтую прошлогоднюю листву, по обочинам шоссе прорезывалась трава, то бирюзовая, то розоватая, а среди нее — взброс, как ребячья ватага, — первые цветы — желтые, синие, белые. За мостом через речку начался сосновый бор, в него ввела липовая аллея. Вот и Усада. Небольшая деревенька внизу, на которую с презрением взирали старинные дворцовые постройки, раздвинув бархат сизо-зеленой хвои. Трудно было поверить, что где-то рядом Москва, — шумная, деятельная. Здесь все навевало дремоту. Сонно вздыхали сосны, колыбельную напевала речка, лениво тянулись в небо сиреневые дымки.

«Наверное, здесь варят клубничное варенье, — усмехнувшись, подумал Михаил, — делают квас, парят репу, шупают кур!» Ему вдруг озорно захотелось крикнуть во все горло: «Пожар!» и поглядеть, как ошалело выбегут из домов люди с охапками барахла, пропахшего нафталином, загремят банками, склянками со всевозможной снедью.

Деревеньку — серое пятнышко — из десятка обыкновенных русских бревенчатых изб окружали особняки. то оштукатуренные, то обшитые тесом «в елочку», то покрашенные в голубые цвета. Один от другого они отличались шпилями над крышей, игрушечными балкончиками под кокошем, и верандами, балаясниками. и множеством других украшений, одних выполненных со вкусом, других — аляповатых и грубых.

Тишина же была обманчивой: при приближении к первому особняку Пухарев услышал звон цепи и kloкочашее

рычание. Разбежавшись в сторону Михаила Терентьевича на сколько позволяла натянутая от столба до столба проволока, пес вздыбился, глаза его налились кровью. Он так широко раскрыл пасть, что рисковал вывернуться «наизнанку», так яростно рвался, что готов был оторвать собственную голову.

«Чужим», злодеем-варнаком. Пухарев шел между заборов, увенчанных колючей проволокой, тихонько насвистывая свой любимый «Бережок, бережок».

У дома № 12 по улице Грибоедова, указанного в адресе справочного бюро, Михаилу Терентьевичу пришлось долго стоять, пока не вышел на лай рыжего кобеля рыжий мужчина. Что-то жуя, он не спеша сошел по ступенькам крыльца, приласкал собаку. По одежде мужчина не походил ни на горожанина, ни на колхозника. Лицо — хитроватое, руки проворные, беспокойные.

— Мало ли кто живет тут! — ответил он на вопрос Михаила Терентьевича, подозрительно оглядывая его с ног до головы. — Люди живут....

— Мне нужно знать, кому принадлежит дом, — пояснил Пухарев.

— Хозяину принадлежит.

— Назовите, пожалуйста, фамилию.

— А зачем?

— Нужно.

Мужик хмыкнул:

— Живу я, а хвамилию не обязательно знать.

— Странно, — Михаил пожал плечами.

— Ну, вот, — сказал рыжий мужчина и, отвернувшись, пошел прочь.

— Я ищу Григорьева Ивана Семеновича! — крикнул ему вслед Пухарев.

— Не знаю! — огрызнулся мужчина, продолжая удаляться.

☆ ☆ ☆

— Клоп! Паразит! К черту из этого царства! — бормотал Пухарев, устав от бесполезного поиска своего друга, и спустился к речке, где между двух старых ив сидел одинокий рыболов. — Вот посмотрю, как удят, да и на поезд.

— Привет рыбаку! — поздоровался он вполголоса и, зная по себе, как любят удильщики одиночество, сел поодаль. — Ни пуха, ни пера, ни чешуйки, ни хвостика!

Не отрывая взгляда от мерно покачивающихся поплавок, рыболов потрянул головой, мол, «здравствуй».

— Как речка называется? — спросил Пухарев, как можно тише.

— Воркунья — слышался шепот.

— Ключет? — прошептал Михаил Терентьевич.

— Плохо.

— На что?

— На опорыша.

— На земляного бы червя попробовал.

— Сосед ловил.

— Что же?

— Редко.

— На горох, может?

— Рано.

— А с прикормом не пробовал?

Удильщик сердито отмахнулся и, чуть подавшись вперед, окостенел. На средней из трех удочек дрогнул торчком стоящий поплавок и стал медленно погружаться, отходя в сторону. «Лещ», — догадался Михаил Терентьевич и перестал дышать. Остановилось время, потерялось пространство, все забылось, вдруг умерло. Жил только один поплавок из гусиного пера, окрашенный с кончика в красный цвет. Вот он приостановился, приподнялся и лег на воду, мелко-мелко вздрагивая. Кто на свете может оценить этот волнующий миг, за которым вот-вот должны последовать решительная поклевка, короткий рывок, подсечка!

Не помня себя, Пухарев очутился рядом, держа наготове сачок. Он уже не сомневался в том, что лещ будет так велик и так яростно будет сопротивляться, что обязательно потребуется его помощь. И он готов оказать ее. Если потребуется, он кинется в воду...

— Тащи! — выдохнул из себя Михаил Терентьевич, когда поплавок вновь встал «на попа» и до половины погрузился в воду.

— Тащи!

— Рано..

— Тащи!..

— Рано!..

В рыболове Пухарев уже признал своего фронтowego товарища Ивана Григорьева, но продолжал кричать:

— Тащи!..

— Рано...

— Тащи, черт!

А поплавок «играл», «плясал», покачиваясь из стороны в сторону, окруженный серебряными кружочками. А подмы-

тый водой бережок под тяжестью рыболовов оседал и оседал понемногу. Позади Пухарева и Ивана Семеновича уже образовалась глубокая трещина.

— Тащи! — рявкнул Пухарев.

Что-то блеснуло на солнце, что-то ухнуло, вода закипела, речка-Воркунья опрокинулась. Но и в этот момент Михаил успел подумать: «Сорвалась».

Так встретились друзья.

Расцеловались они после того, как оба, искупавшись в холодной воде, выбрались на берег.

— Надо же такому случиться! — стуча от холода зубами, говорил Пухарев, помогая другу собрать удочки.

— Сорвалось! — сокрушался Григорьев, будучи убежден, что речь идет о сошедшей с крючка рыбине.

В местечке Услава Иван Семенович снимал небольшую квартиру. Семья его — жена и трое детей — помещалась в двух комнатах. Пока передевались, пока Пухарев знакомился с детишками, хлопотливая, гостеприимная Тоня накрывала на стол и подшучивала над «рыболовами».

— Ваня! — спрашивала она из кухни, — пожарить или что с ней?

— Ты что, Тоня? — отзывался Григорьев.

— Пожарить, говорю, или заливное сделать?

— Не понимаю, ты о чем?

— О рыбе!

На минуту она показалась в дверях, заразительно, молодое смеясь, запрокидывая голову.

У Тони нашлось немного коньяку, который она подала «под рыбу». Ели яичницу, пили крепкий чай. Вспоминали минувшие дни. Хозяйка сидела, подперев кулаками румяные щеки и переводила взгляд с мужа на Михаила Терентьевича, карие глаза ее при этом ожидали необыкновенного, а мужчины, как на зло, начав разговор с восклицаний: «Помнишь!» «Не забыл?», неожиданно обрывали его, потому что обоим дальнейшее было известно в деталях.

Иван Семенович был покалечен не меньше Пухарева. На левой руке, которой он приглаживал спадавшие на лоб прямые русые волосы, недоставало трех пальцев. Чуточку приподнималась, рассеченная осколком верхняя губа. Поблескивая золотыми зубами, вставленными, как он говорил сам, в «заклепанную челюсть», Иван Семенович шурил серо-синие небольшие глаза, положив правую руку на спинку стула, позади Пухарева. По характерам они мало чем отличались друг от друга, но у Григорьева недоставало, иногда, решительности... Зато хватало ее у Пухарева. Вот за нее и полюбил Гри-

горьев Михаила Терентьевича, прозвав его на фронте «орленком».

Наверное, так тихо и прошел бы этот весенний вечер встречи фронтовых друзей, как начался, если бы к Григорьевым не пожаловали соседи — поэт Ростислав Вершинин, чем-то напоминающий веретено, и его жена Ада, про которую нельзя было ничего сказать, кроме того, что она очень красива. Ею — красотой, она, словно броней, загораживала всю себя. А о том, что она наивна до глупости — можно было лишь догадываться.

Со словами: «Мой обычай», Ростислав извлек из бокового кармана непомерно длинного вишневого пиджака бутылку водки и поставил ее на стол, сказав: «Детское».

— А это для дам... Южнобережный, напиток богов!..

Разгрузившись от водки и вина, от каких-то сверточков, пакетиков, поэт стал еще тоньше и будто выше ростом.

— Да что вы! Да что вы! — приговаривала Тоня, всплескивая руками и краснея до слез.

Ада, привыкшая, очевидно, к восхищенным мужским взглядам, капризно косилась на Михаила Терентьевича, не обращающего внимания на «редкую красоту», на старания Ады казаться еще более обаятельной. Но сердилась она по-особенному, мило сердилась. Весь вид ее говорил: «Нет, врешь, я покорю тебя!»

Эта нехитрая женская игра была замечена Пухаревым и он отблагодарил тем, что поухаживал — подал оброненный ею носовой платочек, состоящий из одних кружев. Вот тут-то она улыбнулась, нет она не улыбнулась, потому что до этого без конца улыбалась, она сыграла что-то лицом.

«Черт, не женщина!» — подумал Пухарев, беспокоясь о том, как бы не заметили ее взгляда другие. Но было поздно: Тоня без нужды заглянула в окно, Иван Григорьев опустил взгляд к столу, а Ростислав предупреждающе кашлянул.

«Нахал!» Чуть не сказал вслух Пухарев, вдруг затаив злобу и на Ростислава и на Аду.

Развязность Вершинина росла с каждым глотком вина. Бесцеремонно перебивая разговор других, он брезгливо морщил лицо, отмахивался сухой кистью руки, бросал непонятное слово «бадяга». В конце-концов показал «фокус», выпив рюмку водки, взяв рюмку со стола за край зубами. Ада взвизгнула, сказав «С ума сошел!». Тоня удивилась явно для приличия. Иван Семенович взглядом попросил извинения у Пухарева. Михаил Терентьевич понял его и, вздохнув, промолвил «бодяга», выделяя букву «о», вкладывая в слово смысл «сорная трава».

Дальше-больше Пухарев убеждался, что перед ним обыкновенный дурень-бездельник. Он быстро сочинил его биографию.

Какие-то состоятельные папа и мама сумели родить лишь этот хилый плод, отравив тем самым жизнь всем окружающим. Золотушному чаду с пеленок пророчили гениальность. Умиленно называли его «Ростик», а смышленная дворовая детвора через черточку добавила «хвостик». Сначала мальчишки звали его Ростик-хвостик, а затем просто Хвостик. С носом, выпачканным вишневым вареньем, с бантиком у горла, в узких штанишках, поддерживаемых ляточками, «хвостик» пришел в школу. В школе он лгал, курил, играл в расшибалку. В институт был принят по папиной протекции. Ничего не поняв из учения, решил, что все нужно приспособить себе, все неудобное отвергать, пусть переделывают другие.

Прочитав несколько отрывков из своей последней книги «Звездные тропы», Вершинин ждал похвалы. Пухарев сказал:

— Далеко от жизни...

— То есть? — спросил его Ростислав, глядя в сторону.

Пухарев решил бить сильным ударом:

— То есть клевета на нее!

— То есть? — изогнулся Вершинин.

— Клевета на жизнь, — повторил Пухарев.

— Что ты?! — воскликнул Ростислав, бросая презрительный взгляд на Пухарева. В бело-карих глазах его была злоба, в глазах Михаила Терентьевича — злая усмешка.

Тут Пухареву вспомнились цепная собака и рыжий ее хозяин, и вся тихая заводь — Услава. «Вот что питает тебя!» — подумал он в это время и высказался:

— На какую телегу сядешь — такую и песню запоешь!

— Язык моей домашней работницы! — процедил Вершинин и тут же получил сдачи.

— Сожалею, потому, что она не пишет! — сказал Пухарев.

Женщины настороженно притихли. Иван Григорьев поспешил на помощь Вершинину:

— Ты, Михаил, не совсем прав, — сказал он. — Или я тебя не понимаю?

Пухарев вопросительно посмотрел на Григорьева, улыбнулся.

— Мы, читатели, тоже не всех вас, писателей, и не всегда понимаем. Кружите вы нам головы то бесконфликтностью, то конфликтностью, то искренностью, то каким-то откровением, самовыражением, объективизмом и черт знает чем. А с типическим и нетипическим запутались так, что сам аллах не

разберется! Шумите иной раз, братцы, копыа ломаете, а жизнь-то стороной от вас проходит.

Увидев, что Григорьев собирается разливать вино, Михаил Терентьевич накрыл свою рюмку ладонью, отрицательно покачал головой.

— Вот вы в своих стихах о чем-то тоскуете, на что-то намекаете. Попробуйте бороться, тогда хоть ясно будет, на чьей вы стороне, — обратился он к Вершинину.

Здесь Пухарев нарочно сделал паузу, давая возможность Вершинину вдуматься в смысл сказанного.

Вершинин побледнел:

— Что вы имеете в виду?

— Позицию автора. От кого и во имя чего он выступает. Кому, например, нужны ваши стихи, только что прочитанные? Поэт не старьевщик, не сборщик хлама...

— А Маяковский? — перебил Вершинин.

— Что, Маяковский? — сердито насторожился Пухарев.

— Вылизывал чахоткины плевки шершавым языком!

— Во имя революции, во имя счастья. Да. А ваши стихи просто мусорный ящик.

— По вашему, в колхозной деревне все благополучно?

— Полагаю, нет. И не по вашим стихам. Они меня угнетают. А радует и зовет на борьбу вот этот документ. Я прочитал его по дороге сюда. Документ этот — решение пленума ЦК специально по вопросу сельского хозяйства. Вот, пожалуйста!...

Оставив газету на столе, Михаил Терентьевич, поблагодарив хозяйку, вышел на улицу. Вечер был тихий и теплый. Там, где закатилось солнце, небо золотилось. Кое-где мерцали мелкие, как искорки, звезды.

Воздух пах молодым березовым листом. Все молчало, навевало покой.

Михаил бродил, любовался вечером. Через полчаса он увидел, как от дома Григорьева отделились две фигуры и пошли в противоположную сторону. Это были Ростислав и Ада. По вечерней росе Пухарев услышал голос Вершинина: «Ну и тип!». «Спасибо и на этом!» — про себя сказал Пухарев...

Мужчины улеглись на веранде. Пухареву спать не хотелось, он почти мечтал вслух, зная, что его слушает Иван Семенович.

— Хорошая вещь — жизнь! — говорил он. — Люблю я ее, Иван, до боли в душе. И горко мне, когда какие-то Вершинины то прилизывают ее до тошноты, то плюют на нее.

— Да-а-а, — протянул Григорьев, — но... чем вызвана такая нервозность?

— Это не нервозность, Иван, а злость на Вершининых!

— Дело, друг мой, — помолчав, начал Иван Григорьев, — не в цвете очков, даже если они партийные. Дело в душе. Она прежде всего должна быть партийной. Видеть, замечать, злиться — это еще не борьба. Шumiшь ты, Михаил, отчаянно. Хотел бы я поглядеть на тебя в другой роли. Не обывательское ли место ты занимаешь в борьбе, на которую поднимаешь других?

— Может, и такую, — примирительно сказал Михаил.

— Может! Нашумел и впопьяную! — Григорьев сердито завопил на алюминиевой раскладушке и долго не подавал голоса. Пухарев спросил:

— Что молчишь?

— Думаю...

Они так и уснули, не перебросившись больше ни словом.

Утром Иван Григорьев спрашивал Пухарева;

— Почему ты злым стал. Михаил Терентьевич?

— Всегда такой.

— Нет, вчера я это почувствовал!

Пухарев засмеялся:

— Хорошо, что почувствовал. Я к тому говорил, чтобы сманить тебя к нам, в Кузбасс. Поедем, правда! Посмотри, как богат наш Кузнецкий край трудовой жизнью, трудовой поэзией! Живыми, горячими сердцами! Для творческой работы — непочатый край!

ГЛАВА III.

Из Москвы Пухарев вез с собой группу молодых инженеров. По дороге присматривался к ним и прикидывал, кого и где из них можно будет использовать. О Моисееве у него сразу сложилось хорошее мнение. Андрей Григорьевич подкупал расторопностью, энергией, которой у него, казалось, хватило бы на десяток таких, как Лосев. Лосев был ничем особенно не примечательный человек за исключением бритой головы на короткой шее и больших ушей, торчащих в стороны. Говорил он мало и тихо, все больше прислушивался к другим да пылливо приглядывался добрыми серыми глазами. Что касается Моисеева, то этот верховодил. Он организовывал и чаепитие, и игры в домино, затевал споры. Словом, по мнению Пухарева, Моисеев «вел разведку боем». Нравился Пухареву и инженер Гусев — низкорослый, сухой, остроглазый. «Человек с блестящей» — дал определение ему Михаил Те-

рентьевич. И действительно, что-то светилось во взгляде его темных, неглубоких глаз. Блестели у него ровные крепкие зубы, блестела кожа, словно с трудом натянутая на продолговатое лицо с острым носом, с глубокой ямочкой на подбородке.

«Ротозей», — сказал сам себе Пухарев, имея в виду Шишкина. Всю дорогу он что-то терял, что-то искал, до крайности смущая молоденькую проводницу. Она краснела и чуть не плача говорила:

— Честное слово, товарищи, в моем вагоне никогда ничего не пропадало. — И советовала Шишкину как следует проверить свои карманы.

Посапывая широким носом, немного опустив нижнюю толстую губу, тот подолгу обшаривал себя, и если вещь находил, то говорил виновато: «Фу ты, черт!», или в противном случае: «Я же знаю, что нет». Но в конце концов все находилось, Шишкин успокаивался и принимался за еду. Ел он много и аппетитно.

С инженером Дедовой Еленой Петровной Михаил Терентьевич успел познакомиться ближе остальных еще до отъезда из Москвы. Она где-то сумела узнать его адрес и пришла в гостиницу. Это было в субботу, вскоре, как уехал от Пухарева Иван Григорьев, давший слово, что непременно поедет в Междуречье и пробудет на строительстве месяцев пять—шесть.

Пухарев собирался тогда в кино, поэтому встреча с Дедовой произошла не в номере, а в холле. Они сели на диван и проговорили около двух часов.

Михаил Терентьевич все глядел и глядел в ее глаза, показавшиеся знакомыми, и вспоминал, где он видел такие же глаза-медунки. Потом вспомнил встречу в Междуречье с Дедовым Петром Ивановичем — первым поселенцем этих таежных мест и осведомился, не знает ли она его.

— Да, это мой отец, — ответила Елена Петровна. холодно и в свою очередь поинтересовалась: уж не на отца ли она похожа.

— Сходство поразительное! — подтвердил Пухарев, — и особенно эти глаза-медунки.

— Медунки! — повторила женщина. — Какое милое сравнение...

В тот вечер они расстались почти друзьями. «Почему?», спрашивал себя Пухарев и не мог объяснить. А в воскресенье уже вместе смотрели кино, ужинали в кафе. На какой-то миг Михаил Терентьевич рядом с Еленой Петровной забыл даже о Насте. Вся она дышала новизной, все в ней по-своему было

неповторимо. Она не рассматривалась издалека, как яркий горный цветок, не алела, не звала. Надо быть очень внимательным, чтобы оценить таких женщин. Природа потрудилась над тем, чтобы наградить Елену Петровну затейливой гаммой улыбок, взглядов, жестов. Не в мраморном безмолвии, а в действии проявлялось обаяние этой женщины, в тонкости ума. А особенно глаза-медунки.

Но удивила она его до крайности тем, что пришла на вокзал с восьмимесячным ребенком.

— Подержите, пожалуйста, — сказала она Михаилу Терентьевичу, передавая ребенка около вагона при посадке, и зачем-то ушла в вокзал.

Посмотрев на Пухарева, Иван Семенович прыснул в кулак:

— Номер! — сказал он, покачав головой.

Михаил Терентьевич даже рассердился на него:

— Смешно?

— Печально!

— Нисколько.

— А если не придет, куда ты с ним?

— С собой увезу. Смотри, какой чудесный!

— Боюсь, что тебя интересует больше не он, а мама! — не унимался Григорьев.

— Все может быть, — уже шутя сказал Михаил Терентьевич и подумал: «Эх, Алена, Алена, — орех каленый!».

В одном купе с Пухаревым места достались Ивану Семеновичу, Моисееву и Елене Петровне, но ей, как казалось Михаилу Терентьевичу, чем-то не понравилась компания. Она поменялась местом с Лосевым под тем предлогом, что ребенок у нее беспокойный.

Вслед за обычной толчеей и суматохой, какие бывают в вагоне перед отправлением поезда, когда слышится стук чемоданов, прощальные слова, звонкие поцелуи; когда каждый настолько занят самим собой, что не всегда извиняется за грубость, ему нет никакого дела до других пассажиров, ему думается, что займут его место, не окажется постели у проводника; вслед за этим непременно следует несколько часов тишины. Многие ложатся на полки досыпать прогуланные с друзьями ночные часы перед отъездом. Другие раскрывают случайные и неинтересные книги, какие берут в дорогу от скуки, или старые журналы, купленные у продавцов конвертов и безвкусных открыток, и углубляются в чтение. А «между строк» читают свои собственные романы, «новеллы», «комедии» и «драмы»... Мечтатели в это время любят

посидеть у окна, покурить, подумать, подождать, пока в душе наступит перелом от столичных впечатлений к думам о своем, привычном, будничном.

В коридоре вагона, кроме Пухарева и Григорьева, была еще какая-то влюбленная пара.

Из окна виднелся пасмурный апрельский денек. Над покинутыми с осени и закрытыми на замки дачами, над аккуратными, холеными сосенками туманилось, скипало мокрое небо. То и дело попадались на глаза речушки с глинистыми берегами, в которых плескались белые гуси и цветисто-пестрые утки.

Чувство неудовлетворенности, зародившееся в сердце Пухарева после переселения Елены Петровны в другое купе, все больше и больше тревожило его. Попробовал было «развязать узелок», вычеркнуть влияние Елены Петровны на настроение, но только занес руку — остановился. А эта нерешительность даже напугала. Собственно, что же происходит с человеком? Любит — одну, о другой тоскует! Видно, пора перевернуть жизнь, надо жениться.

— А Настя?..

Сосновое подмосковье осталось позади. Поезд вошел в поля, наполненные рокотом моторов и голосами жаворонков. Из-за пригорков выплывали немудреные русские деревеньки, окончательно состарившиеся еще в военные годы. В них выделялись пока здания клубов, правлений колхозов, школы, общественные животноводческие постройки. А многое — косилось, боченилось, спотыкалось. Иван Григорьев смотрел на них и думал о состоявшемся пленуме Центрального Комитета партии по сельскому хозяйству. Думал и прикидывал в уме сроки, нужные для благоустройства деревни. Его писательский глаз и воинская смекалка расставляли силы, предполагали трудности и борьбу.

Влюбленная пара, заняв крайнее от проводника окно, шушукалась. Не очень стесняясь, высокий сухой мужчина обнимал низкорослую женщину и, глядя в окно, покусывал ее розоватое ушко.

— Всюду борьба, — вполголоса сказал Григорьев, потеснив Михаила Терентевича.

— Да, — отозвался тот и пошарил взглядом по полям, где ничего не было видно, кроме озими. Потом мельком взглянул на влюбленных. — Всюду.

— Даже у тебя в душе. — Иван Семенович ласково потрепал рукой Пухарева по шее. — Трудный ты, Миша!

Пухарев хмыкнул, промолчал.

— Колочий! — продолжал Григорьев.

— Следовательно, не герой нашего, для некоторых литераторов, времени?!

Иван Семенович не стал продолжать начавшийся перед отъездом и еще не окончившийся спор с Михаилом Терентьевичем «о положительном и отрицательном», отшутился.

— Хочешь, Елену Петровну посватаю за тебя?

— Сват...

— А что? Она неплоха! И наверно, не хуже той, романтической.

— Кого?

— Ну, Анастасии, что ли? Или, как ты ее рекомендуешь, солнечной женщины?

— Никогда.

— Как же? Прошлый раз называл ее так, с тайгой сравнивал душу, с горной речкой — голос. Говорил, что она излучает свет и тепло!

— Наговорил!

— Да и я удивился: откуда, мол, такие женщины на свете? Что за такой особенный экземпляр?

— Сочинять — твоя профессия.

— Отказываешься?

Пухарев покачал головой, выдохнул:

— Отказываюсь.

— А чьи слова: «Люблю я в ней. Иван, какую-то особенную таежную красоту». Чьи?

— Только.

— А все остальное в бреде, выходит?

— Как это?

— Так, чуть не до утра я тебя слушал о ее достоинствах. Сейчас отказываешься! Впрочем, я тебе ни капельки не поверил, плод влюбленной фантазии. Растрепана какая-нибудь!

У Михаила Терентьевича порозовел на лице шрам, брови нахмурились:

— Не смей, Иван, так о Насте!.. — Он метнул взгляд на Ивана Семеновича, но увидел его дружескую улыбку, блеск золотых зубов. Григорьев навалился сзади, придавил Пухарева к окошку.

— Правильно, Миша, любить — так любить! Гореть — так гореть, без дыма, голубым огоньком! Только я боюсь за вас, друзья мои, обманетесь вы...

Он помолчал и спросил:

— Ты не слышал такую песенку: ты моя хорошая дале-че и не знаешь, что вот в этот час, еле слышно крадущийся вечер, может быть, разлучит нас! Дескать, вместе с вечером придет и другая...

— Прогоню! — перебил Пухарев.

Григорьев хотел что-то сказать, но увидел выходящую из купе Елену Петровну, шепнул:

— Легкая на помине!..

Дедова тихонько прикрыла за собой дверь, прислушалась: не проснулся ли ребенок и, подходя к Михаилу Терентьевичу и Григорьеву, озабоченно проговорила:

— Жар у Юрки. Должно быть, продуло.

Материнская строгость что-то погасила, что-то зажгла на ее лице, от чего Елена Петровна показалась несколько старше, но как-то мягче, женственней. Очень шел к ней скромный наряд — темно-синяя шерстяная юбка и с красным и белым горошком свитер, с длинными облегающими рукавами.

— У отцов меньше забот, — сказала она, глядя на Ивана Семеновича.

— Правильно! — охотно подтвердил Григорьев. — Отцов обычно многое минует.

— Я это говорю про вас, — улыбнулась Дедова. — Про вас лично. Вот сели да поехали, а у жены осталось вон сколько. Я видела ее с ними на вокзале.

— Про меня? — поддельно удивился Григорьев. — А я другое имел в виду...

— Именно?

— Вашего мужа.

Дедова вспыхнула:

— И меня... У меня вовсе нет.. то есть...

— Глядите, дикие утки! — встрепенулся Пухарев, высываясь в прикрытое окно. Голова Елены Петровны прикоснулась виском к его голове. В паровозном сладковатом дымке Михаил Терентьевич уловил запах камелии, почувствовал плечом обжигающую теплоту женской руки. Впереди, обрамленное ивнячком и рыжим кочкарником, стеклилось небольшое болотце. Не обращая внимания на шум поезда, в темной от торфяной гари воде купались утки. Немного в стороне сине-зеленый нарядный селезень, приспустив крылья, гонялся за серенькой уткой.

Поезд неожиданно повернул влево и стал медленно огибать низину. За кустами мелькнул охотник. Через несколько мгновений вспугнутые утки взлетели, а над головой охотника блеснули две вспышки огня. Одна птица отшиблась в сторону и полетела к поезду — неровно, сбивчиво. Несколько впереди окна, в которое смотрели Пухарев, Дедова и Григорьев, крылья птицы подломились, и она ткнулась в песчаную насыпь полотна железной дороги. Это был селезень.

и, может быть, именно тот, гонявшийся несколько минут назад за серенькой уткой...

— Ну вот и все.

— Можешь писать рассказ или новеллу, — проговорил Пухарев, обращаясь к Ивану Григорьевичу. — Во всем, что мы только видели, много философии!

— Какой?

— Это зависит от автора, от его точки зрения. Например, ты главную роль отведешь охотнику, а не овдовевшей утке. Григорьев сверкнул золотыми зубами:

— Ошибаешься.

— Может быть, частично.

— Нет, в корне. Я бы хотел взять в герои человека, едущего в поезде, поглубже заглянуть в его душу.

— Я не типичный, — перебил Пухарев. — Из меня скорее отрицательный получится. Как вы думаете, Елена Петровна?

— Думаю, что вы не правы.

— В чем?

— Вы... хороший.

Григорьев, стоявший позади Дедовой, просиял, соорудил забавную мину.

Пухарев его понял так: «Я же говорил, что забудешь ты свою Настеньку!»

Михаил Терентьевич отвернулся, чтобы незаметно погасить улыбку, и заговорил в раздумье, как бы продолжая не оконченный перед отъездом разговор с Иваном Семеновичем:

— Советскому читателю нужен герой — человек с большой буквы, но умеющий и смеяться и злиться, любить и ненавидеть. Вы покажите мне самые настоящие человеческие слезы, человеческую радость...

— Не сможем до тех пор, пока не заплачет герой нашего времени — Михаил Пухарев, — с'язвил Григорьев.

Елена Петровна засмеялась. Влюбленная пара притихла. Долговязый мужчина явно заинтересовался разговором.

— Мне, кажется, — продолжал Пухарев, — герой нашего времени должен быть государственным в обществе и семье. Он отличается жаждой к жизни, к знаниям, ко всему передовому. Он дотошный, деятельный. Мне хочется видеть не столько его победы, сколько пути к ним, борьбу. У него я хочу учиться.

— Что ж ты предлагаешь? — уточнил Григорьев.

Михаил Терентьевич повернулся к нему:

— Предлагаю понимать директивы Центрального Комитета не как буквы закона «от» и «до», а как сигнал к дей-

ствию, к творческому полету и для руководителей и для руководимых. Ведь думать учил нас Ленин, думать нас учит партия. Думать!..

В это время из купе наискосок от окна вышел подвыпивший старичок с прибауткой:

— Вота, вота, вот она
Села да поехала, —
Самоварчик на столе,
А чай пить не заехала!

На него почти не обратили внимания. Тогда он, приплясывая, пропел еще:

Эх, бей боты,
Разбивай боты.
Командир роты
Купит боты!

И, встретив улыбки, двинулся напрямик к Пухареву, Григорьеву, Дедовой.

— Робяты, родные мои! О чем спор? Давайте не надо, а? Соколики! — растолкав всех, он оказался в центре. — Гляди-ко, молодцы какие, а? А Горев — плут! Правильно я говорю? Плут! Колхоз-то развалили они, видишь, что наделяли, окайнные, а?

Потоптавшись, он подошел к влюбленной парочке — долговязому мужчине и его спутнице. Долго и страстно старик выкладывал перед ними обиды. Он пушил на чем свет стоит все районное начальство, спрашивал, что делать. Мужчина согласно кивал головой и, наконец, спросил:

— Почему же хвалят колхозную жизнь, товарищ?

— Хвалят! — запальчиво выкрикнул старик. — Хвалят там, где она хороша!

— А вам не нравится?

— Еще бы нравилась.

— Тогда уйдите из колхоза, — мягко посоветовал мужчина.

— И уйду. У меня не заржавеет! — вгорячах выпалил старик и тут же осекся. — Хм, уйди! Легко сказать, уйди! А если колхоз-то вот здесь у меня, что ни на есть в самом сердце. Уйди! Тоже мне, гусь лапчатый! Горев того же добивается, а я, мать честная, вот что ему! — Старик покрутил перед лицом мужчины нескладный кулак. — Видел это? А-а-а! Я не боюсь, я так и председателю сельсовета скажу, мол, вот это видел, товарищ Кирьянов?!

Пухарев, Григорьев, Дедова увлеклись своими разговорами, поэтому не разобрались толком, от чего старик вдруг полез на собеседника с кулаками.

Проводник сгреб его в охапку и потащил прочь, нашептывая:

— Да это же иностранный турист! Иностранец. Понимаешь ты, старый черт!

Старик брыкался, выкрикивал:

— А если иностранец, то пусть не суется в чужие дела! Я ему дам, я ему покажу, как плоха Советская власть!

Разом открылись все двери. Вагон наполнился шумом, гомоном. Иностранный турист растерянно озибался. Иван Григорьев подошел к нему и почтено извинился.

Иностранец заговорил с ним по английски и отрекомендовался мистером Хэком.

☆☆☆

Из гостей мистера Хэка и его молчаливой спутницы Иван Семенович вернулся поздно вечером, когда Пухарев, Лосев и Моисеев уже укладывались спать.

— Можешь гордиться, Михаил, — сказал Григорьев весело. — Ты очень понравился мистеру Хэку.

— Как тот колхозник?!

Григорьев промолчал и после того, как улегся в постель, заговорил вновь:

— Мистеру Хэку я задал вопрос: «Скажите, мистер Хэк, есть ли у вас дети?» «О, у меня их двое!» отетил он. «Вы им делаете замечания, когда они не так в чем-нибудь ведут себя?» «О, да!» «Зачем?» «Чтобы лучше были!» «Но вы, надеюсь, не можете уничтожить их за оплошность, за ошибку?» У мистера глаза на лоб: «Разумеется! Что вы хотите сказать?» «Хочу сказать, что мы, советские люди, относимся к Советской власти, как к родному, кровному детищу — лелеем, совершенствуем, и постороннему даже пальцем тронуть не позволим!»

— Так и сказал? — удивился Пухарев.

— За точность не ручаюсь, но примерно.

— А он что?

— Пожал плечами: не понимаю!

— Зато старикашка понял его хорошо!..

За стенкой капризничал ребенок. Елена Петровна о чем-то разговаривала с ним. Над Пухаревым вздыхал, ворочался Моисеев. Вагон мягко покачивало.

ГЛАВА IV.

Среди ночи, выйдя в коридор покурить, Михаил Терентьевич увидел у раскрытого окна Дедову. Облокотясь, она смотрела в темноту, врывавшийся ветерок трепал ее волосы, колыхал шторы на окне.

— Не спите?!

— Нет. Только-что укачала Юрку.

— Жар не прошел?

— Нет. Но ему лучше. Идите сюда. — Елена Петровна потеснилась.

— Смотрите, какая чудесная ночь, прямо бездонная! Сегодня которое?

— Двадцать пятое. Нет... — Пухарев послушал часы. — Уже двадцать шестое.

— Время, как поезд, — она вздохнула. — Скоро рассвет. Я очень люблю встречать солнце, особенно весеннее...

— Вам не холодно? — помолчав, спросил Михаил Терентьевич.

Дедова улыбнулась ему одними глазами-медунками.

— Я сейчас.

Она сходила в купе, взяла теплый платок, накинула его на плечи.

— Дайте папиросу.

На лице Пухарева выразилась озабоченность:

— Что с вами?!

— Дайте.

— Вы же не курите!

— Папиросу жалеете?

— Нет, пожалуйста.

«Спасибо!» только глазами сказала она и отвернулась.

«Та-та, та-та» — выговаривали колеса. «Тук-тук, тук-тук» — стучало сердце Елены Петровны, и это угадывал Пухарев, видя, как бьется жилка у нее на шее.

Пухарев ждал, что Елена Петровна вот-вот заговорит и скажет что-то очень важное, а она молчала и в свою очередь ждала чего-то. Так долго топчутся на пороге люди, уступая друг другу дорогу и, наконец, сталкиваются в дверях, а двери ведут в сердца и раскрываются порой всего лишь на миг!...

В темноте промелькнул огонек, словно кто-то угольком чиркнул по стеклам вагона. Ночь сделалась непроглядней. Черным, резным узором на фоне неясного, мглистого неба выделялись макушки хвойного леса.

Два взгляда устремились туда — в непонятное.

Творилось непонятное и в их сердцах. Был миг, в котором образы Насти и Елены Петровны для Пухарева слились воедино. Так велико было его душевное напряжение, что он тихо, но все же не ко времени и некстати запел свою любимую песенку про бережок:

Желтый месяц зажег
Голубую заводь.
Бережок, бережок...

— Что вы делаете?! — озираясь, прошептала Дедова. — Поздно так!

— Нет, Аленушка... Слава богу, не поздно! — с радостью выдохнул Михаил Терентьевич и добавил непонятно. — Не важно запеть невпопад, важно вовремя остановиться... Песни не перепутать... Аленушка!...

Повторенное дважды слово «Аленушка» и некоторая странность в поведении Пухарева показались Дедовой отзвуком на то смутное и радостное волнение, которое испытывала она в своем сердце.

«Аленушка»... Как это можно сказать особенно, ласково. «Аленушка»?! Была бы проще жизнь или были бы другие обстоятельства, поцеловала бы Елена Петровна этого чужого, зовущего к себе человека! Вот люди начнут рассуждать о любви с первого взгляда, бывает или не бывает такое, и много-много наговорят вздорного, затеют глупые споры, мол, человек потому и человек, что его рассудок может руководить чувством.

— Хорошее, по-настоящему человеческое сердце никогда не бывает свободным от горения, — сказал он, — и если из него уходит одна любовь, то на ее место приходит другая, неповторимо новая, по-своему первая!

Первой любовью Елены Петровны был студент-однокурсник Андрей Моисеев. Родив сына, она на последнем курсе рассталась с Андреем. И вот теперь они, хоть и ехали в одном вагоне, на одну и ту же стройку, были чужими, не замечали друг друга. А ведь когда-то Елена Петровна со слезами уговаривала Андрея вернуться к ней.

Что могут сказать моралисты о Елене Петровне, если она полюбила Пухарева с первого взгляда, не узнав, женат он или холост?

Она любит его и любит час от часу сильнее...

— Расскажите что-нибудь, — прервала затянувшееся молчание Дедова.

— Как это, что-нибудь? — спросил Михаил Терентьевич и подумал: «Что я ждал? И зачем?»

— Вы же охотник?

— А-а-а. — Пухарев сдержал смех. Но Елена Петровна успела это заметить:

— Почему улыбаетесь?

— Историю вспомнил.

— Прекрасно, ее и рассказывайте.

На ум Михаилу пришло нечто забавное, связанное с охотником Кусургашевым и Колыхаловым.

— Я вам, Елена Петровна, ничего не рассказывал о своих друзьях?

— Знаю, что один из них шорец, у другого жена шорка, а он русский — Александр Макарович. Правильно?

— Хорошая память. Так вот, они оба охотники...

— Говорят, охотники часто привирают? — перебила Пухарева расшутившаяся сразу Дедова. — Но это к вам не относится...

— Напрасно... впрочем об охотниках сам Кусургашев так говорит: врет тот, который врать не умеет. Не тот охотник, что при полном снаряжении, а тот, у кого душа большая. Так этот самый Кусургашев с медведями за ручку здороваётся. Только один медведь не очень любезным оказался: сам снимал с Кусургашева шапку и по нечаянности прихватил ее вместе с волосами...

Пухарев умолк. Елена Петровна положила свои холодные пальцы на его руку:

— Все?

— Да.

— Так мало?

Пухареву рассказывать уже не хотелось, вернее, он не мог, холодные пальцы Дедовой жгли раскаленным железом. Стоило большого напряжения воли, чтобы удержаться и не поцеловать их.

— Рассказывайте! — вновь попросила Дедова.

— Про медведя?

— Про себя...

Она отвернулась к окошку и заулыбалась, глядя в темноту.

Помедлив, Пухарев принялся рассказывать.

☆ ☆ ☆

— Если бы мы не были охотниками, то про нас можно было сказать в тот раз, что мы заблудились. Потратив часа полтора на то, чтобы найти хоть какую-нибудь тропу в таежной, непроглядной ночи, мы очутились на возвышенности, заваленной буреломом. Поверженные деревья, переплетенные густой травой, преградили путь. И не то чтобы преградили, а, казалось, взяли нас в плен. Карманные фонарики вырывали из мрака хаос причудливых крон, сучьев и пней с длинными мохнатыми корневищами, похожими на гигантских пауков, а дикий хмель напоминал их паутину.

Было тревожно и жутко. Неприятную картину дополняло низкое небо — сумрачное, облачное.

— Вот здесь и заночуем! — сказал Кусургашев, сбрасывая с себя доспехи.

Нивесть по какой причине моя собака Белка все время путалась в ногах, тихонько скулила. Видимо, и ей, как и мне, не нравилось место, выбранное для ночлега. Я осветил ее фонариком, приласкал, потом спросил:

— Чужой?

Шерсть на спине собаки моментально вздыбилась, блеснули острые клыки.

— Взять, — скомандовал я и сделал вид, что собираюсь в кого-то стрелять. С лаем Белка сорвалась с места и кинулась в самую чашу. Треск сучьев, шуршание сухой травы и ее голос сначала доносились откуда-то снизу, затем надолго все стихло.

— Не дело! — укоризненно проговорил Кусургашев, строя ножом смолевой сук, чтобы разжечь костер. — Собаку нельзя обманывать! Куда послал? Зачем послал?...

Прервав рассказ, Михаил Терентьевич сделал вид, что не хочет продолжать его и тут же увидел просящий взгляд Елены Петровны.

— Пожалуйста, — сказала она тихо.

И Пухарев, глядя в окно, заговорил вновь.

— Была вот такая-же ночь. Вспыхнул костер. Качнулась, раздалась окружающая чернота. Забегали, заплясали тени. Александра Макаровича я увидел сидящим в отдалении на стволе поваленной сосны в позе мечтателя.

— Принеси-ка воды, Макарыч, — распорядился старый охотник. Колыхалов молча взял котелок и пошел в том направлении, куда убежала собака. Ходил долго, вернулся необычайно веселым. Ставя котелок с водой перед Кусургашевым, проговорил:

— Эх, места! И голос у нее неземной. Поет — колдует!

— Кто поет? — спросил Кусургашев.

— Тайга поет!...

— Врешь, однако, — заметил шорец, прилаживая над огнем котелок.

— А если правда, поет? — беспечно отозвался Александр Макарович.

Кусургашев лишь усмехнулся да покачал головой. И вот в последующую минуту молчания моего слуха коснулся далекий напев — одновременно и чарующий и пугающий женский голос. Он рассказывал о чем-то значительном, прекрас-

ном. Овладевая просторами тайги, далью беспокойного осеннего неба и всем земным, что скрывала от глаз темная ночь, он, наконец, стал единственным для меня во всем свете...

Нереально, как во сне, стал видиться мне Александр Макарович, в отдалении, недвижно сидел у костра шорец, да и костер-то казался окаменевшим.

Сколько бы времени длилось оцепенение, если бы не вернулась Белка и не отряхнулась поблизости, обдав лицо мое холодными каплями росы. Я взглянул на часы и отметил в уме: «Половина первого».

— Будет вам, давайте-ка чаек пить! — сказал Кусургашев, снимая с костра выкипевший наполовину котелок, и удивился:

— Еге! Как же это я не доглядел? Все ты виноват, Макарович. Придумал какую-то чертовщину и меня с толку сбил.

Придвинувшись к костру и подбросив в него дров, мы пили душистый охотничий чай, заправленный листьями черной смородины.

Ночь густела, набирала сказочную силу. Пламя костра освещало причудливые очертания, которые моментально дорисовывало воображение, поэтому всюду, казалось, окружали нас необычайные звери и птицы. Покажется взмахнувшее крыло и бесшумно промелькнет перед глазами сине-черная птица. Или кто-то выставит из-за деревьев рыжую лапу, когтистую, злую, и уже видится за кустами притаившийся медведь, и глаза его блестят недобрыми зеленоватыми огоньками. А деревья в это время шепчутся друг с другом на непонятном лесном языке...

Неведомая песня витающей глуши то обрывалась на время, то начинала звучать с новой силой. Я видел, как трудно было шорцу найти объяснение ей, как очарованно глядел вдаль Александр Макарович.

— Пойду, однако, я, разузнаю! — решительно поднялся шорец. Он постоял с минуту, прислушался и шагнул в темноту.

— Позови Белку с собой, — посоветовал я, почему-то волнуясь...

На свету, когда заалело небо, по тайге раскатились два выстрела, а вслед за ними что-то прокричал Кусургашев. Александр Макарович и я быстрехонько подобрали с земли вещи и кинулись на голос, на ходу выпалив из своих ружей.

До восхода солнца нам пришлось плутать по заболоченной низине среди высокой сухой травы и колючего кустарника. Порой мы останавливались, звали шорца, а он как в во-

ду канул. Только песня звала и звала нас. Наконец, мы нашли что-то вроде тропинки, которая вывела нас на пригорок, и мы увидели старого охотника, сидящего на поляне, обессиленного, злого.

Никому не хотелось поддаваться очарованию, хотелось думать, что все случившееся — был ссн.

Елена Петровна изумилась. Она не сразу спросила, когда Пухарев умолк.

— После этого скажете, что охотники не врут?

— Нет, — возразил Михаил Терентьевич.

— Кто же пел?

— Пела Зоя Николаевна — теперешняя жена Колыхалова...

Увидев свою руку на руке Пухарева, Дедова смутилась, опустила глаза. А он подумал: «Женщины способны не только защищаться!»...

Несколько раз просыпался Иван Семенович: приподнимется на локтях, проверит, не вернулся ли Пухарев, и снова ткнется взлохмаченной головой в жесткую подушку и думает. На верхней полке над ним ровно посапывал Лосев, метался Моисеев: нет-нет, да скрипнет зубами, что-то пробормочет невнятное — «нервный». С тех пор, как после долгой разлуки Григорьев вновь встретился с Пухаревым и послушал его, в душу запала какая-то ржа, червоточина. До всего дотошный и положительно смелый, Михаил Терентьевич, по его мнению, явно переговаривал. Как от перезимовавшего яблока вместе с волнующим ароматом доносится, порой, запах лежалого, так и в суждениях Пухарева присутствовал душок обывательщины. «Орленок», летал теперь выше и смелее, но неровно. «Смотри, не подстрелил бы кто, — мысленно остерегал Пухарева Иван Семенович и вспоминал при этом мистера Хэка. — Вон какие зубастые и матерые есть еще!» Поверив было в искреннюю и чистую любовь Пухарева к Анастасии Арсентьевне, Григорьев и здесь увидел трещину. Очевидно, плохо запирается сердце у «Орленка», если так свободно входит в него другая женщина! Что же тогда остается на проверку? Слова!...

У Ивана Семеновича появилось такое чувство, словно он заново перечитывал любимую книгу и не находил в ней того, что сильно волновало когда-то. Но он глушил это чувство, старался верить...

Боясь кого-либо потревожить, Михаил Терентьевич тихо прикрыл за собой дверь, взобрался на постель и сел. Он обхватил руками колени и подтянул к себе, положив на них подбородок. В этой позе и во взгляде его, отразившем рассветную зорьку, было что-то демоническое, злое. Наблюдая за ним сквозь неплотно прикрытые веки, Григорьев пытался понять, что делается в душе друга, чем окончилось его ночное свидание с Дедовой. Наверное, покорила! «Что, Орленок, влип в историю?»

Григорьев сделал вид, что просыпается: завопил, потянулся, сладко позевал. Пухарев даже не обратил внимания, не изменил позы. Он, видимо, не собирался скрывать своих чувств или же забылся, слишком далеко уйдя мыслями от действительности.

— А я вот лежу и думаю, — заговорил Иван Семенович, кося глаза на синий плафон, — думаю и прихожу к выводу: человек становится человеком в трудной борьбе с силами природы, не только внешними, но и с теми еще, которые бушуют в его собственной крови.

— Что, что!? — очнулся Михаил Терентьевич.

— Говорю, от зубной боли есть хорошее средство...

— Не понимаю.

Блеснув в улыбке золотыми зубами, Григорьев в ответ пропел:

От чего, не пойму,
Что это такое-е-е....

— Да ты спишь, что ли? — Михаил Терентьевич подсел к нему.

— К сожалению, нет. Но... впрочем, да...

Они оба рассмеялись. Григорьев за воротник пижамы притянул Пухарева к себе, спросил очень тихо:

— Объяснись?

— То есть?

— Не хитри!

— Как перед богом!...

— Доброе утро, товарищи! — Моисеев свесил с верхней полки шапку темных кольцеватых волос. Григорьев отпустил Пухарева.

Подойдя к своей постели и поправляя ее, Михаил Терентьевич на секунду притих, потом со вздохом сказал:

— Эх, Ванюшка! Трудная у меня судьба.

— А, может, сам?...

Пухарев молча прилег и долго пытался уснуть. Его приглашали пить чай, играть в домино, — он отказывался, ссыла-

ясь на головную боль. Приходила Елена Петровна, щупала его голову своей доброй рукой, предлагала какие-то порошки. Наконец, за него основательно взялся Григорьев.

— Вот последнее средство. Если оно не поможет — будем гроб заказывать. — С этими словами Иван Семенович почти доверху налил большую эмалированную кружку вина. — Пей! — заявил он Пухареву. Тот даже опешил:

— Да ты что, с ума сошел?

— Пей.

— Не буду!

— А вы немножко, — посоветовала Дедова, искренне поверившая в болезнь Михаила Терентьевича.

От озабоченности, какая слышалась в ее голосе, Пухареву стало немножко совестно. Он отпил несколько глотков, потом еще и еще.

— Нате, предлагать не будете! — возвратил он пустую кружку.

Григорьев свистнул. Елена Петровна всплеснула руками:

— Боже мой, что же будет теперь?!

После этого Пухарев много и аппетитно ел, подшучивая над Григорьевым. А запив остывшим чаем, разговорился, не подавая никаких признаков опьянения, просто стал весел и мягок.

— Друзья мои! — через пятнадцать минут говорил он. — Вы понимаете, куда нас везет поезд? Мы едем в Сибирь, впереди вдохновенный край! Романтика! Представьте себе таежную страну; быстрые голубые реки: Томь, Уса, Мрас-Су; цветущие долины, хвойные ветры! Это юг Кузбасса! В горах металл и уголь; в лесах медведь и россомаха, куница и соболь; в кристалльных водах — благороднейшие рыбы — таймень и хариус. Это почти нетронутый, девственный край. Но мы едем туда не путешественниками, не созерцателями, а строителями, преобразователями. На нашем пути не забавные приключения, а трудности и героические дела!...

Пухарев мысленно перенесся туда, где сливаются реки Томь и Уса, где на юго-восточной окраине Кузбасса стоит небольшой шорский улус Сыр-Даш. Его обступает тайга, кругом громоздятся горы, поросшие пихтой, кедрами, соснами. В долинах рек, на заболоченной зыбкой почве растут березы, осины, частый кустарник. Вековую тишину время от времени нарушает лишь выстрел охотника или шорская просторная песня.

Но туда придут строители и будут воздвигать город, шахты, отвоевывать у тайги несметные угольные богатства. Не-

мало они увидят трудностей и лишений. Зимой при сорока- и пятидесятиградусном морозе они будут стоять на лесах, мучиться, злиться, радоваться, как юноша от первой и светлой любви!

Зато придет время — и шумом весенних ручьев с гор, ветрами, пахнувшими хвоей, ворвется в их юный город вот такая же весна. Опояшутся мостами. Томь и Уса. На фоне синего неба обозначатся копры, по дорогам пойдут автомашины. Утром они увидят, как юные жители юного города поспешат в школу.

Они поднимутся на новые леса, оглянут преображенный край и подумают, помечтают. Не поверится им, что все вокруг сотворено их обыкновенными человеческими руками!..

В купе уже было душно, в него собрались все едущие на стройку, у дверей толпились пассажиры, в том числе и мистер Хэк со своей спутницей. Михаил Терентьевич видел его острое, как топор, лицо, плотно сомкнутые синеватые губы. Пошумевший вчера и извинившийся с утра старик-колхозник стоял тут же рядом с мистером Хэком, и весь вид его говорил: слушай, мистер, слушай, мать честная, да знай наших...

...Предгорья Кузнецкого Алатау вставали перед Григорьевым в суровой величественной красоте...

От долин порожистых рек Томи, Мрас-Су и Усы вдаль и ввысь уходила тайга. Григорьеву виделся край, где грохочут неистовые грозы и спускаются проливные дожди, где стынет на морозе ртуть (но не крови!). Там Балахонская свита перво-сортных углей представлена двадцатью четырьмя пластами мощностью до пятнадцати метров каждый.

На бой, на подвиг звал инженер Пухарев своих новых друзей, и радовался за друга Иван Григорьев, разом простив ему все.

ГЛАВА V.

В Кедровое поезд пришел вечером накануне Первого мая. В городе царила обычная предпраздничная суета; на привокзальной площади было много встречающих и машин; в гуле, в гомоне чувствовалось радостное настроение, всюду мелькали перед глазами приветливые лица, слышались извинительные слова, но люди налетали и налетали друг на друга: глухо стукались их чемоданы, поскрипывали сдавленные корзины.

Михайла Терентьевича первыми встречали Горюновы — Ольга Дмитриевна и Иван Владимирович. Через минуту подкатили Колыхаловы и привезли с собой Райку.

На всех приехавших двух легковых машин оказалось мало, Иван Владимирович позвонил на шахту и распорядился выслать автобус. А пока ждали — знакомились, сбившись в

кучку у привокзального садика, где в тени, падающей от вагонов, одиноко стояла Анастасия Арсентьевна, ломая в пальцах какую-то веточку. Веточка глухо потрескивала и остро пахла весной, разбуженной, разогретой в горячих Настиных руках.

До слуха Анастасии Арсентьевны доносились шутки, смех.

— Женим, братцы, кого-то! — выкрикнул Иван Владимирович, — Глядите, что получилось, крестом поздоровались!

— Правда! Правда! — слышались голоса.

— Михаила Терентьевича женим!

— Хватит ему в холостяках ходить!

«Ой, скорее бы!» — горько подумала Анастасия Арсентьевна, присматриваясь к женщине с ребенком на руках, стоящей рядом с Пухаревым.

На опустевшей привокзальной площади Настя долго не могла сообразить, зачем попала сюда. Утром она узнала от Ольги Дмитриевны о приезде Пухарева, и весь день в ней боролись чувство и рассудок. Победили чувства. Да что там победили, нет, уничтожили душу и тело! Настя ни на миг не переставала любить Пухарева, но все же до сих пор умела владеть собой, а вот сейчас оглохла, онемела. Так, значит, вот какая ты, настоящая-то!...

Настя шла и ступала на огни, отраженные в лужах, ослепительно горели огни над головой, проносились огни мимо — справа, слева. Она и сама горела в огне, от которого было невыносимо больно и тяжело. И в то же время несказанно хотелось гореть.

Если бы ее не окликнул муж, она бы прошла мимо своего дома и шла и шла бы, не зная куда, на огни, по огням, в огонь.

Мирон взял Настю под руку и заглянул в лицо.

— Что с тобой?!

Настя поднесла кисть правой руки ко лбу и затем, пройдя несколько шагов, бессильно опустила руку.

Они присели на ступеньку около дома. Заговорил Колмыков, глядя немного в сторону:

— Может, уедем отсюда?.. Или мне куда... а?

Между двух высоких терриконов мерцала в густой синеве одинокая звездочка, такая же заблудившаяся, как Мирон Колмыков; кому светит, кого греет она?

В его душе перекипела ревность, злоба на Пухарева, теперь он сильно жалеет Настю за то, что так мучается она в своей любви. Но как ей помочь? Чем помочь ей? Что можно придумать, когда жена любит другого?

— Настя, ты вот что...

— Молчи!...

Голос жены прозвучал угрожающе. Мирон поднялся и молча побрел в дом. Там он разделся и лег на свою кровать, не загасив огня. Сквозь неплотно прикрытую дверь, ведущую в комнату жены, виднелись высокие подушки и угол пустой детской кровати.

Умер! Проклятая скарлатина! Был сын — была хоть какая-то надежда на то, что Настя со временем забудет Пухарева. Нет сына — нет надежды. Была у Мирона силушка — растерял, стал инвалидом. Умереть впору, чтоб себя и других не мучать!

С приходом весны здоровье стало еще хуже. Ныли переломанные кости, да и немного осталось их — доктора выбросили, как щепки. Старое колесо — вот кто ты Мирон Колмыков! Такое колесо он видел. Оно брошено у шурфа, рассохлось, спицы выпали, обод лопнул, втулка растрескалась. Многое Мирон не замечал раньше. Знал лишь то, что нужно каждый день спускаться в шахту, работать так, чтобы гудел, содрогался забой. Идя со смены, распахнуть обшарканную дверь буфета, крикнуть с порога:

— Мою!

Одного слова было достаточно буфетнице Любушке, изучившей вкус щедрого во хмелю горняка, чтобы подать Мирону пивную кружку какой-то смеси из крепких вин.

☆☆☆

Анастасия Арсентьевна поднялась, пошатнулась, потом, овладев собой, пошла прочь от дома все быстрее и быстрее. Под конец она уже бежала, зачерпывая туфлями талую воду. Ей нужно торопиться, пока не раздумала.

Но рассудок заговорил. Он проснулся, когда блеснули ярко освещенные окна квартиры Пухарева.

«Домой, скорее домой!»

☆☆☆

Приехавших с Пухаревым молодых специалистов устроили в гостинице, в праздничные дни ехать в Междуречье не было никакого смысла. Кроме того, и сам Пухарев решил поехать с ними вместе. Елену Петровну взяла к себе Ольга Дмитриевна. Квартира Пухарева оказалась кем-то уютно прибранной. Иван Семенович, помывшись, завалился спать.

— Любовь — предвестница новой жизни, — сказал он, натягивая одеяло.

— Ты зачем это? — спросил Михаил Терентьевич.

— Философствую. Под старость мы возвращаемся к теории любви, в молодости предпочитаем практику.

— Отвечай на вопрос, не уклоняйся, — настаивал Михаил.

— Хочу сказать, что ты тоже старик. Много мечтаешь, а она рядом, если не ошибаюсь, за стенкой.

— Это не она, — Пухарев ходил по комнате, посадив на плечо дочь.

— Она. Голос слышу.

— Не та.

— Ну а та где?

— Далеко. В том конце рудника...

Райка уснула прямо на плече отца. Положив ее в кровать, Пухарев позвонил Колыхалову. На вопрос Александра Макаровича:

— Ты, что Миша?

Ответил:

— От скуки.

— А нам весело. Слышишь, как Зоя поет?

— Слышу.

— Приезжай, машину пошлю.

— Нет. Пусть Зоя споет мне по телефону. Знаешь, Саша, гу, дремуче-таежную!..

К телефону подошла Зоя Николаевна. Пухарев услышал ее голос:

— Миша, а я сегодня встречала ее...

— Нет, нет, ни слова... Заплакать могу! Ты лучше спой мне, Зоя!

— По-шорски?

— Непременно. Про весну, про тайгу!..

Зоя Николаевна запела, а Пухарев прикрыл ладонью глаза, опершись о крышку стола, слушал. Он не понимал слов, но понимал о чем поет Зоя, казалось, он видел песню...

...На поляну, усеянную подснежниками и медунцами, выходит могучий серебрянорогий лось, чуткие, подвижные ноздри его ловят легкий апрельский ветерок с запахами земли и чего-то еще, известного и доступного только ему. Он слышит ручьи, сбегающие с Кузнецкого Алатау, Горной Шории, Салаира, и чувствует, как вздыхают, томятся подо льдом Томь и ее сестры Кондома и Мрас-Су, Иня и Кия. Он глядит черными, умными глазами на восток, и глаза его постепенно краснеют, в них начинает отражаться заря. «Те-те, те-кэ», — токуют где-то глухари. «Чуфык-чуфык», — сердится косач. Но вот животное припало на задние ноги... Прыжок... Треск сучьев, сухих деревьев... Подобно тени, поляну пересекает рысь...

— Послушайте! Почему раз'единяете! — закричал Михаил Терентьевич, когда вмешалась телефонистка.

— Аварийная, вас вызывают!

— К черту!

— Говорите, — телефонистка выключилась. Пухарев узнал веселый голос Ивана Владимировича:

— Авария! Слышь Михаил Терентьевич, авария!

— Что за авария?

— Чай пить сели. Тебя не хватает. Заходи!

За чаем Пухарев скучал, хотя женщины и ухаживали за ним наперебой. Елена Петровна не понимала, что вдруг произошло с Михаилом Терентьевичем. Да он и сам плохо понимал себя. Ушел как-то некстати, сославшись на головную боль. Иван Семенович встретил его, сидя на койке, завернувшись в одеяло, покуривая папиросу:

— Не нравишься ты мне, Михаил.

— Наверно, — согласился Пухарев, раздеваясь.

Григорьев сердито ткнул окурком в пепельницу:

— Подай Белинского! — попросил он, указывая на книжный шкаф. — Третий том давай!

Пухарев подал. Иван Семенович полистал книгу, нашел нужную страницу:

— Слушай и запоминай!..

«...Под бременем глубокой печали, вызванной величием общих скорбей, позволено даже изнемогать; но стыдно настать под ношею единичных невзгод. Это непростительная слабость, тщедушный эгоизм...»

Известию о скором приезде дочери Дедов не обрадовался, наоборот, рассердился.

Во-первых, потому, что не хотел он иметь в своем подчинении инженера Дедову, во-вторых, и это, пожалуй, решающее, что дочь Аленушка, не успев завершить дипломную работу, родила сына, да еще не известно от кого!

Глядя на телеграмму, Петр Иванович суровел. «Иш ты, еду, встречайте!» — рассуждал он — «А кто звал тебя?» Не желал он видеть Аленку-мать. Он бы с радостью встретил ту, — длинноногую, с двумя тоненькими косичками, Аленку, с пионерским галстуком на шее, с саквояжиком в руках! Он рассердился на взрослую Алену, словно бы она сжила с бела света маленькую Аленку.

Косился он и на жену, наблюдая, как Мария Акимовна разжигает плиту.

Закрыв за собой дверь, она сбросила клетчатую шаль на спинку стула. Проворно, не по годам, опустилась на колени перед плитой, чтобы поджечь заготовленную лучину. Пальцы дрожали, спички ломались, коробка падала из рук.

— Да что ты, оказия!

Наконец, лучина разгорелась, затрещала. На чисто вымытый пол стрельнули крохотные искорки. Пламя осветило припухшее, заплаканное лицо, с широким носом, с полными слез добрыми серыми глазами. Острый подбородок, с родинкой на левой стороне и с несколькими скрученными волосинками на ней, дрогнул, поджались губы.

Не поднимаясь с пола, Мария Акимовна повернула голову к столу, за которым сидел, насупясь, Петр Иванович. На синей клеенке лежали его по локти обнаженные руки, трудовые, узловатые, нескладные. От густых с проседью бровей поднимался упорный лоб. В центре венчика еще кудрявых волос, обхватывающего круглую голову, возвышалась лысина — такая бугровая, неровная, словно там, под лоснящейся кожей, лежали камни.

— Отец! — срывающимся голосом обратилась к нему Мария Акимовна, — Послушай меня! Ить дочь она, не чужая!

В ответ заскрипел стол, встопорчились усы. Дедов сердито засопел:

— Не пушу. Сказал, не пушу, и крышка!

— А зачем же пристроечек к дому делал?

— Мало-ли чего делал! Не пушу!..

Он собрался и ушел в контору. Там ему вспомнилась его пастушья жизнь и приход первой любви...

Стояли две коровы: пестро-черная и рыжая и лизали друг друга, а над ними и под ними голубело небо с редкими облаками. Не тревожили бы их оводы, не махали бы они время от времени хвостами, то не понять бы: эти или те две коровы настоящие! Уж больно чиста была вода, уж больно прозрачен и недвижим был воздух.

Каждый день он ставил здесь стадо на полдник, каждый день видел деревеньку вдаль, огороженный выгон вдоль конопляников справа и речку Ветелку — слева, с топкими берегами, заросшими осокорем, каждый день видел и будто никогда не видел. Все повернулось новой, неведомой до слез стороной. Да и с ним что-то случилось: веет на него благодатным, только не понять откуда, теплом; что-то ищут гла-

за, что-то берedit сердце; конечно, уж, не от того хочется одновременно плакать и петь, что по дорогам к Семеновскому пылят подводы и с'езжаются туда гости на престольный праздник. Поближе подошел к проселку. Сел на дубинку, покуривает самосад, а мимо телеги крылатые, рыдваны узкие с бабами в старомодных казакинах, краснощекие девки в цветных платках, мужики в жилетах и чубатые парни — на распашку пиджаки — атласные рубашки, нечесанные девчонки, ребятишки в непомерно больших картузах, сползающих на носы. Нет-нет, да и тарантас в паре откормленных лошадей, — это к Никанору...

Разбредлось стадо: коровы стога бодают, овцы в капустник, лошади — гуськом на чуть зазеленевшие посевы. Стоит Петр, и сладкая грусть томит душу. Будет со временем и он человеком. Поправит избенку, заведет хозяйство, не по-пастушечьи, в одиночку, а на миру встретит он праздник. Женится на Маше, посадит ее рядом, тронет возжой какого-нибудь гнедого, чмокнет губами, и вихрем к тестиному дому; на повороте — разлет — санки в сторону, гривой снег, и Машенька ойкнет, схватится за мужа. А тесть на крыльце с тещей встречают гостей с гордой ухмылкой. «Зять приехал!» — кричат свояки и свояченицы. «Приехал! Чертом подкатил!» — шуруется тесть: — «Добро пожаловать, Петр Иванович!»

К лошади — свояки, Петр — в пятистенную избу по желтым ступенькам, по пестрым половичкам. Навстречу бражный дух, смолистое тепло бревенчатых стен, оклеенных божественными картинками.

Потом вспомнилось почему-то раннее детство. В белой рубашке, в коротких синих штанишках он приходил каждый день и подолгу наблюдал за работой плотников. Чудом казалось ему, как ловко ложилось бревно на бревно и получалась изба — самая настоящая деревенская изба!

Дробно, неторопливо «тюкали» топоры, отваливая и разбрасывая щепу — белую с розоватыми прожилками, пахнущую смолой, а мальчик стоял и о чем-то думал, заложив за спину руки, задрав вверх нос.

Однажды, когда все ушли на обед, он робко потрогал отполированный черенок оставленного топора, потом погладил его, взял в руки и, подражая плотникам, принялся «работать». Он часто плевал на ладони, опускал топор с «придыхом», но ничего не выходило — топор не слушался!

— Вот и не дело делаешь! — услышал парнишка позади себя несердितую речь. — Попортишь ногу, кто отвечать будет?

Пожилой человек отобрал топор и, присев на обрубок дерева, стал закуривать.

— Чей будешь? — спросил он, развертывая кисет.

Мальчишка отступил на шаг, нахмурился:

— Дедов.

— А звать?

— Петькой.

— Ишь ты, сердитый какой!...

Мужчина не спеша раскурил «козью ножку», с ухмылкой поглядел, как тает дымок и серьезно обратился к Петьке:

— Что, брат, в плотники метишь?

— Чего? — не совсем понял его Петька.

— Плотником хочешь быть, говорю?

— А что, и буду!

Мужчина удивленно вскинул седеющие брови, и тут же по его лицу разлилась хорошая улыбка:

— Похвально! — Он поймал Петьку за подол рубашки, усадил рядом, и что-то долго-долго говорил о человеке-строителе, рассматривая свои рабочие руки в мозолях, в ссадинах.

Из всего, что говорил плотник, мальчик понял лишь то, что самое главное в жизни — строить. Что если человек захочет, он сделает все.

Окрыленный верой в себя, мальчик бежал домой и там пытался ремонтировать ступеньки крыльца, поправлять забор. Но плотник, видимо, был прав: у Петьки получалось не так уж хорошо, как хотелось, как думалось...

Петр Иванович открыл окно и стал глядеть на тропу, огибающую темный выступ скалы. Тропа была пустынна, временами падали на нее короткие порывы ветра, морща лужи.

Такой уж у него характер: в минуты радости и в минуты, когда сердце обжигают сомнения, он любил оглянуться на свой жизненный путь, находя в этом ответ и утешение.

Биография у Дедова длинная. Началась со смерти отца. Отец был плохонький, щупленький, постоянно кашлял. Глядя на него, все говорили: «Не жилец ты, Иван», а если не говорили, то обязательно думали.

Но умер Иван не вдруг, даже и после того, как с ним случилось несчастье.

Придавленный породой, он пролежал в забое пятнадцать часов. Домой его принесли с переломленной рукой, с помятой грудной клеткой, отчего при дыхании хлюпало и свистело в груди.

Умирая, он подозвал к себе Петруньку — самого старшего

из пяти сыновей и, положив ему на плечо бессильную руку, сказал:

— Шабаш, брат. Должно быть, и впрямь умираю. Ты духом не падай, Петрунька. С кума Федора не забудь три рубля получить. Скажи ему, что ты, мол, у тяти на водку брал. А когда я умру, ты на эти деньги в лавке купи подсолнышков. да конфет. Только гляди, всех своих обдели. Вот вам и поминки будут. Мать слушайся. Берегите ее, не то...

Умер отец, а вскоре за ним мать и братья. Почему смерть пощадила именно Петра? Ведь он тоже голодал, как и они, его также кусали тифозные вши. Может быть, потому, что у него была особенная страсть к жизни, он умел видеть сказочные города в стремительно бежавших по небу облаках, умел разговаривать с птицами, слушать рассказы соснового бора про чудесные земли. Он понимал, — чтобы увидеть эти земли, надо жить, идти и идти. А то, что остался он круглой сиротой, — тогда его это не беспокоило. Он слышал, что душа человека не умирает, она живет вечно...

Потом был пастухом, работал в шахте. Потом гражданская война.

Время от времени в жизни каждого человека случается что-то очень значительное, когда он невольно задумывается над прожитым. В такие минуты он старается подняться выше, как бы взобраться на пригорок, чтобы подальше заглянуть в свое прошлое, подальше увидеть лежащий перед ним жизненный путь. Беспристрастно и по-новому человек оценит вдруг хорошее и плохое в делах своих и поступках, отчего обретет лишь больше уверенности и силы.

Первым таким поворотным моментом для Петра Ивановича Дедова была смерть родителей, когда он должен был начинать новую жизнь без отца и без матери. Гражданская война явилась новым испытанием душевных и физических качеств, но она не согнула, а подняла, закалила характер.

Не один раз он рассказывал жене случай, происшедший с ним в госпитале, где лечился он после ранения, и каждый раз она находила в его рассказе что-то новое.

Петру Ивановичу помнится, как в воскресный день после обеда, сестра-хозяйка, которую солдаты звали просто Федотовной, принесла ему одежду и историю болезни, где было указано, что он получил долгосрочный отпуск.

Как хороша показалась тогда ему древняя маленькая старушка с белыми волосами, с маленьким впавшим ртом и светлыми раскосыми глазками. В опущенных руках перед

собой она держала его засаленный вещевой мешок, и каждая морщинка на ее лице улыбалась.

Она села на койку, провела по его лицу и волосам своей теплой рукой и, не сказав ни слова, глубоко вздохнула, вышла из палаты суетливой походкой, на ходу утирая глаза куском марли. Ее последний сын, из четырех, лежал также где-то в госпитале с тяжелым ранением. Может быть, она только и жила тем, что ждала выздоровления сына, изо всех сил борясь со старостью.

Все мы, когда-то по рассеянности или ошибке бываем неблагодарны, а потом всю жизнь не можем забыть того случая.

Также случилось и с Дедовым по отношению к той старушке. Он наскоро оделся, наскоро распрощался с друзьями и лечащими врачами, совершенно забыв о Федотовне, обладающей большим человеческим сердцем.

Он бежал уже по тропинке, протоптанной в глубоком снегу между вековыми липами и дубами госпитального парка, ослепленный белизной снега, опьяненный чистым морозным воздухом.

В конце парка под могучим дубом, опушенным инеем, он остановился и проговорил, глядя на дерево.

У лукоморья — дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том,
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом.

Потом оглянулся назад, чтобы навсегда запечатлеть место, где ни днем, ни ночью не замирает прекрасный и благородный труд во имя жизни человека. И он никогда не забудет теперь того, что открылось его взору. По его словам, ничто не научило его так ценить жизнь и человека, как этот незабываемый случай.

По тропинке, спотыкаясь и что-то крича, вслед за ним бежала Федотовна.

— Как это ты, не простясь-то, родненький? Нешто обиделся? — прерывающимся голосом проговорила она. — Забегалась я, проглядела. Туда-сюда, а и улетел сокол-то мой, а?

Ошеломленный, готовый от стыда и жалости провалиться сквозь землю, Дедов стоял перед Федотовной, а она, маленькая, снизу вверх смотрела на него глазами, полными слез, и изрезанный морщинами ее острый подбородок мелко-мелко дрожал.

— К матери прямо ступай, не трать время попусту, — советовала она с ласковой серьезностью, застегивая крючки на

его шинели, — вот будет рада-радешенька. Хоть глазком бы одним посмотреть на ее-то счастье...

Дедов не помнит, сколько времени они простояли под этим столетним дубом, только Федотовна как бы спохватилась, заторопилась:

— Ну, прощай. А то ноги простынут. Иди. А это возьми, дорогой перекусишь! — сунула она в его карман небольшой сверток.

И уже вслед кричала:

— Матери кланяйся. Поклон ей от меня передавай, а лесом-то не ходи, все влево, да влево забирай! По вешкам-то ловчее и дорога-то лучше!..

Он вышел на обѣзженную дорогу. Прямо перед ним и влево лежала бескрайная белая степь, а справа синел хвойный лес. Он уходил далеко вперед, сливаясь с горизонтом. Навстречу, по серому небу, ползли низкие темные облака, роняя редкие хлопья снега. Ветра почти не ощущалось и, как показалось ему, погода резко изменилась, — потеплело, будто совсем не было ясного морозного утра.

Он старался идти не спеша, ни о чем не думать, как человек, у которого решены все задачи, а предстоит лишь желанный отдых, но это ему не совсем удавалось. Он трижды мысленно пережил разлуку с Федотовной и трижды к горлу подкатывал горько-соленый комок.

— Нет у меня матери. Ты, Федотовна, мать моя...

Дедов возвращался домой с сознанием исполненного долга перед Родиной и народом. Тяжелый военный путь остался позади. Где приложить теперь привыкшие к труду рабочие руки?

На всем свете ни близких, ни дальних родственников у Петра Ивановича не было. В полинявшей и выгоревшей гимнастерке, в такой же шинели и с вещевым мешком за плечами, Дедов входил в родной город Тулу. Шел, озираясь по сторонам с любопытством, с радостью солдата, истосковавшегося по мирной жизни. Но город все же не особенно ласкал глаз: много старых, покосившихся построек, много изветшалых за годы войны жилых домов.

Шел Петр Иванович и думал: «Обновлять нужно город! Браться за дело, засуча рукава!»

У одного дома, выведенного уже под карниз, Дедов даже остановился.

— Служивому мое почтение! — поприветствовал его стро-

итель — вчерашний солдат. — Кого честь имею? — в веселом тоне продолжал он.

— Красногвардейца Петра Ивановича Дедова!

— А куда путь держишь?

— Не знаю...

— Может, отдыхать собираешься? — уже строго обратился демобилизованный, почему-то плохо расценив ответ Дедова — «Не знаю».

— Отдыхать?! — улыбнулся Дедов. — Надо бы. Да вот руки стосковались. Разрушали, разрушали, да строить захотели.

Строитель вновь повеселел:

— Правильный разговор. В таком случае, иди к нам.

С этого дня и начинается, по существу, строительная судьба Петра Ивановича Дедова. Она кидала его из конца в конец страны, он был участником многих новостроек.

Но Дедов знал: на смену старому строителю время выдвигает новых людей, таких же, каким он был когда-то, страстно желавших, смеющихся, инициативных.

Уж вот как бы нужно было поговорить нынче с кем-нибудь, и именно об этом, да нет никого. Конопатов почему-то задерживался в «Мельничстрое». Строительных материалов, кое-как заброшенных по бездорожью, хватило на один жилой дом, в котором поселились Дедовы, да на временную конторку, похожую на барак. Бригаду плотников пришлось распустить, и остался в единственном числе начальник первого строительного управления. А впереди весенний паводок, месяца на полтора отрезет он Междуречье. О чем думают люди?..

Странный характер у Конопатова: заведет стройку в тупик с самого начала, создаст трудности, а потом мобилизует народ на их преодоление.

Пуще загрустилось Петру Ивановичу после ночи, в которую началось на реках половодье, когда рухнули последние надежды на подвоз продовольствия. Оставшуюся муку Мария Акимовна перемерила тарелкой, ее оказалось около десяти килограммов. Картошки набралось два ведра.

— Гляди вот, старый, беспокойный, чего есть-то будем? — говорила жена, выставив на середину пола все запасы.

— На охоту пойду.

— Охотник! Как раз медведю в лапы попадешь. Гляди-ко, он по ночам под окошко приходит!

Все же Дедов достал свое старое ружьишко, потер его керосином и повесил у двери.

— Завтра пойду.

И пошел он на следующий день, только недалеко ушел, вернулся скоро. В логах бурлила вода. На северных склонах рыхлый двухметровый снег, не давал шагу шагнуть...

ГЛАВА VI.

На первомайскую демонстрацию Пухарев по привычке пошел с горняками шахты Первая. В колонне встретился с Мироном Колмыковым. Бывшего силача — «человека-машину» почти невозможно было узнать. На иссиня-бледном лице — выцветшие тусклые глаза, губы землисты. Он подал Михаилу Терентьевичу холодную, тяжелую руку.

— С приездом, инженер!

— Здравствуй, Мирон Федорович! — приветствовал его Пухарев. — Как здоровье?

— Как видишь... Хожу...

Не в силах выдержать взгляда Колмыкова, Михаил Терентьевич шагнул было в сторону, Колмыков придержал его за руку:

— Поговорить хочу... Может, зайдешь ко мне?

— Хорошо, зайду.

— А то и на праздник давай.

— Может быть..

— Чего, может быть, заходи — и крышка!

«Скорее в Междуречье, подальше от Кедрового!» — решил про себя инженер.

В этот день он и Иван Семенович получили столько приглашений, что после демонстрации раз'езжали по гостям на машине Горюнова. Они нигде не задерживались более получаса. И за четыре часа побывали в десяти семьях, в том числе у Бабашкина Степана Гордеевича, в молодежном общении у Ткачева и Жарикова и в гостинице у новых друзей.

Основное праздничное пиршество назначалось на вечер у Колыхаловых. Все такая же стройная и красивая, Зоя Николаевна встречала гостей медом, брагой и рябчиками.

«Чем же она не тайга, — думал Пухарев, украдкой наблюдая за ней, — если такая добрая и непонятная?!»

Теперь, когда Зоя уже стала женой Александра Макаровича, он часто бывал у них в гостях, и все еще не мог забыть

той необычайной ночи и песен тайги, и все как-то робел под взглядом карих веселых глаз.

«Вот она, тайга-песенница», думал Михаил Терентьевич. Любовался молодой хозяйкой и Бабашкин. Он поднимал кружку пенившейся браги и говорил:

— За ваше здоровье, Николаевна, за песни хорошие!

— Полно-те! — с женским лукавством махала загорелой рукой дочь тайги, смущенно склоняя голову с гладко зачесанными волосами, собранными на затылке в пучок.

Пухарев много пил и не хмелел. Видя это, Колыхалов налил ему «неочередную». Михаил Терентьевич уже взялся было за рюмку, но его остановила Елена Петровна, остановила одним взглядом — «Не надо» сказали ее глаза-медунки.

— Хотите, чтобы я грустил? — спросил он вслух.

— Нет. Просто много вам будет...

— В таком случае, за ваше здоровье! — Пухарев выпил и тут же попросил еще. Наполненную рюмку поставил перед Еленой Петровной. — Теперь попробуйте вы за мое здоровье!

— С удовольствием, — не колебалась она.

Гости одобрительно зашумели.

— Спасибо, — поцеловав руку Дедовой, Пухарев вышел из-за стола, подсел к проигрывателю. Поставил первую попавшуюся пластинку и, вдруг, песня больно резнула по сердцу.

Серым утром крик печальный...

И уже особенно в тон настроению:

...Как же случилось, не знаю,
С милым гнезда не свила я,
Одна я...

«Надо кончать. Сегодня же надо кончать!» — про себя твердил Михаил Терентьевич, поспешно одевая в прихожей свой плащ. На улице услышал сзади себя голос Елены Петровны:

— Михаил Терентьевич, куда вы?!

Остановился:

— Что вам?

— Миша...

В белом платье, окруженная черно-синей весенней ночью, Дедова казалась прозрачно-легкой. Неясной тенью она скользнула к Михаилу Терентьевичу, он взял ее за руки:

— Аленушка... трудно мне...

— Мне тоже...

И хмель, и близость женщины, и тоска о Насте туманили голову.

— Аленушка!...

— Что?...

— Разрешите мне... поцеловать вас...

Елена Петровна отшатнулась:

— Вы пьяны, Михаил Терентьевич?

— Да, но я по-дружески, перед трудным делом...

— Вы с кем-то хотите встретиться?

— Да.

— Любите ее?

— Да. Но через десять минут может все кончиться.

— И вы вернетесь сюда?

— Да.

— Хорошо. Я вам верю. Не спешите с решениями. Желаю мира...

Сказав это, так же невесомо, легкой тенью, Дедова скрылась в ночи, на несколько мгновений оставив около Михаила Терентьевича запах камелий.

Он постоял, удивляясь себе, всему, что происходит вокруг и в собственном сердце. А в заключение повторил про себя:

...Как же случилось, не знаю.
С милым гнезда не свила я...

И, рассуждая, побрел потихоньку, ища ответ на слова песни, но на уме вертелось одно: «Не знаю».

Колмыков умел и любил праздновать на широкую ногу. Но на этот раз, чувствуя, что дни его жизни сочтены, размахнулся по-купечески. Растревоженный муравейник напоминал его просторный дом. Множество полупьяных гостей пило, ело, плясало, спорило, пело. Войдя в этот дом, Пухарев долгое время оставался незамеченным. Бледный, но с буйной удалью в глазах, сам Мирон Федорович восседал в переднем углу, дирижируя нераскупоренной бутылкой. Шелковая рубашка на нем припотела, плотно обтянула костистую, но еще мощную грудь. На висках, на лбу поблескивала испарина. Кося большой рот с крупными зубами, он зычно тянул «Ермака». Настя была на ногах. Сияя крупными золотыми сережками, в светлом кремовом платье, она расторопно сновала между столов, приветливо улыбалась гостям. Из левого рукава виднелся уголок кружевного носового платка, от чего рука казалась еще смуглее. Настя цвела теплой женственной красотой.

Увидев, наконец, Михаила Терентьевича, Колмыков оборвал песню на полуслове и неуклюже полез из-за стола.

— Настя! Принимай гостей! — крикнул он, направляясь к Пухареву.

С подноса, который Анастасия Арсентьевна держала в руках, соскользнуло несколько тарелок с закуской. Серо-белая тень прошла по Настиному лицу. Но она скоро овладела собой, поклонилась учтиво.

«Что я делаю?» — мелькнуло в голове Михаила Терентьевича, а Колмыков přátельски тянул его в передний угол, чтобы посадить к столу рядом с собой.

— Ты, инженер, которое предпочитаешь? — спросил Мирон Федорович Пухарева, показывая на строй бутылок широким жестом.

— Любое.

— А которой?

— Любой.

— Закусывать чем станешь? — наполняя высокие рюмки светло-розовой жидкостью, вновь осведомился хозяин, все же желая как-то удивить инженера.

— Глядя по тому, какая выпивка, — неопределенно ответил Михаил Терентьевич, стараясь понять, к чему клонит хозяин.

— Выпивка детская, градусов на шестьдесят!

— Ну что ж, селедка пойдет, огурчик.

— Эх, охотник! — Мирон Федорович дружески потрепал Михаила по плечу и крикнул, перебивая галдеж:

— Настя, медвежий окорок подавай! Вот так, значит...

Слева от Михаила Терентьевича сидел сильно захмелевший человек с большим мокрым ртом и рачьими глазами на вытянутом лице.

— Видел! — подтолкнул он Пухарева. — Тебя здесь, как зятя, принимают!

И захихикал вместе с удушливым кашлем. Это услышал и понял Колмыков, большая рука его моментально сжалась в кулаки,хватила и потянула скатерть... Михаил Терентьевич нарочно заговорил громко:

— Слушай, Мирон Федорович, а хорошая вещь...

— Что? — еще глядя на обидчика, спросил Колмыков.

— Настойка.

— А-а-а.

Настя нигде не было видно. Выпив с хозяином еще по рюмке, Пухарев начал собираться, ссылаясь, что его ждут в другом месте. Провожая гостя, Мирон Федорович вышел на улицу. Человек с большим ртом увязался за ними.

— Колмыков, как следует попрощайся с ним! — бормотал он. — Так, чтобы память осталась. А!

— Это можно... это сейчас получится... — поддерживая Пухарева за локоть, спокойно говорил Колмыков и вдруг, размахнувшись левой рукой, наотмашь, как плетью, хлестнул большого по лицу. Тот опрокинулся навзничь и тут же умолк.

— Поговорить я хотел с тобой, инженер, — начал Мирон Федорович после минутного молчания... — шибко ты мне жизнь испортил...

— Может, сейчас поговорим? — спросил Михаил Терентьевич, чувствуя безграничное уважение к Мирону.

— Не время, инженер, — вздохнул Колмыков. — Видишь, во хмелю-то какой я...

Вновь помолчал, потом спросил:

— Говорят, в Междуречье посылают?

— Да...

— А на шахту кого?

— Еще не известно...

Оба понимали, что говорить не о чем, только не знали, как разойтись.

— Мирон Федорович! — позвала откуда-то появившаяся на крыльце Анастасия Арсентьевна. — Что ты раздетый вышел? Простудился!

Колмыков благодарно взглянул в ее сторону, повеселел.

— Прощай, инженер, желаю успехов...

Долгим показался остаток этой ночи, его хватило, чтобы пройти Кедровое из конца в конец, заново передумать всю свою жизнь. Начать с того, как стал помнить себя и остановиться на том же распутье, — одиноким в ранний майский рассвет, с тяжелой от похмелья головой.

«Несчастлив?» — спрашивал сам себя Михаил Терентьевич и отвечал: «Чепуха. Не может быть несчастным человек, постоянно чувствующий волнение! А ты еще не утерял даже способность любить по-мальчишески, Миша!»

За вчерашнее было немного обидно и стыдно. Необдуманным посещением обидел, конечно, Настю... По-глупому вел себя с Дедовой. Наконец, постыдно сбежал от компании, оставив одного Ивана Григорьева среди незнакомых ему людей. Стало быть, вино люди пьют, чтобы делать то, что не в состоянии они делать при здравом рассудке. А Мирон Федорович Колмыков, безусловно, благородный человек! Очень жаль, что судьба столкнула именно с ним. Но почему же Настя не любит его?...

«Не любит... Ничего не знаешь о ней, Миша!»

И опять в это утро Пухарев решил, что ему нужна только Настя.

— Настя, — приостанавливаясь, чтобы осмотреться, где находится, произнес он нечаянно вслух.

Перед глазами что-то завозилось, закутанное в просторный овчинный тулуп, потом из него показалось дуло берданки, затем бородатая голова.

— Чего байшь? — послышался откуда-то старческий голос.

— В магазин пришел. — Пухарев увидел вывеску гастронома.

— Спозаранку-то, паря?

— Подожду...

— Жди на здоровье. Его инда через два дня теперь откруют...

Бородатая голова снова спряталась в тулуп.

— Дедушка, нет ли закурить? — спросил Пухарев.

— Есть, — отозвалось глуховато, — да ить я трубку курю. Найдешь газету — завертывай.

Михаил Терентьевич присел на порожние ящики. Закурили крепкого самосада. Тихую улицу заливал молочный расцвет. Пели скворцы, сонно переговаривались хриплыми голосами грачи.

— С женой, что-ли, не поладил? — спросил сторож.

Пухарев утвердительно кивнул.

— Вечор, должно, многие спьяна начудачили, — продолжал сторож. — Тут драка вечерь была... А жена-то у тебя красивая, поди?

— Очень.

— Понятно. Она-те еще выведет на свежую воду...

— Как это?

— Так. Красивую-то бабу нужно уметь в руках держать, они сплошь избалованы. Я вон посчитай сорок лет лямку тяну...

В это же утро Михаил рассказал о своих ночных приключениях Колыхалову, тот слушал его с грустной улыбкой. А под конец спросил:

— Думаешь забыть Настю?

— Думаю.

— И влюбиться в Дедову?

— Не знаю.

— А мне она нравится. Вчера очень беспокоилась о тебе...

— Знаю, — мрачно перебил Пухарев. — Хочешь сказать, что я порядочная свинья?

— Зачем так строго?

— Нет, Саша, я все-таки порядочная свинья...

Из-за бурного разлива поездку в Междуречье пришлось отложить еще на три дня. Собрались в путь только восьмого мая. От Сыр-Даша до разлива, где Кусургашев готовил переправочные средства, шли пешком по заболоченной таежной местности. К тропинке иногда вплотную подходила вода тихих озер, с которых шумно поднимались дикие утки и гуси. А день был улыбчивый, солнечный. Теплая тишина вливалась прямо в душу. В небе курлыкали журавли, поскрипывали гуси. И такая чистая синь была над головой, что очень далеко виделись в ней ожившие шмели и бабочки. У каждого москвича, приехавшего вместе с Пухаревым, оказалось ружье. Дорогой палили более чем достаточно и все без толку. Шагая впереди, Михаил Терентьевич нес на руках ребенка Елены Петровны. Она шла за ним в торжественно-приподнятом настроении.

Метрах в сорока впереди на тропинку вышел лось и тут же, как призрак, пропал. А охотники долго потом спорили между собой о том, кому лучше всего было стрелять.

«Эх, я бы!» «Да будь на твоём месте!» — галдели они.

Оттуда, где Кусургашев думал переправляться, вправо и вдаль уходила водная гладь. Обе реки — Томь и Уса потерялись в разливе.

Разместились в двух лодках. Старый охотник-проводник волновался. Заметив это, Пухарев пошутил:

— Ты, Кусургашев, важничаешь, словно Колумб. Будто эта лужа — океан.

Но старый охотник не обратил на эту шутку внимания. Стоя на корме передней лодки, он зорко всматривался и что-то видел там, где лишь голубело.

— Глядите! — показал он вправо.

От тайги что-то отделилось и помчалось по середине водной глади, напоминая стаю диких животных. Это были вырванные с корнями деревья. Перекатываясь друг через друга, вставая «на попа» то хвоей, то корневищами вверх, деревья промчались мимо, треща, скрежеща.

Но Кусургашева пугал больше всего водяной гребешок, образовавшийся от столкновения двух таежных рек. Гребешок заканчивался засасывающей воронкой, ниже ее — бурун.

Первую лодку, нагруженную багажом, в которой находились Пухарев с ребенком, Кусургашев, Лосев, из-за неопытности гребцов развернуло, как только она попала в стремнину. Через борт плеснулась вода, и лодка непременно пошла бы ко дну, если бы ей управлял не Кусургашев, а кто-то другой. У второй лодки торцом полузатонувшего дерева пробило дно. И она еле-еле дотянула до берега.

Высадились шумно. Елена Петровна кинулась к Пухареву, взяла у него сынишку:

— Я так напугалась, Михаил Терентьевич!

— За кого?

— За вас с Юркой.

— Ну вот, а я думал... обо мне некому переживать... Впрочем, постольку-поскольку...

Дедова покачала головой и сказала очень тихо:

— Неправда...

Весь путь от Кедрового до Междуречья Григорьев не выпускал из рук блокнота. Сделал какие-то записи даже в лодке, куда переправлялись. Теперь он ходил по берегу с радостным вдохновенным лицом, старался молчать, тогда как сердце кричало. Это все-таки счастье, что произошла встреча с Михаилом Терентьевичем и он сманил его в таежные края. Здесь, по сравнению с Усадой, глубже дышится, дальше видится, по-особенному волнуется сердце. В девственный сибирский пейзаж легко вплетаются люди и их поступки. Чего стоит хотя бы любовная история, начинающаяся у Пухарева с Дедовой. Но у Пухарева уже намечается соперник — это Моисеев Андрей Григорьевич — человек со всеми данными быть любимым Еленой Петровной, или молодые, мечтающие инженеры Быстров и Гусев, немного смешной, но добрый малый Шишкин, или расчетливый, смекалистый Лосев. Они — герои стройки и будущей книги, которую будет писать Григорьев.

На этом берегу начинается новая жизнь, а на первой стороне ее — одинокая сосна над крутым обрывом, — какая-то вдумчивая, слушающая тихие всплески воды, обозревающая дали.

Трутся борт о борт, покачиваются причаленные лодки. Кучка людей, оживленно обсуждающих только-что пережитое. Поодоль ото всех — человек с бронзовым лицом, с трубкой во рту — молчаливый сын тайги — Кусургашев...

ГЛАВА VII.

Июльским еще росным прохладным утром Мирона Колмыкова позвала смерть.

А умирать не хотелось...

Тяжело подойдя к буфету, он раскрыл его. Трясущимися руками достал с верхней полки старый хрустальный графинчик и поглядел на него тепло, горестно, как на давнишнего друга перед долгой разлукой.

Увидел МIRON, что графинчик-то оказывается с дефектом, с кривинкой в горлышке, что водки в нем чуть-чуть на доньш-

ке, а когда-то брошенные туда апельсиновые корочки потускнели и сморщились.

У босых ног его — широкоступных, жилистых — ласково увивался, мурлыкая, белый котенок; сердито взвизгивала, билась о стекло еще вчера залетевшая в дом зелено-желтая оса; размеренно тикали на стене ко всему равнодушные часы.

Выпив, Мирон разыскал на кухне заветренный кусочек колбасы и собирался было с'есть его, но, заметив котенка, отдал ему. А сам кое-как добрал до крыльца, выходящего в огород, где Анастасия Арсентьевна полола грядки, и попросил:

— Настя, сорви луковку.

Видно, тихо сказал он или Настя слишком занята была своими мыслями, только не отозвалась, не подняла головы. Стоя в борозде на коленях, она левой рукой опиралась на ивовую корзинку, другой — тянулась к середине огуречной грядки, хмурая, сосредоточенная. По зелени волочились упавшие наперед ее длинные косы; поблескивали, а порой ослепительно вспыхивали в ушах тяжелые золотые сережки. В серой юбке с влажным от росы подолом, в белой узковатой кофточке без рукавов, облепляющей высокую грудь, девичье крепкое тело, Настя сначала пробудила в муже грустную нежность. Присев на ступеньки, он долго и умиленно наблюдал за ее работой.

Хороша была Настя среди утренней свежести, на фоне алых махровых маков! И до чего же ярко светило солнышко, поднявшееся над туманным горизонтом вровень с макушками дремлющих тополей; как громко кричали перепела в дымчатой зелени буйных трав, которые начинались прямо за огородами и простирались до самой тайги, чуть видневшейся из-за холмов.

По отдаленным шумам на терриконе шахты Первая, следующими через строго равные промежутки времени, по размеренности отдельных отзвуков, долетавших с шахтного двора, Мирон догадывался, что в забоях идет жаркая битва, и ему вдруг захотелось туда, захотелось ощутить стремительный полет клетки, вдохнуть грибной запах штрека, добежать до лавы, включить рвущийся, нетерпеливо-трепетный отбойный молоток, как оружие, прижать его к плечу, и, пригнув голову, сбывшись, ринуться и столкнуться с высокой стеной угля...

Помнят ли о нем верные друзья-горняки, или давно позабыли?! Неужто ни у кого не дрогнет сердце, когда сложит Мирон на своей могучей груди нескладные и сильные от тяжелого труда руки?!

Неужели все также пойдут день за днем, неделя за неделей, и зимы будут сменять весны, лета — осени?...

Наверное, так.

Переживет Мирона даже вот этот бородавчатый лягушонок, не спеша прыгающий по дорожке, которую недавно оправил и засыпал желтым песком Мирон. Сегодня пятница. Завтра горняки получают аванс, весело проведут субботний вечер. А в воскресенье... С семьями потянутся мимо окон осиротевшего Колмыкова дома, на речку, на простор. А он будет лежать в переднем углу с закрытыми глазами, — угасший, стынущий...

Погрустит ли, всплакнет ли о нем кто-нибудь?

Вряд ли...

— Умер Колмыков-то! — скажет один.

— Все-таки умер? — спросит другой.

— Да, умер.

— Ну, так и то сколько тянул...

И разойдутся по своим житейским делам, перечеркнув в памяти человека, носившего имя Мирон Федорович.

Конечно, уж не больше неделки, да и то для отвода глаз, тихонько-скромненько поживет Настя, а потом... Потом Михаил Пухарев станет топтать песчаную дорожку; он, а не Мирон, сядет вот так же на этом крылечке и будет любоваться Настей... его, Мионовой, Настей!...

Колмыков дрогнул плечами и ужаснулся тому, какая черная злоба начала постепенно вливаться в его замирающее сердце. О, если бы хватило сил подняться и сделать пять шагов до колоды, в которую воткнут топор... Потом шагнуть к Насте, встать над ней, взмахнуть топором и...

Уже сгустками крови казались махровые алые маки. Смеялись, дразнили перепела, мол, «Смерть, пора, смерть, пора, Мирон Федорович». Раскаленными иголками кололи солнечные лучи. Узкая белая кофточка бесстыдно подчеркивала силу и молодость Насти, остающейся жить и любить... Кого? Инженера Пухарева!...

Мирон Федорович скрипнул зубами, стукнулся лбом о колено, роняя нечесаную лохматую голову. Не скоро просочилась слеза сквозь черноту, горечь, обиду. Наконец, она упала на коричневую крашеную ступеньку крыльца между босых ступней с синеватыми крепкими ногтями. За ней — другая, третья...

Когда же так сладко плакалось, когда? Давно, очень давно! В детстве у Мирона Федоровича был любимый рыжий щенок, забавный такой, кудлатый. Забежал он однажды в конюшню и подвернулся под копыто вороного коренастого жеребца, шкурка мокрая осталась от него. А схоронил его Мирон под забором сарая в малиннике...

Плакал сперва Мирон Федорович беззвучно. Потом что-то задергалось внутри, захлюпало, заклокотало в горле.

Анастасия Арсентьевна отвела его в дом, уложила на свою кружевную кровать, а сама села на стул у изголовья.

— Умру я нынче, Настя, — сказал он, утирая мокрое лицо рукавом рубашки.

— Ну, что ты! — улыбнулась она и, вынув из своих волос гребенку, принялась причесывать мужа, поглядывая на резко обозначившийся профиль, на багровые, с крупными синими прожилками скулы. Толстая змееобразная жилка на запавшем левом виске пульсировала слабо и редко. Дыхание было порывистым, трудным. Все говорило о том, что Мирон угасает.

И все же не верилось ей, не верилось, будто завтра она не услышит рано утром его покашливания, не загремят спички, не запахнет вдруг дымком папиросы. Будто не проговорит он, выпив натошак кружку холодного кваса: — «Настасья, чай уж бока отлежала? В поселке сплошь огни светятся!» И не начнет по-стариковски увлеченно рассказывать сон, пока Анастасия Арсентьевна хлопочет у плиты, готовит завтрак.

Сны у Милона за последнее время говорили об одном и том же — о дружной семейной жизни. И будто грезились они ему с продолжением, а Настя в них обязательно делала какую-нибудь оплошность.

По-стариковски жили они и внешне: спали в разных комнатах, поднимались ранешенько, словно детей полон дом да полный двор скотины. За завтраком разговаривали мало и то, так сказать, по ходу дела.

— Ты ничего не чувствуешь? — спрашивал Мирон Федорович, жуя пустым ртом.

— Нет, — отвечала Настя.

— А по-моему, хлоркой от воды воняет.

— Ничего не сделаешь, везде такая.

— Заварки побольше ложи.

— Буду.

Колмыков передразнивал жену:

— Буду, буду! — он сердито вытряхивал в чайник полпачки чая. Наливал себе, наливал Насте, а через некоторое время спрашивал:

— Ну как?

— Вроде лучше.

— То-то!

Случалось, приглядевшись к жене, с ухмылкой говорил:

— Ты тоже вроде стареть стала. Сколько уж тебе стукнуло?

— Тридцать.

— Все еще тридцать?

— А сколько по-твоему?

— Сколько? Мне вон пятьдесят дают!

«Сам виноват» — про себя отвечала ему Настя и нарочно за чем-нибудь уходила в кухню, чтобы прервать разговор, могущий окончиться скандалом. Жила она теперь в каком-то постоянном неприятном ознобе. После того как на нее, разгоряченную любовью к Михаилу Пухареву, полились сплетни, пересуды, она сильно стихла, надолго задумалась холодной и какой-то бесконечной думой.

Но если бы кто-нибудь спросил ее: о чем ты думаешь?

Она бы ответила: не знаю.

Это же слово слышал от Насти и муж, когда завел разговор относительно того, почему все-таки она не решается уйти от него.

— Ведь не любишь?

— Нет.

— Молвы боишься?

— Нисколько.

— Ждешь моей смерти?

— Зачем?

— Дурочкой прикидываешься? Уйдешь — ничего не получишь. За утро пропью все.

Но ухода жены Мирон Федорович боялся больше смерти. Нагрубив, оскорбив, он принимался строгать, пилить или без нужды стучать молотком по половицам, будто ослабили в них гвозди, а сам искоса поглядывал на жену: «А вдруг она надумает оставить его, соберется вдруг да дверью хлопнет!»

А уж до чего перепугался на днях, заметив, что Настя роется в шифоньере, достает оттуда свои вещи. Ослаб сразу, во рту пересохло; от поясницы до самой макушки словно медведь когтями проволок.

— Далеко ли собираешься, Настя? — спросил он с ласковой немощью.

— В баню. Куда же еще? — бросила та сердито.

— Сходи, сходи! — одобрил он радостно.

Вернулась Настя домой, а у мужа стол для чая накрыт.

Хоть и бледно и устало лицо Мирона, но хорошая улыбка на нем.

— Ты понимаешь, Настя, насилу из погреба вылез. Спустился за вареньем туда, а обратно — шабаш. Хоть караул кричи!

— Я бы сама могла.

— После бани-то? Что ты, милаха, там холодище такой, — зараз простынешь!..

Незаметно промелькнул остаток того дня, — счастливого

для Колмыкова; договорились вместе поехать на курорт, вечером Анастасия Арсентьевна читала вслух «Графа Монте-Кристо».

Мирон уснул в ту ночь крепким сном, уверившись в какую-то необычайную человеческую силу, которая, в конце-концов, вернет ему и здоровье и Настю. Было чего и рассказать ему утром, если всю ночь грезилась подвиги, щедрая добродетель к несчастным.

Умирал Колмыков медленно. Не могла, зная, смерть сразу всего одолеть Мирона. К полудню у него парализовало левую руку, до колен онемели ноги, а на закате отнялся язык и перекосилось лицо. «В больницу везти нет смысла», сказал вызванный врач, однако сделал умирающему какие-то уколы, а Настю напоил валерьянкой, после чего ей сильно захотелось спать и она, сидя на стуле, прикорнула на уголке подушки, на которой лежал муж.

Почти до последней минуты Мирона не покидал рассудок. В раскрытое настежь окно, с которого врач почему-то посоветовал снять горшки с цветами, он видел золотой закат. Необычайно близко село большое солнце, словно не за тайгой, а где-то сразу за поселком врезалось оно в землю. Долго золотистым отблеском светилось чистое небо. Долго оставалось легким и беззвездным, когда уже потемнела земля, а на вершине дальнего террикона ярко запылали голубые огни.

Льющаяся через окно прохлада пахла то ромашкой, то малосольными огурцами. Реже, но все ясней и ясней становились звуки. Прошли девушки, пронесли тихую песню про «рябинушку». Протопали, прогладели возвращающиеся с последнего сеанса кино. Наконец, там, где вдоль изгороди темнели шапки махровых маков, прямо против окна, на скамеечке, сделанной Мироном Федоровичем несколько лет назад, устроилась влюбленная парочка. На фоне все еще достаточно светлого неба было видно, как парень, обнимая, запрокидывал голову девушки и целовал, целовал ее...

«Еще бы пожить маленько! — промелькнуло в голове у Мирона. — Хоть бы так вот, лежа, лишь бы видеть, лишь бы слышать!».

Через переносицу перекатилась слезинка, мягко ушла в подушку. Ну, разве может Мирон уйти из жизни одиноко, без Насти? Нет, он непременно должен и ее увести с собой, чтоб никому не досталась она. Но как это сделать, как?...

Далеко за полночь, когда влюбленная парочка покинула скамейку, движимый нечеловеческой злобой, какую только вызывает ревность, Мирон Федорович так осторожно сполз с по-

стели, что Анастасия Арсентьевна даже не шелохнулась, продолжая мирно посапывать носом. В это время в окна, должно быть, пролился лунный свет и мягко вылепил изгиб Настинной шеи, каменно-упругих, торчащих под кофточкой грудей.

От мысли зарезать жену Колмыков быстро отказался, так как все столовые ножи были слишком тонкими и тупыми. Сидя в раздумье на полу, он напоминал большого зверя, попавшего в капкан и готового страшно взвыть от злобы и обиды. Но вот, что-то сообразив, он достал с тумбочки спички, так же по-звериному волоча за собой парализованные ноги, припадая на левую руку, пополз к двери, перевалился через порожек и скрылся в темноте сеней. Вскоре там вспыхнул огонек, на несколько секунд возникла на стене трепетная, неуклюжая человеческая тень, потом она шарахнулась в сторону, а вслед за этим на порожке вновь появился Мирон Федорович, уже ярко освещенный большим пламенем.

Сухие сени принялись моментально. Огненные языки, лизнув стену, перекинулись на чердак. Тишина наполнилась тонким потрескиванием и все нарастающим гулом. Почувствовав на лице свет и тепло, Настя, поморщившись, отвернулась, не желая расставаться с предутренным сладким сном.

Вот уж задымила, затлела рубашка на спине Мирона Федоровича, затрещали на макушке волосы, а он, полулежа и опираясь на порожек здоровой рукой, неотрывно глядел на жену огромными кричащими глазами.

Может быть, от страшного напряжения воли у Мирона совершенно прояснилось сознание. Он отчетливо понял, как плохо прожил свою жизнь, как мало сделал добра для самого близкого человека — Насти. В эту последнюю минуту он жил для нее...

Глаза его кричали не о том, что, обугливаясь, коробится на спине кожа, причиняя неизъяснимую боль. Нет! Они звали Настю, они будили ее.

Но умер все-таки Колмыков не в пылающем доме. Пока Настя несла его через огород подальше от пожара, он успел подышать росной свежестью июльской ночи, мельком увидеть в шатком отблеске пламени зелень грядок, алые махровые маки. Из-под рухнувшей крыши в небо взмыл крутящийся столб искр. Проводив его взглядом, Настя присела рядом с вытянувшимся телом Мирона и машинально стала переплетать обгоревшие косы. В той же белой узковатой кофточке, серой юбке, босая, с темными пятнами ожогов на лице и руках, она почему-то казалась теперь девочкой-подростком, на-

бедокурившей и отошедшей в сторону и сердито поглядывающей, как суетятся вокруг горящего дома чужие люди.

«Вот так вам и надо!» — будто говорил косою взгляд зеленых Насиных глаз.

Когда стало ясно, что спасти ничего нельзя, все кинулись оттаивать соседние дома. Особняк Колмыковых пылал жарким костром. Минута, другая, и вот уж сплошной огненный шар с золотой серединкой поглотил, расплавил стены и все, что было среди них. Вокруг загудело, залопотало.

Дрогнули, зашевелились листья на молодых яблоньках-ранетках, близко посаженных к дому, потом листья скрючились, задымились, и вдруг по сучкам забегали светлячки. Качнулись от опаляющего дуновения маки и поникли разом, склонившись в сторону пожарища.

Но это уже была последняя ярость огня. Через полчаса на месте дома Колмыкова лежала груда углей — зеленовато-голубых, дышащих, слабо бьющихся, как чье-то большое-большое сердце.

Запоздавшие пожарные полили угли водой, и все потемнело, почернело. Какие-то люди приподняли с земли начавшее костенеть Мироново тело, куда-то понесли его, в какую-то непроглядную темноту повели Настю.

«Значит, ослепла», — равнодушно подумала она, притронувшись пальцами к опаленным ресницам, — «Ну и пусть, так и надо!»

А восток загорался, алел. На смену беспокойной ночи, пропахшей горьким дымом, шло утро.

Мирона Федоровича схоронили с почестями. На его могиле шахтеры Первой поставили высокий конус с бронзовой звездой наверху, с шахтерской лампочкой у ее основания.

В этот же день, прямо с кладбища, Анастасия Арсентьевна пришла на место пожара, сама не зная зачем, не понимая, как это случилось. Шла, глядела под ноги, почему-то считала про себя кузнечиков, выпрыгивавших из-под ног, потом запахло гарью и вот, словно по волшебству, предстала развалившаяся печь, окруженная серым пеплом, темный провал в погребок, по-осеннему голый, увядший огород.

«Что это? Где я?» — пошатнулась Настя, но тут же заметила на песчаной дорожке своего белого котенка, играющего с зеленым бородавчатым лягушонком. Котенок бил лягушонка лапой, затаиваясь, давал ему допрыгивать до бровки, а затем хищно кидался на него и, поймав зубами за ножку, водворял на середину дорожки. Котенок был худ и, видимо,

голоден. Настя взяла его на руки, как ребенка, и пошла через луг, звенящий кузнечиками, через сады. Поднялась в гору и уже у самой тайги оглянулась назад. Незнакомым ей показался поселок, уж очень сильно нарушал порядок сгоревший родной дом.

Вспомнив все, что случилось в ее жизни, содрогнувшись при этом, Настя сильно прижала к себе котенка. Рудник затуманился, заколыхался, пропал, словно те слезы, которые обильно полились из глаз, смыли его.

Из воспоминаний Настя не скоро вернулась к действительности, не вдруг догадалась, что со всех сторон ее окружает тайга, а идет она вдоль небольшого ручья по дну просторной пади. Идет в ту сторону, куда бежит вода. Дремучие травы доходят до плеч, а над ними синие-синие цветы, тепло пахнущие медом. Ей захотелось напиться, она стала приглядываться к берегам, где бы удобнее было спуститься к ручью, и тут заметила, что берега сплошь поросли малинником, над водой гроздьями висят переспелые ягоды. Местами встречались нетронутые, отягченные плодами кусты кислицы и черной смородины. Когда-то Настя любила ягодничать и варить варенье, сейчас это лесное богатство не привлекало ее.

Тайга дышала затаенной июльской мощью. Румянились рябины, зрела калина, обливались пахучей смолой кедровые шишки и свечами горели они в лучах жаркого солнца. Мглистая просинь между деревьев манила к себе неизведанной сладостью успокоения, дремотного бездумья. Казалось, шагни в нее — и сразу излечишь любую боль и никогда-никогда не захочешь вернуться туда, где пылят дороги, дымят трубы, живут недобрые люди, погасившие Настину светлую любовь к Михаилу.

Из ручья хотел было напиться и котенок. Припадая носом к мокрым мелким камешкам, он смешно вздернул дрожащий хвост, осторожно прошагал к заводу, как-то треножа, потряхивая то одной, то другой лапой, и вдруг, зашипев, отпрянул назад, ошетинился, изогнулся дугой.

Настя улыбнулась и стала поить его из горсти. Вода чисто отражала ее лицо: со следами ожогов, кремовый платок на голове, белую кофточку. На ясном небе она видела себя в зеленой рамке, обрызганной черными бусинками смородины и рубиновыми плодами кислицы.

Тайга пустынно безмолвствовала, пока Настя не присела на глыбу известняка. Как только перестал двигаться человек, тайга перестала прятаться. Громче загудели трудолюбивые

вые пчелы. Бабочка, упавшая в заводь ручья, моментально пропала в водовороте, ее сглотнул хариус, показавший на миг темно-серебристую спину и сильный хвостовой плавник. Кто-то прошел, протрещал в отдалении, сопровождаемый заполошным криком кедровок. На упавшем поперек ручья дереве неожиданно появился рыжий длинный зверек. Круглоголовый, корноухий, он что-то высмотрел под густыми ветвями невысокой пихты и молнией кинулся туда. Возвращался зверек тем же путем, грациозно, волнисто взошел на то же упавшее дерево, держа в зубах слабо трепыхавшегося птенца рябчика. В походке и поведении зверька чувствовалось любованье собой, высокомерная уверенность в праве на убийство. Но он, очевидно, вовремя убрался восвояси, потому что вскоре из-за ветвей пихты зелено блеснули глаза лесной кошки.

Насте сделалось страшно. Она вскрикнула и, вскочив с места, побежала, спотыкаясь о валежник, скрытый густой травой. Ручеек вывел ее к речке. Поколебавшись, Настя пошла вправо и вскоре очутилась на лесной необъезженной дороге, где у самой речки, около грузовой машины, застрявшей в ухабе, возился шофер в майке — парень лет двадцати с замысловатой татуировкой на руках и груди. Его торопил пожилой человек, нетерпеливо постукивающий желтым портфелем о голенище кирзового сапога.

На вопрос Анастасии Арсентьевны: нельзя ли под'ехать, он указал на кузов.

— Залазь.

Потом, оглядев ее с ног до головы и, видимо, найдя в ней что-то подозрительное, спросил:

— А тебе куда, собственно?

— Туда, — кивнула Настя по ходу машины, заходя на противоположную сторону, чтобы забраться в кузов.

Нисколько не обращая внимания на присутствие женщины, шофер низменно выругался по адресу «начальника». Человек с портфелем, не очень стесняясь, тут же рядом справил малую нужду. Затем между ними начался разговор, от которого Насте стало холодно.

— Я ее знаю, как облупленную, — засовывая под сиденье инструмент, сказал шофер.

— Откуда?

— Да вот знаю!

— Спал что-ли?

— Всяко бывало... — Шофер осклабился, нахально глядя на Настю. — Ты садись, а то вывалишься, — сказал он ей и, вытирая руки концами, продолжал рассказ о том, как

в Кедровом одна молодая распутная женщина сожгла своего нелюбимого мужа.

Настя долго крепилась, сдерживая мелкую дрожь. А когда, наконец, овладела собой, ловко прыгнула наземь, перехватила котенка в левую руку, приблизилась к уже закутившему шоферу и по-мужски сильно ударила его кулаком в лицо. Не дав ему опомниться, она тут же схватила с земли заводную ручку и двинулась на него. Придерживая щеку, шофер ошалело кинулся от машины в одну сторону, человек с портфелем — в другую.

Вряд ли им когда-нибудь приходилось видеть такие страшные зеленые глаза, такое огнем пылающее лицо, потому что они не вдруг осмелились подойти к машине уже после того, как женщина скрылась в тайге.

— Сумасшедшая! — высказал догадку человек с портфелем.

— Гад буду, психованная! — подтвердил шофер, ощупав припухшую щеку. — В гробу бы тебя видеть! — проорал он в лес, когда машина тронулась и стала набирать скорость.

«Только бы не сойти с ума», — думала Анастасия Арсентьевна, бредя по пустынной таежной дороге в летних долгих сумерках. Они сгущались, когда женщина спускалась в лога, и светлели, когда она поднималась на сопки, оседланные дорогой. Мало-помалу густел лес; стыл воздух, становясь необычайно чутким к запахам, шорохам, к дыханию засыпающего зеленого моря. Экономно, исподволь зажигались звезды, словно кто-то разумный включал лампочки одну за другой, по мере наступления ночи. Первая вспыхнула впереди еще в розовом свете закатного неба над темной лесной гривой; вторая глянула матовой лунью конского освещенного глаза — слева; третья мигнула справа, почти над головой. Не сразу наполнились туманом междугорья и превратились в молочно-белые вскипающие озера; медленно укорачивалась впереди лежащая дорога; медленно умолкали голоса птиц.

И так же неторопно, медленно Настиино сердце наполнялось ненавистью к людям.

Но вот в небо брошена горсть звезд,... пригоршни,... наконец, ему отдан весь свет земли.

Трудно идти по черной дороге, между черных деревьев, дышать черным воздухом, в котором шарахаются черные тени.

— Лю-ди-и-и! — без голоса прокричала Настя, подбегая и

падая, как на расprostертые руки, на два толстых и корявых сучка старой сосны.

Слезы, которых никто не видит, прожигают землю насквозь. Вот почему до утра старая сосна слушала о том, как на свет родилась зеленоглазая девочка Настя, как беззаботно жила она до пятнадцатилетнего возраста, как в сорочном первом году безвозвратно проводила на фронт отца-инженера и мать-врача, а сама стала работать на шахте откатчицей и учиться. Не осудила сосна, что одинокая Настя рано вышла замуж за первого попавшегося человека — Мирона Федоровича и полюбила. Потом другого — инженера Пухарева. А как полюбила!...

Но люди жестоко обидели ее, и теперь она никого не любит и не будет любить. Та, прежняя, Настя сгорела, ее схоронили вместе с суровым и добрым мужем — Мироном Колмыковым. Теперь она больше не завидует счастливой семейной жизни ни Колыхаловых, ни Горюновых. Да и есть ли счастье в любви?...

Весь следующий день и всю следующую ночь Настя снова шла по таежной дороге, согревая на груди белого голодного котенка.

Шатались деревья. Шаталось небо. Шаталась под ногами земля.

В одном месте, споткнувшись, Настя упала и тут же решила больше не подниматься. И все же не смерть пришла к ней, а сон и, когда открыла глаза, то увидела, что над ней стоит старушка с веревкой в узловатых руках, изборожденных морщинами, с таким же древним лицом, с запавшими и детски добрыми бесцветными глазами.

— Бабушка, милая, дай мне веревку, — попросила Настя.

— А про что тебе, лапушка? — улыбнулась старушка. — Я вон корову пасу, потом домой поведу ее на веревке. Ты вставай лучше да пойдем ко мне, я тебя молочком напою.

«Действительно, зачем мне веревка?» — подумала Настя и тут же очень ясно встала пред ней сосна, бредовая, таежная ночь. «Надо же, какие глупости могут прийти в голову!»

— Чай, на стройку к нам? — пыталась старушка.

— Да, — безотчетно подтвердила Настя.

— И то я сразу смекнула! Издалече, поди?

— Из Кедрового.

— Что ты! Не пеши ли?

— Пешком бабушка.

— С котенком прямо?

— С котенком.

— Ай батюшки, ай батюшки, — старушка тоненько засмеялась и, подхватив котенка, проворно засемила впереди Насти маленькими шажками. Потом, приостанавливаясь, сказала строго:

— Чем давить-то, ты мне лучше отдай животину. Выхожу...

Тайга скоро раздвинулась. Впереди показалось несколько домиков и вдалеке за ними леса стройки. Старушка придержала Настю, взяла ее под руку.

— Вот и Междуречье наше. Старик мой рассказывает: через пять годов тут город будет. А наш-то домишко эвна бедет. Сам-то у меня почти что инженер, партийный. Меня Марьей Акимовной зовут, а его Петром Ивановичем величают. Мы вчетвером живем. Еще с нами теперь дочка Аленушка и сынишка ее, Юркой зовут.

Старушка с жаром рассказывала о чем-то еще, но Настя не слушала ее.

Междуречье!... Почему именно здесь очутилась она теперь, когда совсем не хочет видеть Пухарева? Какой же злой рок подшутил над ней? Нет, все-таки лучше умереть!..

Пришли в просторный дом из четырех комнат и кухни. Все в нем: табуретки, столы, буфет и кровати были новыми, деревянными и пахли смолой. Накрыв на стол и усадив за него Настю, бабка Марья села напротив — довольная, улыбаясь.

— Красивая ты, дочка, кабы не болячки!

— Ожог это, — ответила Настя.

— То-то, гляжу и брови, и косы подпалены. Не примус ли лопнул?

— Примус, бабушка...

— Постой, постой! — тут же спохватилась бабка Марья и ее глаза совсем, совсем округлели. — Так ты, стало быть, из Кедрового? Накось, там какая беда приключилась. Неужто правда, жена мужа сожгла?

Настя поперхнулась молоком, поникла...

— А-а-а — протянула изумленная бабка Марья, — вон что.... Я ведь котенка-то твоего покормить забыла.

Она соскочила с табуретки, юркнула в кухню и долго возилась там, гремя посудой. Потом показалась в дверях, — прямая, строгая. Старушка и женщина встретились глазами.

— Мне к корове пора, — холодно сказала бабка Марья, и Настя все поняла.

Они молча вышли из дома, молча дошли до того места,

где мирно паслась рыжая белоголовая корова. Остановились. Дорога из Междуречья далеко и остро врезалась в тайгу. Где-то в чаду, в угарной дымке за лесистыми холмами, за вздыбленными кедровыми гривами собралась гроза, изредка гремел гром — глухо, перекаристо. Пресыщенный цветением воздух давил к земле.

— Прощай, бабушка, — Настя закусил губу, ссутулилась.

— Бог тебя простит! — бабка Марья перекрестила Настину спину, тихонько всплакнула. — Дитячко ты мое, несчастное!.

— Постой, постой! — вскоре услышала позади себя Анастасия Арсентьевна. Старушка спешила к ней. — Приходи уже на это место. Покушать я принесу, да одежонку какую... ить гроза будет...

— Не нужно. Дай мне веревку...

— Про что? Котенок-то у меня остался.

— Я сама.

— А-а-а! — бабка Марья всплеснула руками... — Не дам!

— Как хочешь...

Настя было пошла, но старушка узловатыми дрожащими руками вцепилась в ее юбку:

— Не пущу! Слышишь, никуда не пущу!...

Лихие в Междуречье бывают грозы! Еще далека туча, еще безветренно и ярко блестит солнце, а непривычные новоселы-воробышки уже прячутся под застрехи. Взовет многорукий ветер, кинется на тайгу и начнет колошматить ее, отрывать и взвихрять листья и хвою, ломать сучья, валить подгнившие деревья. Стоном застонет она, а тут вдобавок резанет молния, встряхнет гром землю. Там, над горами, туча летит большой черной птицей и лишь над Междуречьем обязательно остановится, обопрется крыльями на правый берег Усы и левый Томи и ну поливать водой и огнем, пока не взбучатся, не вызграют реки.

Вечерние грозы непременно остаются на ночь. Зато и светлым, в таких случаях, бывает утро!

Вот в одно из таких после болезни и проснулась Настя в доме Дедовых, полная свежих сил и какой-то детской радости от новизны, от уюта клинчатого стеганого одеяла, от прикосновения ко лбу старческой нескладной руки.

— Здравствуй, дочка! — ласково сказала старушка, как только Настя открыла глаза.

— Здравствуй, Мария Акимовна!

Настя улыбнулась своей прежней улыбкой, блеснув зелеными глазами.

— Ишь ты, ишь ты! Накось, что придумала! — от избытка чувств брюзжала Мария Акимовна, пока Настя обнимала и целовала ее.

И тут же, на только что вымытом полу, на солнечном пятне, теребя nedovязанный черный шерстяной чулок, кувыркался белый котенок.

С улицы доносился шум стройки, взывали самосвалы, всхрапывали бульдозеры. Мария Акимовна и Настя подошли к раскрытому окну.

— Ты погляди-ка, дочка, стройку начали. Видишь ту гору, — взорвут нынче. — Старушка указала на хмурое взгорье и, словно по велению ее сухонькой руки, там взметнулось темное облако, а через несколько секунд всколыхнулся утренний воздух, звякнули рамы.

— Инженер! Товарищ Пухарев! — прокричал кто-то громко. — Трактор тонет, в трясины попал!

— Вытащим! — уверенно отозвался Михаил Терентьевич, и в толпе промелькнуло его давно не бритое лицо.

А. ВОЛОШИН.

У СТЕПНОГО ОВРАГА

(Рассказ сержанта)

Как это получилось, трудно сейчас припомнить, но я командовал горсткой солдат, вконец измотанных двухнедельными боями и отступлением. Последние трое суток, после того как нашу роту определили в арьергард, а потом погиб наш командир, мы не видели ни одной своей части и, самое главное, не соприкасались с противником. Вы понимаете: по всей земле война, по всей земле горе, каждого из нас трясет от злого нетерпения, а тут ни одного вражеского солдата! Орудийный гул вспухал то слева, то справа или, казалось, где-то далеко впереди, и оттого мы все торопились, торопились по путаным проселкам без карт, с единственно, может быть, верным компасом — непреодолимой ненавистью к тем, кто принес столько горя на нашу землю.

Утром мы пришли в небольшое село. Председатель Совета, нестарый на вид, с веселыми золотыми крапинками в глазах, обрадовался, увидев меня:

— Наконец-то! Рассказывай!

Но тут же увял, заскучал, как только услышал, что в новостях не меньше его нуждаюсь.

— Может, вовсе не будут отходить наши на этом рубеже? — допытывался он.

Как хотелось сказать, что на этом рубеже, на западной окраинке деревни наши силы ни в коем случае не отойдут! Как хотелось доложить об этом по всей форме маленькому смирному председателю одного из наших бесчисленных сельских Советов.

Но я не мог обманывать и обманываться, а потому прямо сказал, что на данном участке фронта основные силы представляются, пожалуй, только мною и еще семнадцатью уставшими хлопцами.

Как тут председатель взвился!

— Семнадцать хлопцев?! — вскричал он фальцетом. — На этом участке только семнадцать?! Ах ты, сопливец!

Да! Так он и сказал: «Сопливец». И я не обиделся. Потом гнев его сменился необоримой тревогой, и он подумал вслух:

— Старый хрен, что же я думаю, ведь у меня на руках полсела солдатских жен и детишек! У меня же племенное хозяйство! И все это немцам?!

Не знаю, чем бы закончился этот разговор, если бы не вошла тем часом в Совет старая высокая женщина, строгая глазами, вся в черном. «Мать» — назвал я ее про себя и почему-то оробел. А тут еще нелегкая принесла со двора Костю Спичева, моего помощника по оперативной части. Вид у этого Кости всегда был какой-то бесшабашно-легкомысленный — пилотка набекрень, ворот нараспашку, поясной ремень обязательно набок.

Но выправка его — это самой собой. Ни с того, ни с сего он стал вдруг подмигивать мне и делать другие таинственные знаки.

— Что же, Степан, сдастся мне, людей подымать надо, а то, глядишь, припозднимся, — неожиданно тихим грудным голосом заговорила старая женщина.

— Уже, Христинья, припозднились! — снова сорвался на фальцет председатель и горестно, совсем по-бабьи всплеснул руками.

— Эка, несуразное городишь, — упрекнула Христинья. — Не может быть, чтобы солдаты оставили нас с детишками фашисту.

— Совершенно справедливо! — неожиданно отозвался Костя и сделал мне знак молчать. — Совершенно справедливо, мамаша, — повторил он, подтянулся и выступил вперед. — Мы получили категорический приказ защищать ваше село, как этот... ну... стратегический пункт.

Вы можете представить себе мое состояние. А Костя, казалось, с узды сорвался: мы, говорит, подкрепления ждали, а теперь эти подкрепления подошли, в виде одного бронированного танка, и мы тут дадим жару Гитлеру! Но все же, мамаша и папаша, потирайте народ, а то, сами знаете, стрельба, то да се, а у вас женщины, ребятишки непривычные к этому, тем более наш бронированный танк будет тут ходить и разворачиваться...

Может, я потерпел бы еще, но этот Костин танк наизнанку меня вывернул. Пристукнул по столу ладошкой и говорю:

— Костя! Как тебе не стыдно!

Но тут он мне слова не дал больше сказать, взял за руку и тянет к двери, а сам вроде как с просьбой к председателю:

— Ты бы, папаша, сообразил чего-нибудь хлопцам покушать, нам не до разносолов...

— Как тебе не стыдно так врать? — начал я снова на улище.

— Ни боже мой! Что ты, командир? — удивился Костя. — На этот раз я, как свят дух, только правду сказал.

Костя тащил меня вперед. И в это время впервые за много дней где-то высоко над нами размыло вязкие облака и удивительно празднично глянуло солнце. Каким приветным теплом повеяло на нас от этого скуповатого весеннего солнца!

Мы было прошли крайнюю хатку, но тут же остановились. У голубой калитки мальчонка лет пяти—шести ногой ногу чешет. Глянул на нас как ни в чем не бывало, словно в привычку ему отступавших солдат смотреть. Тут я и Костя пошарили в карманах, нашли по кусочку сахара, несмело подали.

— Чё это? — спросил мальчонка, но сахар взял, один кусок — за щеку, другой в кулачок зажал, и на лице его что-то похожее на улыбку появилось.

А Костя глянул через забор и закричал укоризненно:

— Мама, мама! Что же ты делаешь, мама? Ну на кой ляд ты этот самовар выючишь на коровенку?

— Хозяйство, милый... — отозвался женский голос. — Не бросать же его фашистам.

— Хозяйство! — рассердился Костя. — У тебя вот хозяйство, — указал он на паренька, — ты за его жизнь держись, а то — самовар...

— И так по всей деревне, — говорит он мне, но не все говорит, я чувствую это и спрашиваю.

— А дальше что?

— Что дальше! — взволновался он. — Неужели ты думаешь, что наши ребята драться не будут? Хотя бы одного немца! Да хотя бы по одному немцу на каждого.

— Совсем этого не думаю, — отвечаю я. — Только какая же польза с голыми руками? Или, может быть, танк в бой, который тебе приснился?

Тут мы как раз вышли на пригорок, только что обогретый солнцем. По ту сторону пригорка увидел я домишко, пониже его — степной овраг — черный росчерк через блеклые осенние поля, узкий мостик через овраг, а у мостика — горсточку своих ребят и то, что мне действительно только присниться могло в тот день. Если бы это был наш танк, можно было бы сказать: вот как вовремя! Так ведь нет же, то был самый настоящий немецкий бронетранспортер с черно-белыми крестами по бортам.

— Удивляешься, командир? — хихикнул Костя. — Не удивляйся. Все по порядку расскажу.

И, пряча усмешку в глазах, коротко, по-военному рассказывал о недавнем происшествии.

Подождали меня солдаты у околицы, потом решили выйти к одинокой избенке: там было виднее, а то ведь на войне случается всяко. Проходит час, полтора, командира нет, и кое-кто уже начал подремывать. Вдруг насторожились все разом. Ветерок донес какой-то отдаленный неясный шум. Но значение этого шума солдат не могло обмануть: где-то гудел многосильный мотор.

— Товарищи, а ведь это танки... немецкие... — сказал кто-то и нерешительно добавил: — может, тронемся, а?

— Я тебе тронусь! — озлился Костя. — Иш ты, какой тронутый! — и вдруг скомандовал: — А ну, по местам! — и сам тут же стал за ближнюю кучу снопов.

Все замерло. Костю бил озноб от неистового возбуждения, от того, что томительное двухдневное ожидание сию минуту разрешалось. Шум мотора, а потом железный лязг накатывались все сильнее, подобно волнам, то тише, то громче, вот что-то мелькнуло в складке полей, потом неясно обозначилось на рыжем холмике. А вокруг — ни ветерка, ни человеческого голоса, ни движения. Только рос, неумолимо накатывался железный гул. Еще минута, еще две—три секунды, и, казалось, уже дыхания больше не хватит.

Лягушиного цвета машина выскочила на ближний вал и, скрипнув тормозами, настороженно пофыркивая, стала сползать к шаткому мостику. Она словно приглядывалась, принюхивалась к каждой выбоине на дороге.

Косте все видно. Видно, как затаились по-кошачьи солдаты в канавах, за снопами, видно, как гусеницы транспортера причудливо печатают черную сырую землю перед мостиком, и видно ему еще...

Но как же взыграло Костино сердце, когда в проеме лобовой брони транспортера он различил всего одного человека.

— Заблудилась, язва! — покривился злорадно Костя. — Ну, мы тебя здесь и припечатаем! Мы тебя... — Он прищурился, шевельнул плечом, примеривая бросок, но гранаты так и не бросил. Не потому, что раздумал или время не настало, и не потому, что машина, чихнув, внезапно остановилась, а будто потому, что кто-то попридержал его руку и шепнул: «Погоди!»

Погодил. Лязгнула стальная дверца. Вышел из машины маленький человек в синей замызганной робе, снял с головы ребрастый шлем и, сплюнув под ноги, сказал на чистейшем русском языке:

— Вот же раз'язви тебя в судьбу!

Костя засопел, хотел приподняться с колена, но его опередил кто-то из солдат, крикнув:

— Эй ты, фашист! Какого рода-племени?

— Сам фашист! — зло отозвался человек у машины. — Я тебе такого фашиста пропишу... — вдруг он усмехнулся, печесал в затылке и голосом добрым, скороговоркой добавил: — Пензенский я.

— А не врешь? — усомнились солдаты в несколько голосов.

— Ей богу, с Пензы! — парень даже шлемом ударил по машине. — С по-над самой Суры!

Но тут Костя на правах заместителя командира сам взял быка за рога:

— Так что же ты гитлерам проданся, собачья твоя душа?! — крикнул он изо всей мочи.

Но парень из Пензы всем видимый, а сам пока никого не видевший, еще раз ударил шлемом по машине, дал честное комсомольское слово, что ни в жизнь такого не думал, что наоборот, целый день бродит по дорогам на этом чертовом железном корыте, чтобы присоединиться к своим войскам. И он еще сказал, что если его, заслуженного танкиста, впредь будут ставить на одну доску с каким-то там...

В общем, все здесь вышли из укрытия, пощупали машину, покачали с сомнением головами и приступили к беспорядочному, но придиричивому допросу вновь присоединившегося к нашим войскам. Но прежде чем отвечать, танкист попросил, чтобы его поставили на все виды довольствия. Решили поставить, отрезав краюшку хлеба и выдав на добрую закрутку табачку.

Володька Швидко оказался танкистом Н-ской бригады. В недавнем бою его машину подбили, сам он; немного оглохший и поцарапанный, изловчился и переждал денек в колхозном овине. Тем временем передовые немецкие части прошли на восток. Тронулся и Швидко, больше ночами, по целине, ориентируясь по зарницам и пушечному гулу. А сегодня утром на серенькой зорьке двинулся он из лесочка на проселок, да тут же назад, будто в холодную воду наступил. Хотел было крюк сделать, чтобы обойти паршивое место, но не преборимсе солдатское любопытство его удержало. Ползком скользнул он на ту же опушку к проселочку и видит, что не померещилось ему в первый раз. Развернувшись поперек дороги, громоздится вражеский бронетранспортер. Слабый ветерок доносит бензиновый перегар и обрывки немецкой речи.

В сумраке у транспортера копошатся две фигуры. Сдержанно позвякивает инструмент.

Десять минут, в течение которых немцы заканчивали ремонт, Швидко не потерял даром. Во-первых, он выяснил, что у транспортера и вообще поблизости только два фашиста. Во-вторых, что ремонт касался не ходовой части, а в этом Швидко понимал толк. И, в-третьих, выяснил он, что было бы непростительной глупостью упустить случай и не воспользоваться попутной машиной. Коротко говоря, он скомандовал себе: «Была не была!»

И после коротких, но решительных действий Швидко оказался хозяином положения, следовательно, единственным обладателем, командиром и водителем ромбообразного бронетранспортера.

Случилось это всего в двадцати—тридцати километрах от нашей сегодняшней стоянки.

Рассказывая обо всем этом, Костя подвел меня к трофейной машине. Солдаты расступились. Танкист встал с прищепки, подтянулся и по всей форме доложил: так и так, прибыл в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы!

— Очень хорошо! — пожал я ему руку. — Вовремя, тем более, что техники в нашем подразделении, как видите, ... никакой у нас техники, а нам не миновать боя на этом рубеже.

Вижу, после этих слов ребята мои выправку сделали, приосанились. А танкист сразу же рапортует:

— Товарищ. младший сержант, машина к бою готова! На вооружении состоит пушка тридцати семи, два крупнокалиберных, три ящика ручных гранат.

В каких-нибудь полчаса я показал каждому его место, а потом вынул лопату и стал оборудовать свой командный пункт. Я основательно нажимал на это трудоемкое дело. Работой мне хотелось заглушить множество беспокойных мыслей. На самом деле, ведь невозможно же было в моем положении предусмотреть, когда, с какой стороны и какими силами появится противник. Я даже не знал, примут ли нас фашисты всерьез за препятствие. И тем не менее я все прикидывал, примерял и даже очень живо представлял себе, как все это произойдет, развернется, какие распоряжения я должен буду отдавать, как будут держать себя мои злые, уставшие солдаты. И, теперь уже дело прошлое, признаюсь и в остальном.

При взгляде на бронетранспортер я вдруг подумал, как бы выглядела эта машина, если бы за ее угловатыми кова-

ными бортами разместились все: и Швидко, и Костя, и еще шестнадцать человек, и как было бы по существу неплохо, если бы мы...

Но тут же я представил себе, как мы лихо проскакиваем деревеньку, что у нас позади, как мы обгоняем десятки и сотни женщин, детишек, провожающих нас недоуменными взглядами. Я, конечно, увижу у края дороги и того мальчонку с льяными кудряшками, рядом с матерью и худой коровенкой, с навьюченным на нее медным самоваром. На этот раз мальчонка не улыбается своей скуповатой улыбкой и, очевидно, не понимает, почему вдруг обессиленно опускается на край дороги старый председатель, почему бабка Христинья так долго и строго глядит в пустое мокрое поле и даже головы не повернет вслед нашему громяющему корыту.

— Танкист! — крикнул я. — А ну, разворачивай свою технику, покажу место для засады.

Когда машину укрыли слева в камышах, я почти успокоился: все, что нужно было, мы, как будто сделали.

Бывают такие минуты, когда чувствуется особенно остро чудесное прояснение на сердце, идущее от земли, от солнца, от какого-то особенного дуновения ветра, даже от запаха размятой в пальцах сухой былинки. У меня тогда было такое. Вот полуденное солнцестояние в душе. Очень светло было в душе. До пустоты.

Чтобы оценить общую обстановку, я только что приполз на свою горку с правого фланга. Посмотрел вокруг, вижу, что ничего нового, что немцы снова затаились, посмотрел и назад, на одинокий пустой окопчик. За полчаса перед этим здесь умер у меня на руках добрый, трудолюбивый солдат Степан Чередниченко. В бою всякая случается смерть. Есть очень трудные. Но всякий раз, даже со стороны, железная боль хватала за горло. А смерть Степана походила на тихое угасание.

Тогда немцы в третий раз атаковали нас. Слышу, что в самый напряженный момент пулемет справа захлебнулся. Я подождал минуту, а больше нельзя было ждать.

— Гордей! Куда тебя черти!... — кричит мне вслед Костя Спичев. И еще раз издалека: — Мины!

Я слышу и возглас этот, и мины слышу. Но сегодня наш трудный праздник после долгих и серых будней. Мы приняли бой, и что такое три воющих мины, от которых все равно не уйти? Летит у меня жнивье под ногами, догоняют меня рваные комья земли. Чувствую даже, как солнышко левую щеку

пригрело. По-настоящему вижу только черный берег оврага и желтый бугорок окопа на нем.

Солнце не обмануло меня. Степан сидел в окопчике, привалившись к осыпавшейся стенке плечом, щекой. Вижу синеву в его глубоких глазницах и огромную усталость на открытом удивленном лице. Таким мне и запомнилось это лицо. Ни боли в нем, ни сожаления, что все пропало, только усталость сверх силы. Сперва мне пришлось у пулемета поработать. А когда в третий раз откатились немцы, я осторожно взял руку Степана. Он быстро сжал мои пальцы, словно торопился куда-то, потом открыл глаза, тронутые дымкой боли, и сказал без натуги, свободно:

— Тише, командир, не мешай... — Я подождал. Через минуту он спросил, теперь не открывая глаз: — Фашисты ушли? — Но ответа не стал ждать. Некогда ему было. Он поднял лицо к свету, развернул руки ладонями вверх, шепнул, одолев спазму: — Ну, вот... — и умер. Так и умер, прижавшись щекой к земле.

После того как немцы пришли к оврагу, два раза навещался председатель. Я его торопил. Во второй раз он сказал, что в селе почти никого не осталось. Тогда я ему запретил больше являться на передовую.

— Я понимаю, — коротко вздохнул он, — каждому свое. А жалко... землю жалко, людей...

В это время, в первый раз за весь день, заговорили тяжелые немецкие минометы. Черный дым обнял землю. Осколки рвали с корнем жнивье, взлетали снопы и сеяли в землю сырое зерно. И воздух и тело мгновенно наполнились резким железным ревом. Я смотрел на ближний увал и, стиснув зубы, все ждал и ждал, когда там появятся немцы. А председатель, прикорнув рядом со мной, встряхивал непокрытой головой от близких разрывов и глядел не в поле, не в сторону врага, а мне в лицо, будто силился прочесть в моих глазах что-то остро необходимое.

Я вспомнил об этих первых страдных часах в осиротевшем окопчике Степана. В первую и во вторую атаки было несколько таких мгновений, когда казалось, что немцы перехлестнут черный зигзаг оврага. Костя даже разочка два крикнул мне:

— Командир, выводите технику!

Но я всякий раз сдерживал желание взять ракетницу и дать сигнал своим бронетанковым резервам. Это был наш последний козырь и потому не хотелось расставаться с надеждой, что он еще выручит нас.

Лежу в окопчике, привалившись грудью на бруствер. Пе-

редо мной за оврагом степь в серебряной паутинке, в черных язвах-воронках. Очень хочется, чтобы побольше постояла тишина. Больше ничего не хочется, кроме этой тишины, вытканной негреющим вечерним солнцем.

Приползает Костя. У него грязные разводы на белобровом узком лице, но вид очень деловой. Он тяжело дышит.

Я ругаюсь, зачем без нужды шляется на самом виду.

— Ты подожди... — останавливает он и торопливо рассказывает, что только что снова был председатель, который сообщил, что в девяти километрах у нас в тылу жаркий бой вот уже часа полтора — два. Несколько колхозных семей вернулось.

Костя умолкает и выжидательно смотрит на меня. Значит, бой у нас в тылу? Хорошо это или плохо?

Костя лежал еще минут пять, сказал, что дождь теперь едва ли пойдет: бабье лето должно установиться, что в третью атаку два немца все же попали в овраг на левом фланге и теперь их оттуда никакими молитвами не выкуришь, а гранат жалко, слишком их мало.

— Костя... — я старался говорить как можно спокойнее. — Костя, через полчаса немцы снова начнут, значит, я тебе могу дать только час. Бери лучшую лошадь у председателя и узнай, кто дерется у нас в тылу. Только смотри, Костя! — Я глянул в его бесшабашные глаза повнушительнее. — Ты знаешь, нас только шестнадцать остается. В случае чего — не лезь на рожон.

После этого разговора прошло действительно не больше тридцати — сорока минут, и немцы начали. Я видел теперь степь только в прорезь своего неостывшего пулемета. Но я не имел права на такой узкий обзор, — я же командовал целым участком, мне нужно было больше, дальше видеть. Не знаю, на какой — на десятой или на двадцатой минуте — я не выдержал и выскочил из Степанова окопа, чтобы глянуть влево, где болото и маленькая запруда для полых вод. О, вовремя же посмотрел я туда. Мне еще немного мешала горбинка мостика. Я отступил шагов на пять, и тогда все сразу прояснилось. Меж оврагом и камышами незаметно накопилось десятка три немцев. Теперь на наш левый фланг шлепались десятки малых и крупных мин. Значит, немцы приготовились к броску через устье оврага и к выходу в наш тыл! Настала пора бросить «бронированные» козыри. Я повернулся к окопу, чтобы схватить ракетницу, и тут меня ударило по ногам. Я даже звук удара как будто услышал, хотя боль пришла минутой позднее, но она пришла, страшная, до тош-

ноты, раздирающая скулы для крика. Я упал головой от оврага. Самое трудное было повернуться по кругу, центром которого оказались мои неподвижные ноги.

Мне кажется, я тогда забыл обо всем на свете: и о земле, от которой нестерпимо воняло жженым железом, и о солнце в ржавом пороховом дыму, — забыл обо всем, кроме ракетницы в окопе Степана. Я тащился на руках и чувствовал, как меня раскачивала и бросала на землю нестерпимая рвущая боль в ногах. Не помню, как дотянулся к окопу, как оказалась в руке шершавая рукоятка ракетницы. Зато отчетливо помню, как в бесцветном небе сверкнуло красное пятнышко ракеты, и, оставив белесый свет над оврагом, кануло в камышах. После этого я, наверное, потерял сознание, потому что совершенно неправдоподобная тишина опустилась вдруг на землю, — ни грохота, ни трескотни автоматов, ни биения сердца...

Что-то прикосновение вернуло меня в мир трудных звуков и ощущений. Я старался слушать, не открывая глаза. Один голос сказал:

— Я его на руках донесу до деревни!

Второй возразил:

— А кто участок сдаст? Скоро полковник придет...

— Сдам! — резко оборвал голос Кости. — По описи сдам, только вот друга вынесу.

Г. КРАСНОКУТСКИЙ, Г. УМНОВ.

ДУХОМ ОКРЕПЛИ В БОРЬБЕ

(Главы из повести)

1.

В воскресенье четвертого июня выдался по-настоящему летний день. Высоко стоит солнце. Тянет запахом отцветшей черемухи, сырой земли. Посветлели, преобразились шахтерские дома, бараки и землянки. По улицам и переулкам, поросшим нежной травкой, цепочкой тянутся люди. Шумными ватагами, стреляя во все стороны глазами, проносятся босонogie команды ребятни. Потом устремляются к церковной площади, туда, где белеет досчатый помост, или по-новому — трибуна.

К полудню площадь кишмя кишела народом. Ее заполнили горнорабочие, мастеровые, коновозчики, плотники... В стороне в мундирах цвета побуревшей травы и такого же цвета причудливых фуражках стоят отдельной колонной австрийские военнопленные.

У трибуны — Рабинович, Чучин, Кудрявцев, Краснощекков.

Судженцы отмечают важное событие — на руднике открывают большевистский клуб. На праздник пришла делегация с Анжерских копей.

Начали произносить речи.

Михаил Рабинович, сняв шляпу, подался вперед. Спал, притих гомон. Теперь, как в фокусе, на трибуну собрались взоры тысяч глаз.

— Товарищи горнорабочие и все присутствующие граждане! — прокатилось по площади. — Мы сегодня отмечаем свой большой праздник. Открытие клуба рабочей партии, библиотеки — это праздник. Это праздник пролетариев, ваш, товарищи горнорабочие! Давно ли это было только мечтой рабочего класса. А теперь — это быль.

Лицо Михаила разгорелось, черные глаза искрились радостью. Ветер раздувал пряди непослушных волос.

— Перед нами восходит заря новой жизни, — продолжал Михаил. — Мы шли к ней, и путь наш был долог и тернист. Сегодня мы открываем клуб, а завтра будем открывать народные школы, больницы, детские сады. Как это хорошо!

Рабинович все больше разгорался, чаще поднимал правую руку и, как бы закрепляя сказанное, рубил ею воздух. Когда он заговорил о прекращении войны, о передаче фабрик, заводов, шахт и земли в руки их настоящих хозяев — рабочих и крестьян, из толпы раздались возгласы одобрения.

Взволнованную речь произнес комиссар копей Федор Чучин.

После этого началась манифестация. На площади образовались колонны. В лучах яркого солнца засверкали медные трубы духового оркестра.

Над поселком впервые взметнулась рабочая свободная песня:

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе.
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе...

В улицу хлынул людской поток. Он до краев заполнил ее, а над пестрым неугомонным морем, омываемый упругим ветром, алел лозунг: «Долой войну!»

А песня росла, крепла и взлетала все выше. Люди шли и шли. Много впереди испытаний и невзгод, но несказанно заманчива радость неизведанного счастья!

Кудрявцев стоял и смотрел на людской прибой. И это только начало далекого пути к вспыхнувшей заре. Неугасаемым огнем она зовет к себе смелых и крепких духом людей, и они к ней пойдут.

В толпе Кудрявцев увидел и купца Андрея Деренкова. Интересен был ему этот человек.

Студенческая Казань восьмидесятых годов прошлого века хорошо знала Андрея Деренкова — хозяина бакалейной лавки. Имея трехклассное образование, он собирал запрещенные правительством книги и журналы. Составлял свою библиотеку по известному «Челябинскому каталогу». Хранила деренковская библиотека и книги, переписанные от руки. Это «Исторические письма» Лаврова, «Что делать?» Чернышевского, некоторые статьи Писарева, «Царь-Голод» Баха.

Настоящими хозяевами в деренковском доме были революционно настроенные студенты. Посещал деренковский кружок и Алексей Пешков. Андрей Степанович доверчиво сообщал будущему писателю, что его скромные доходы от тор-

говли целиком идут на помощь людям, которые верят: «Счастье народа — прежде всего».

Чтобы как-нибудь обеспечить все растущие расходы на книги, печатание брошюр, летом 1886 года при содействии студентов и по договоренности с Алексеем Пешковым Деренков открыл булочную, где и работал Алексей Максимович.

В донесении жандармского управления говорилось, что булочная «имела чисто конспиративный характер, служа местом подозрительных сборищ учащейся молодежи, занимавшейся там, между прочим, совместными чтениями тенденциозных статей и сочинений для саморазвития в противоположительственном духе, в чем участвовал и Алексей Пешков».

Начались аресты членов деренковского кружка. Деренков, оставив на произвол судьбы свои дела в Казани, с семьюдесятью рублями в кармане бежал в Сибирь. До Тюмени он ехал по железной дороге, а дальше до Томска — пробирался по Туре и Оби. Оттуда — в село Лебедянка, а через несколько лет на Михельсоновские копи, в Судженку.

Чем бы Деренков ни занимался, он никогда не обходил книги. Уже в Лебедянке в чулане стояло два шкафа редких изданий. Книги приходили к нему разными путями: приобретал у политических ссыльных, покупал у случайных знакомых, а больше всего привозил из Томска.

У купца собралась вторая библиотека. В нее теперь вошли книги старого друга, бывшего подручного пекаря Алексея Максимовича. Деренков дорожил своим сокровищем. Книга в Сибири — редкость. Хоть сутки, хоть двое скачи по старому Московско-Иркутскому тракту на перекладных, — не соберешь и десятка их.

Андрей Деренков думал, что народ, наконец, достиг вершины того необыкновенного счастья, о котором так горячо говорили студенты в его тесном доме еще тридцать лет тому назад. И с этого митинга он ушел с намерением подарить свое книжное сокровище первой рабочей библиотеке.

Площадь пустела. Легкий, подтянутый Рабинович едва успевал шагать за плечистым Кудрявцевым.

— Да! Какая сила — идут, идут, и не остановишь их теперь, — говорил Кудрявцев.

— Ты о манифестации?

— О ней, о песне, о людях, о жизни. Меня это взволновало.

— Все хорошо! Но вот людей грамотных почти нет. Подумать только, как народ тянется к нам, а учить его, помогать — некому.

— Надо просить студентов из Томска, — сдернув кожаную фуражку и вытирая рукавом потный лоб, предложил Кудрявцев.

— У нас теперь почти две тысячи членов клуба. Много, большая сила! Но вот работать некому. — Михаил, помолчав, добавил: — Ничего, будем крепиться. Люди будут, должны быть.

III.

После душевной, прокуренной комнаты клуба, где заселились Кудрявцев и Рабинович, вечерняя прохлада улицы была свежей и чистой. Она как бы умыла лица, освежила силы. Михаил меньше стал кашлять, просторней стало в груди. Рабинович никому не говорил, что устает и тяжело ему сидеть в сырой, пропахшей махоркой комнатухе — не прошла, видно, даром нарымская ссылка. А дел столько, что приходилось и ночь прихватывать.

Сейчас Михаил, шагая с сильным, кряжистым Кудрявцевым, который по два дня мог не выходить из шахты и не жаловаться на усталость, радовался за своего товарища, который после всех мытарств остался крепким дубком.

Послышалась песня. Она, казалось, ждала, подстерегала их в черных сумерках. Где-то рядом женский голос выводил:

Он пришел из-за Урала,
Поселенец молодой.
Я его встречала часто,
Как ходила за водой.

Они остановились, посмотрели друг на друга.

— Это про тебя, Иван Николаевич, ты же уральский, — сказал Михаил.

Кудрявцев почувствовал грусть в голосе Рабиновича и подумал: «Кинула, видно, эта песня его туда, в родные края, на Днепр, на Украину».

Легкий, чуть заметный ветерок озорно прогулялся по тополиной листве и снова стих. А песня девичья летела:

Попросил он раз напиться,
Я ему дала воды.
Что-то бьется мое сердце,
Кабы не было беды.

Кудрявцев и Рабинович не двигались. Где-то жалобно скрипнула калитка. Сорвалась с вечернего небосклона звездочка. А голос все бился страданием, разливался печалью:

Муж увидит, будет худо.
 Что мне делать молодой?
 Лучше б я сидела дома,
 Не ходила за водой.

Смолкла песня, пропала в палисаднике. И сразу стало как-то тихо и пусто.

Кудрявцев и Рабинович молча пошли. Не заметили, как очутились против дома комиссара. Михаил предложил Ивану зайти туда. Кудрявцев отнекивался, но не устоял. Рабинович затащил его в незнакомую семью.

Свободные вечера, если они удавались, Михаил проводил в доме Чучиных. Гостеприимство и приветливость хозяйки, дети — ласковые шалуны, сам Чучин — горячий и откровенный — все это нравилось ему. Больше всего тянули его сюда горячие споры.

Переступив порог и здороваясь с Александрой Васильевной, Кудрявцев запнулся о половичок. Смутился, остановился у двери.

— Проходите, проходите. У нас сегодня не все на месте, — сказала хозяйка.

Вскоре гости сидели за столом.

— Да, Александра Васильевна, бумагу-то вам выдали в конторе? — принимая чашку чая, спросил Михаил.

— Выдали, но мне не хватило. Вчера еще пришло пятеро с седьмой шахты. Идут уже бородатые горняки.

— Желающих учиться полно. Васильевне впору хоть новое помещение отвести, — радовался Федор. — В будущем ей одной это дело не потянуть. На мой взгляд, здесь необходима помощь рабочей организации.

Кудрявцев, прихлебывая чай, вслушивался в разговор. Его прямой взгляд останавливался то на выбритом лице Чучина, то на руке Рабиновича, помешивающей давно остывший чай, то на искусно причесанных светлых волосах Александры Васильевны, на ее васильковых глазах.

— Вы правы, Федор Григорьевич. Наступило время объединить профсоюзы, — громко заговорил Кудрявцев.

— Вот именно, — подхватил Рабинович. — Без этого нам нельзя дальше двигаться.

— Да вы, кажется, как-то целый вечер об этом проговорили с Федором. И с вами, Михаил Елисеевич, я вполне согласна, — мягко сказала Чучина.

Вскоре компания про чай забыла. Гости и хозяева вставали, ходили по комнате, опять садились, спорили. Каждый высказывал свои взгляды на будущую жизнь горнорабочих, предлагал, советовал,

Долго говорили о создании об'единенных профсоюзов на руднике, в Сибири, заспорили, как лучше и быстрее это сделать. Пришли к одному: созвать конференцию.

Далеко за полночь кончилось чаепитие в доме Чучиных. Прощаясь, Михаил виновато сказал:

— Пришли на чай, а провели заседание. Извините уж, Александра Васильевна.

На другой день Чучин, Рабинович и Кудрявцев отправили письма профсоюзным лидерам рудников и золотых приисков Западной Сибири, предлагая создать подготовительный комитет и готовить конференцию.

Вскоре в Анжерке с радостью встречали делегатов конференции. Они прибывали из Щегловска, Мариинска, Шербиновки, Судженки, Черемхова. Наибольшее число делегатов прислали Судженские копи Михельсона, как самые крупные в Сибири. Два дня длились только доклады с мест о профессиональных союзах. Каждая делегация обсказывала, каково положение на руднике, прииске, как идет защита прав рабочих.

Федор Чучин нарисовал полную картину будущей больницы кассы. Это понравилось делегатам. Немало было вопросов, суждений. Нашлись и такие нетерпеливые, которые требовали начать отчисления в фонд кассы немедленно и не меньше пяти процентов с получаемого денежного содержания.

Пять дней шли споры, принимались резолюции. Конференция решила созвать сибирский с'езд. Вскоре он и состоялся в Томске.

Делегаты в полный голос говорили о нуждах горнорабочих, об упадке производства, ратовали за единый профсоюзный комитет.

В зале оживились, когда представитель Анжерки стал рассказывать о визите на рудник товарища министра путей сообщения господина Устругова.

— Нагрянул на наши копи почти сам министр. Да не один! Видите, сам не прост, да за ним еще хвост. Заморские инженеры в узеньких сереньких брючках, специалисты американские. Думал нашего брата, углекопа, сбить с понталыку, показать, что такое Временное правительство. И начал с чего: обругал совдепию, большевиков. А сам ни черта не сделал. Велел только поставить пятьдесят теплушек, пусть живут, мол, рабочие.

— Примирительные камеры, третейский суд, контроль над производством — это все не то. Нам надо брать шахты в свои руки, устанавливать там рабочие порядки, — бросил в зал Рабинович.

Принятая с'ездом резолюция заканчивалась: «Да здравст-

вует революция!», «Да здравствует III Интернационал!», «Да здравствует социализм!».

— Теперь у нас есть свой Сибирский комитет профсоюзов, верный защитник горнорабочих, — говорил Михаил. — Надо объединить наши копейские профсоюзы металлистов, деревообделочников, печников и каменщиков, десятников и работников письменного труда.

Вскоре, как ни сопротивлялись эсеры, но председателем объединенного правления союза избрали Ивана Кудрявцева.

3.

Июльские выстрелы в Петрограде взбудоражили всю Россию. Не миновали они и Томска, прокатились по руднику. Эсеровские организации копей оживились, искали только повода, чтобы расправиться с большевиками.

Но большевики не сидели сложа руки. На Михельсоновские копи прискакал на взмыленной лошади молодой вихрастый шахтер. Он бросился сначала к дому, где жил Краснощеков, но там Семена не застал. Нашел он его на шахтовом дворе. Краснощеков разговаривал с двумя пожилыми шахтерами, по какому-то делу поднявшимися на-гора через шурф. Вихрастый поманил Семена в сторону и взволнованно о чем-то зашептал, все время взмахивая рукой. Другой он держал за повод мокрую лошадь.

— Хорошо. Спасибо, товарищ. Вовремя ты прилетел, — громко сказал Краснощеков.

Вихрастый вскочил на лошадь и ускакал.

Через час после этого в клубе большевиков Судженки собралось несколько человек. После сообщения Краснощекова все встревожились. Еще бы! Эсеры готовятся разоружить красногвардейцев и выставить свою охрану, устранить большевистских представителей из Совдепа.

— Ждать этого сложа руки — просто ротозейство, — заключил Краснощеков. — И, смотри же, выждали момент, когда с копей уехали Кудрявцев, Рабинович, Чучин. Надо потребовать протоколы последних заседаний эсеров.

В клуб вызвали эсеров Великжанина и Опенко. Перед этим они успели дать знать своим в Анжерку: «Большевики разгоняют Советы, арестовывают руководителей».

Эсеры Анжерки во главе с Соколовым быстро собрали своих людей, вооружили их чем пришлось и, прихватив два станковых пулемета, двинулись на «восстановление Советов» в Судженку.

Судженцы в свою очередь стали готовиться к бою. У реки

Алчедат, на бугре, где дорога из Анжерки подходила к поселку Покей, расставили пулеметы. Вооруженные люди рассыпались в цепь и заняли оборону.

Медленно тянулось время. Возбужденные люди курили, переговаривались, но каждый тревожно думал: «Что-то будет дальше?» Начали вести разведку. Навстречу анжерцам направили двоих горняков. Они незаметно обогнули мост, пробрались зарослями, а выйдя на дорогу, влились в колонну наступающих. Встретили знакомых, закурили и разговорились, быстро разузнали о настроении людей, рассказали, что произошло на Судженке.

— А Великжанина и Опенкина мы взяли под охрану, чтоб не сбежали. Сами знаете — надеяться на эту братию нельзя.

— Стой, братцы! Морочат нас!

— Надули, провести хотят!

Поднялся шум. Люди трясли кулаками, грозились.

В таком кругу ораторствовали разведчики, их слова передавались дальше. Какой-то невысокий рябоватый мужик кричал:

— Из пулеметов их, сволочей, нужно шибануть, чтоб знали.

Кого он грозился «шибануть из пулеметов», никто не понял. Соколов перебегал от одной кучки людей к другой, что-то приказывал, требовал, просил, но его не слушали.

Разобрались не скоро. Сначала избрали делегацию, наказали ей, чтобы все обошлось без стрельбы. Делегаты двинулись на переговоры, все при винтовках, волоча за собой пулеметы.

Судженцы, видя такой поворот дела, тоже снялись с позиций и вышли навстречу.

Враждовавшие стороны скоро, составив пулеметы в один сарай и назначив по одному часовому от каждой стороны, отправились улаживать конфликт путем переговоров.

Ни одного выстрела не прогремело над Алчедатом. Солнце клонилось к горизонту, спускалось за колючий гребень тайги. Анжерские горняки, возвращаясь из похода в поселок, толковали:

— Эсеровские проделки. Соколов и Опенков подведут нас...

На другой день эсеры потеряли немало сочувствующих, не досчитались и единомышленников.

Б. ГРИГЕРМАН.

КУЗБАССКИЕ ВСТРЕЧИ

20 лет назад, с февраля по апрель 1937 года, нам довелось в составе выездной редакции побывать на ряде участков железнодорожной магистрали Кузбасса. От станции Мундыбаш до Промышленной, от Анжерской до Кемерово — таков был наш маршрут. Именно на этих участках раньше, чем на других направлениях Сибирской магистрали, началась индустриализация ж. д. транспорта. Здесь проложен первый в Сибири электрифицированный участок, создавались крупные ремонтные базы — паровозные, электровозные, вагонные депо.

От поездок тех лет остались записные книжки. В них десятки имен, записи о встречах. В пожелтевших подшивках газет — рассказы, очерки, корреспонденции о тех, кто в годы первых пятилеток прокладывал новые железнодорожные пути к сокровищам Кузбасса, нес вахту на стрелочном посту, в будке машиниста, на путевском околотке.

И вот, 20 лет спустя, мы проехали по старому маршруту выездной редакции. По тому же маршруту, с теми же остановками проделали мы весь путь...

Где сейчас герои первых пятилеток, с чем приходят они к сороковой годовщине Октября?

☆☆☆

Если вы посмотрите на ту часть карты Сибири, где проходит Томская железная дорога, то сразу обратите внимание на контуры магистрали. Они определяются размещением крупнейших индустриальных центров на востоке нашей страны.

От прежней, растянувшейся с запада на восток, колеи за годы пятилеток пролегла в глубь Кузбасса, как стрела, линия Обь—Проектная.

В названиях этих станций возникает представление о стремительном развитии железнодорожного транспорта в Сибири. Обь—это бывший маленький полустанок первой Транссибирской магистрали. Проектная — название, рожденное в дни, когда на кальке чертежей изыскатели наносили новые пути связи между районами развивающейся индустрии Кузбасса.

Развитие Томской дороги, являющейся составной частью Транссибирской магистрали, — это славная страница в истории железнодорожного транспорта Сибири. Сооружение Великого Сибирского пути к концу прошлого столетия явилось для того времени грандиозным событием. Французская газета «Ля Франс» в связи с окончанием строительства писала: «После открытия Америки и сооружения Суэцкого канала история не отмечала события более выдающегося».

Но до революции Сибирский путь, плохо оснащенный техникой, влачил жалкое существование. Бурный рост железнодорожного транспорта в Сибири начался после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1926 году появилась линия Юрга — Новокузнецк, позже открылось движение на участке Обь—Инская—Проектная, Таштагол—Новокузнецк.

Великое наступление на огромные массивы целинных земель районов Алтая и Кузбасса изменило и схему магистрали. Обходной путь к Алтаю через Новосибирск сдерживал рост производительных сил важнейших экономических районов Сибири. Нужно было сократить расстояние между Кузбассом и Алтаем. И вот от станции Артышта, расположенной близ города Сталинска, сквозь вековую тайгу прошла магистраль, открывшая прямой выход продукции Кузбасса на Алтай и в Среднюю Азию. Артышта—Алтайская — один из важнейших участков Южно-Сибирской магистрали, вошедший в сеть действующих линий, по которому за последние годы перевезены десятки тысяч тонн грузов.

В 1937 году экономисты Кузбасса, основываясь на геологических изысканиях тех лет, придавали исключительное значение так называемому восточному ходу Южно-Сибирской магистрали, которая получила нынешнее название Сталинск—Абакан. Еще в дореволюционные годы передовая русская инженерная мысль стремилась найти более совершенные пути для связи между отдельными экономическими районами. Но воплощение смелой мечты передовой русской транспортной науки было не по плечу русским капиталистам. В 1912 году в отчете акционеров Копикуза говорилось о первой попытке проложить рельсы на одном из участков будущей Южно-Сибирской магистрали: «Глухая тайга с массой поваленных ветром стволов, с травами выше человеческого роста без топора летом и осенью непроходима. Нет ни дорог, ни даже троп... Прокладка дорог, согласно техническим условиям, невозможна».

И вот в этой пятилетке по всей трассе открыто рабочее движение поездов. То, что в дореволюционной России ото-

бражено было лишь на кальке эскизных чертежей, воплотилось в наши дни в реальную действительность. На отрезке в 400 километров сооружено более 250 мостов и огромный тоннель, пролегающий под Кузнецким Алатау.

Нашей первой остановкой была станция Тайга. Когда-то затерянный в чащобе вековых лесов, этот небольшой сибирский поселок сыграл большую роль в революционном движении на сибирских железных дорогах. А история его названия такова. Первые строители Транссибирской трассы, подойдя к месту, где стоит сейчас станция Тайга, воскликнули: — Какая тайга! — И дали это имя станции, которое она носит более полстолетия.

В дореволюционных железнодорожных справочниках можно встретить такие сведения о станции: «Тайга, буфет, пельмени из медвежатины».

О нынешней станции Тайга железнодорожники говорят как о прекрасной кузнице кадров. Богат узел талантливыми людьми, влюбленными в свое дело.

20 лет назад нас привлекло сюда сообщение о депо-университете. Так называли тогда Тайгинское паровозное депо.

Откроем пожелтевшие страницы газет тех лет. 1937 год. Канун Дня железнодорожников. В дорожной газете фотография молодого железнодорожника, бывшего воина Красной Армии В. А. Клицунова.

Под портретом короткая заметка: «Впервые в истории железнодорожного транспорта при ремонте паровоза по инициативе тайгинцев осуществлен принцип взаимозаменяемости деталей. За 14 часов вместо четырех суток по норме выпущен из под'емочного ремонта паровоз».

За скурым газетным сообщением угадывается напряженный труд коллектива. Как удалось отремонтировать паровоз за 14 часов? Вспоминаются те дни... Мы в под'емочном цехе Тайгинского депо. Сквозь пятна тускло горящих фонарей проступает лозунг на кумаче: «Внедрить принцип взаимозаменяемости деталей».

В диспетчерской нам показывают крутую линию, нанесенную на графике, против которой поставлен номер 741. Это номер паровоза. Мастер цеха объясняет нам:

— Как видите, паровоз работает, водит поезда, но паровозная бригада сообщила, что при очередной постановке локомотива на ремонт потребуется сменить комплект колесных пар. Не нужно ожидать, когда паровоз поступит на ремонт.

Детали готовятся заранее по альбомным чертежам. Вот суть принципа взаимозаменяемости деталей.

Душой, организатором этого дела в числе других кадровых железнодорожников был молодой начальник заготовительного цеха В. А. Кликунов.

Из Закавказья, Подмосковья, Донбасса, Урала, со многих сибирских железных дорог приезжали в далекое сибирское депо, чтобы перенять не виданный доселе опыт ремонта локомотивов. В газетных статьях депо называли университетом. И это было так. Именно в это депо приехали видные ученые во главе с одним из основоположников транспортной науки, известным томским профессором Карташевым, чтобы на основе достижений новаторов внести поправки в теоретический курс ремонтного дела.

Принцип взаимозаменяемости деталей совершил техническую революцию на транспорте. Теперь в любом научном труде по паровозному делу, любом справочнике можно встретить так называемый тайгинский метод ремонта паровозов.

«О тайгинском методе» рассказано в трудах профессора Карташева «Общий курс паровозного дела», в исследовании талантливого творца паровозов профессора Сыромятникова.

Метод тайгинцев получил широкое распространение по всей стране.

И вот сейчас мы вновь встретились с замечательным новатором транспорта Владимиром Афанасьевичем Кликуновым.

Судьбы людей нашего времени в их делах. Владимир Афанасьевич — человек, о котором можно сказать, что он не ждет готового. Прошло 20 лет с того памятного дня, как был осуществлен принцип взаимозаменяемости деталей, а Кликунов по-прежнему с юношеской энергией пробивает дорогу к новому, творит, дерзает...

Владимир Афанасьевич, поглядывая на свою фотографию, помещенную в те годы в газете, говорит нам:

— Далеко ушло депо. Мы вот стареем, а депо помолодело...

Три десятка различных приспособлений и механизмов сконструированы им, действуют в его родном депо и за его пределами. Несколько лет назад Владимир Афанасьевич сконструировал станок для очистки питательных труб паровоза. С благодарностью отзываются ремонтники об этом новшестве. Ведь раньше от 7 до 8 часов затрачивал рабочий на очистку каждой трубы. На станке же эта операция длится 30—40 минут. Здесь оригинально использован принцип отбойного молотка. Но сделан такой точный расчет, что трубы очищаются от накипи без риска получить вмятину или кривизну.

Недавно Клицунов сконструировал пресс для штамповки паровозных деталей. Здесь как нельзя лучше сказалось большое, неугасимое чувство нового. Пресс не только облегчает труд, но и дает 30 процентов экономии металла.

До конструкции гидравлического пресса нагретый поршневой диск впрессовывался в шток. Эта трудоемкая работа требовала больших физических усилий. Никакой гарантии точности при этом не было.

Гидравлический пресс Клицунова имеет силу нажатия в 300 тонн. Он осуществил замену свободнойковки металла штамповкой. Так, спустя 20 лет, мы встретили рационализатора уже в роли своеобразного конструктора машин.

Несколько месяцев назад из Краснодарского паровозоремонтного завода В. А. Клицунову пришло письмо. Работники завода писали: «Помогите чертежами, хотим применить ваш поршневой пресс». С помощью пресса холодным способом можно делать посадку штоков поршневых дисков. Эта работа трудоемкая. Нужно деталь нагреть, насадить, дай ей остыть. И все эти операции ведутся наугад.

Поршневой же пресс, созданный Клицуновым, действует безотказно.

Мы разговаривали с Владимиром Афанасьевичем о его новых замыслах. Он скупно перечисляет названия своих будущих конструкций. Для Клицунова создание конструкций — не игра случая, а систематические, упорные поиски нового, прогрессивного.

— Покою не давала мне кузница, — говорит он. — Ведь почти половину времени тратят на транспортировку деталей, подноску топлива, выгрузку золы. Это и тяжелый труд. Задумал я сделать подвесную дорогу.

Сейчас подвесная дорога быстро делает всю эту трудоемкую работу, высвободила десятки людей.

На Сибирской магистрали немало таких талантливых людей. Они являют собой тот замечательный рост и преобразования, которые произошли у нас за годы Советской власти.

Горная Шория. К ее скалам, петляя, тянутся серебристые рельсы, то прижатые у подножья скалистых круч, то убегающие в густую всхолмленную тайгу. Невольно поражаешься искусству тех, кто зимой и летом, в мороз и вьюгу, в ливень и ураганный ветер водит тяжеловесные поезда.

Тяжелый здесь профиль, и условия вождения поездов исключительно трудные. Примечателен такой факт. Еще несколько лет назад, когда возник вопрос о более интенсивной

вывозке агломерата из Мундыбаша, проектировалось повысить пропускную способность Горношорского участка за счет строительства новых раз'ездов. Но машинисты-тяжеловесники внесли поправку: они стали водить поезда, вдвое превышающие вес обычных маршрутов.

И получилось, что без затраты каких бы то ни было средств машинисты тяжеловесов как бы построили вторую магистраль на этом участке.

Мы привыкли отмечать мужество машиниста, неутомимость путевого обходчика, ловкость вагонника и многих, многих других.

Но на участках железных дорог Горной Шории работает еще один отряд людей необычной для транспорта профессии. Это — верхолазы. Разыгралась ли метель, пронеслись ли бурные потоки, а верхолазы всегда на посту. Как-то в февральский буранный день бывалые пассажиры, прислушиваясь к свистам ветра, с сомнением покачивали головой, а некоторые прямо заявляли:

— Не занесло бы нас, буран усиливается.

Один из пассажиров ядовито заметил:

— Действие, судя по календарю, происходит в 1957 году, а у вас разговорчики путешественников образца прошлого столетия: «Не занесло бы»... Что мы, на ямщицкой дороге? Ведь дорога-то железная...

— Ну, скажете, — заметил другой. — Это ведь горный край. Здесь не так страшны заносы, как горные обвалы. Вы видели когда-нибудь снежный обвал?

Ни телеграфные столбы, ни кряжистые деревья не способны сдержать такого напора. Бывало, по двое суток не могли очистить железнодорожное полотно...

Когда мы под'езжали к станции Амзас, буран стих. Редкое зрелище предстало перед нами. Причудливо изрезанные скалы, словно дозорные, стояли вдоль пути. На их вершинах — гигантские шапки снега. Кто-то крикнул.

— Смотрите, люди на вершине!

Все кинулись к окнам:

— Альпинисты, наверное, — высказал кто-то свои предположения.

— Нет, это наши работницы с дистанции пути, — сказал человек в железнодорожной форме. — Галина с Фетиньей. Больше никому быть.

— А кто они такие? — спросил я.

— Да наши верхолазы; боевые девчата, — с гордостью сказал железнодорожник.

Верхолазы на железнодорожном транспорте? Да. Не всякий мужчина возьмется за эту трудную, мужественную профессию. Верхолазы — люди смелые! Защитная веревка и небольшой ломик — вот и все их снаряжение в борьбе со стихией. Цепляясь за уступы скал, проползая по причудливым карнизам, верхолазы достигают вершины скал и очищают их от снеговой шапки, могущей обвалиться и занести поезд.

Два года тому назад 17-летней девушкой пришла в Мундыбашскую дистанцию Галина Ланшакова. Она попросилась в ремонтную путевую бригаду. По вечерам, когда, кажется, с привычки после тяжелых ремонтных работ только остается броситься в постель, Галина уходила в сопки. За час — другой она взбиралась на ближайшую сопку, а потом, оживленная, возвращалась домой — в общежитие, к девчатам.

— Тебе в верхолазы пойти, — шутливо заметил кто-то Галине.

— А что ж, придет время, пойду, — спокойно отвечала она.

Месяца через два, подойдя однажды к бригадиру верхолазов Михаилу Шакуле, Галина сказала:

— Возьмете к себе в бригаду?

Михаил Шакула — первоклассный верхолаз. На каких только сопках не побывал он, куда не взбирался со своим напарником Геннадием Кузнецовым! Зоркий часовой горных вершин, он в совершенстве изучил свое дело. Мало того — он сконструировал упорный винт, ставший незаменимым спутником людей отважной профессии. С помощью винта намного безопаснее стал спуск с головокружительной высоты, удобнее подъем. На любом участке можно закрепить и осмотреться.

Верхолаз с некоторым сомнением смотрит на девушку.

— Вы не сомневайтесь, — говорит Галина, — я не подведу.

И действительно, через полгода Галина Ланшакова опередила многих мужчин.

Вместе с Галиной работает Фетинья Килина. Она ни в чем не отстает от своей подруги.

Однажды трехдневный буран образовал большие снежные нагромождения. Того и гляди, сорвется снежная лавина и наделает беды. На один из участков пошли девушки-верхолазы. По пояс в снегу они пробирались к намеченному месту.

Огромный снежный ком повис над самым железнодорожным полотном. Туго натянув у основания снежного гребня веревку, девушки, как бритвой, срезают всю толщу снега. Лавина мчится вниз. Но она сейчас безопасна. Там, внизу, все готово для очистки полотна от снежного потока перед тем,

как пройти здесь поезду. Машинисты удвоили пропускную способность участка, а верхолазы сделали дорогу безопасной.

С Горношорским участком железной дороги связана деятельность одного из лучших диспетчеров Кузбасса — Николай Дмитриевича Рыбина. Он трудится здесь много лет. О нем говорят так: «Почерк Рыбина узнаешь на каждой станции».

Что же это такое — почерк Рыбина?

В маленькой диспетчерской Новокузнецкого отделения Томской дороги в одну из весенних ночей сидит человек. Время от времени он берется за ключ селектора и вызывает станции.

Перед ним на столе густая сетка графика Новокузнецкого участка. На графике — названия станций: Новокузнецк-Пассажирская, Абагур-Лесной, Кандалеп, Кузедеево, Мундыбаш.

Диспетчер в которой раз делает расчеты на графике и... бессильно опускает карандаш. «Нет, сегодня не успеем кольцовку подать на комбинат», — думает он и снова берется за ключ селектора и вызывает станцию за станцией.

Когда-то начальник отделения сказал Рыбину:

— У диспетчера должно быть второе зрение.

Тогда, не понимая этих слов, стеснялся спросить, а позже сама работа потребовала того, чтобы всегда, каждую минуту «видеть» участок. Вот и сейчас, глядя на график, диспетчер мысленно представляет себе всю обстановку движения. ...Идут поезда. Со станции поступают лаконичные сообщения: — ...Поезд № 1001 проследовал станцию 022 минуты...

Кто виноват, что вот этот 1001-й и второй и третий еле-еле ползут по участку? На станции Новокузнецк-Пассажирская некуда принимать маршруты. Все пути заставлены.

До конца дежурства осталось около 3 часов. Николай Дмитриевич поглядывает в окно. Из Кандалепа позвонил дежурный.

— Разрешите прицепить груженные к транзитному?

Транзитный! Знакомое слово, часто встречающееся в обиходе у диспетчеров, сегодня напомнило ему о многом...

Было это в конце войны. Бывший минометчик Рыбин вместе со своей частью ехал уже в качестве военного диспетчера на Дальний Восток. На одной из маленьких станций у подножья скалистого хребта Рыбин начал свое первое дежурство на Дальнем Востоке. С соседнего участка непрерывно вызывали по селектору:

— Да принимайте вы поезд! Вы что, не понимаете, врагу передышку даем.

Вот тогда-то ему и пришла мысль: «Все длинносоставные поезда пропускать напроход, транзитом».

Командование одобрило начинание молодого диспетчера. Быстрее пошли поезда к линии фронта.

«А что если и сейчас транзитом?» — подумал он.

Рыбин поднял телефонную трубку:

— Железнодорожный цех Кузнецкого металлургического комбината? Вам известно положение с агломератом?

Начальник смены Тихонов, услышав голос диспетчера, начал скороговоркой:

— Положение напряженное... агломерат поступает маленькими порциями...

— Вот-вот, об этом и речь,—говорит Рыбин. — При таком поступлении мы не обеспечим сегодняшнюю норму. Предлагаем тяжеловес... Но пропустить его надо на заводскую станцию напроход, не меняя паровоза.

— Согласны, отправляйте, — ответил Тихонов.

Диспетчер вызвал по селектору машиниста, рассказал о новой задаче. Через некоторое время тяжеловесный состав, грохоча на стрелках, проследовал станцию Новокузнецк-Пассажирская напроход.

Николай Дмитриевич Рыбин позвонил начальнику смены Тихонову:

— Спасибо. И нам и вам полегчало.

За что благодарил Рыбина начальник смены? Оказывается, в этот предутренний час два новатора — один железнодорожного транспорта, другой — с Кузнецкого металлургического комбината убрали ведомственный барьер, пропустив без остановки поезд непосредственно на заводские пути.

А ведь до этого было так.

Сотни километров с высокой скоростью шли поезда и в 6 километрах от комбината — остановка. Зачем? Состав останавливался в ожидании прибытия заводского паровоза. Задержка состава невыгодна и дороге и комбинату. Теперь благодаря смелому решению диспетчера Рыбина комбинат за счет сокращения количества паровозов экономит за год 350 тысяч рублей.

Дополнительное время, которое получает дорога благодаря инициативе диспетчера, стоит не меньше. Рыбин стремится освоить высоты эксплуатационной науки. В современных условиях диспетчер — это подлинный организатор движения в самом широком смысле слова.

Как-то он дежурил вместе с паровозным диспетчером Безрядиным. Положение было напряженным. Грузы стоят на одном конце отделения, паровозы — на другом.

— Вся надежда на паровозников, — говорит Рыбин.

Диспетчеры склонились над графиком. Казалось бы, здесь все расписано до секунды, все предусмотрено и невозможно нарушить эту стройную систему движения поездов. Острие карандаша скользит по «ниткам» графика. Около цифры 0 ч. 22 м. карандашный след утолщился и на мгновение обрывается. Рыбин молча глядит на Безрядина.

— На это время нужен подталкивающий паровоз, — говорит Безрядин.

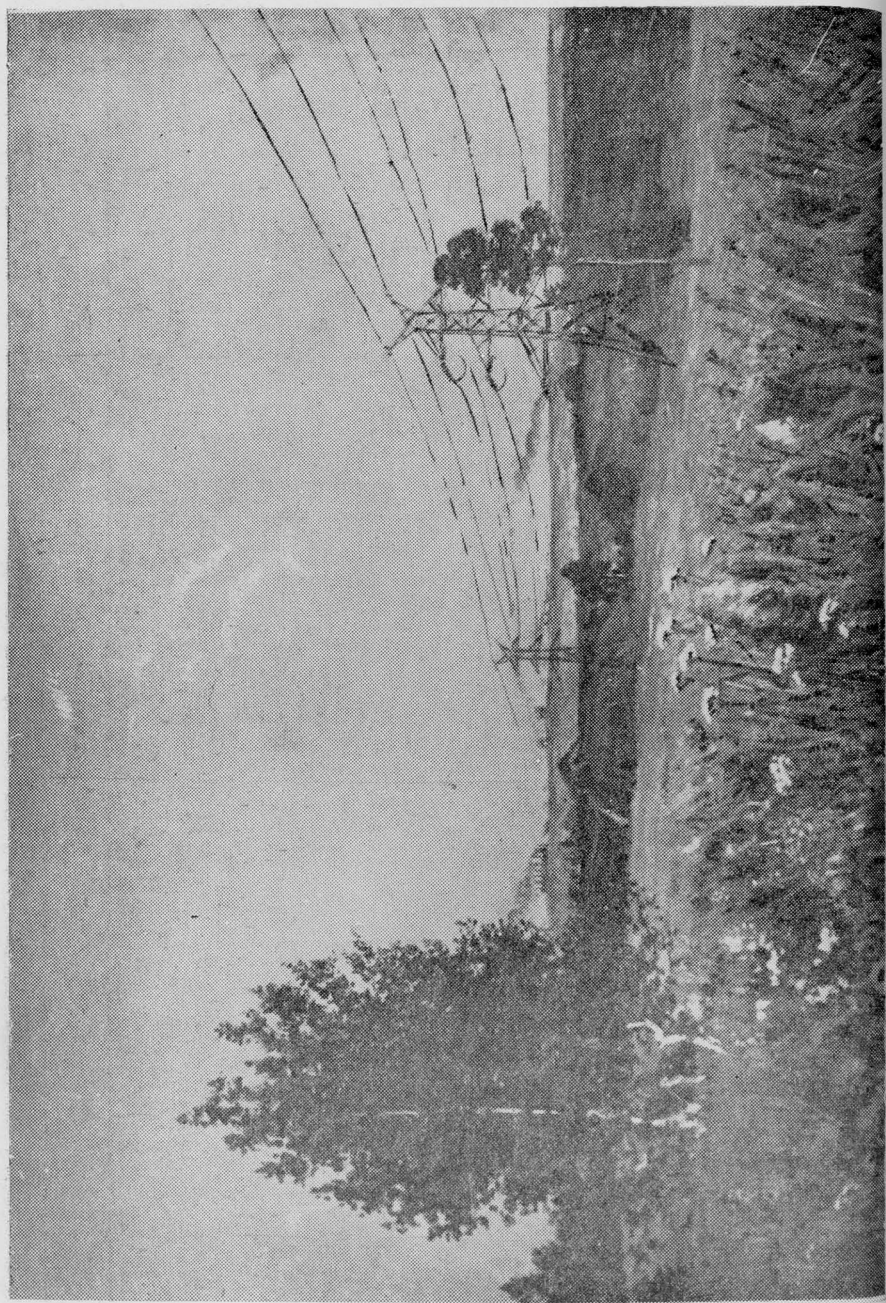
— И на 2 ч. 58 минут опять потребуется, — в тон ему говорит Рыбин. — Что если нам обе паровозные бригады вызывать в поездку в одно время — на 0 часов 22 минуты и использовать второй паровоз, как подталкивающий? Вернется он как раз к моменту отправления своего поезда.

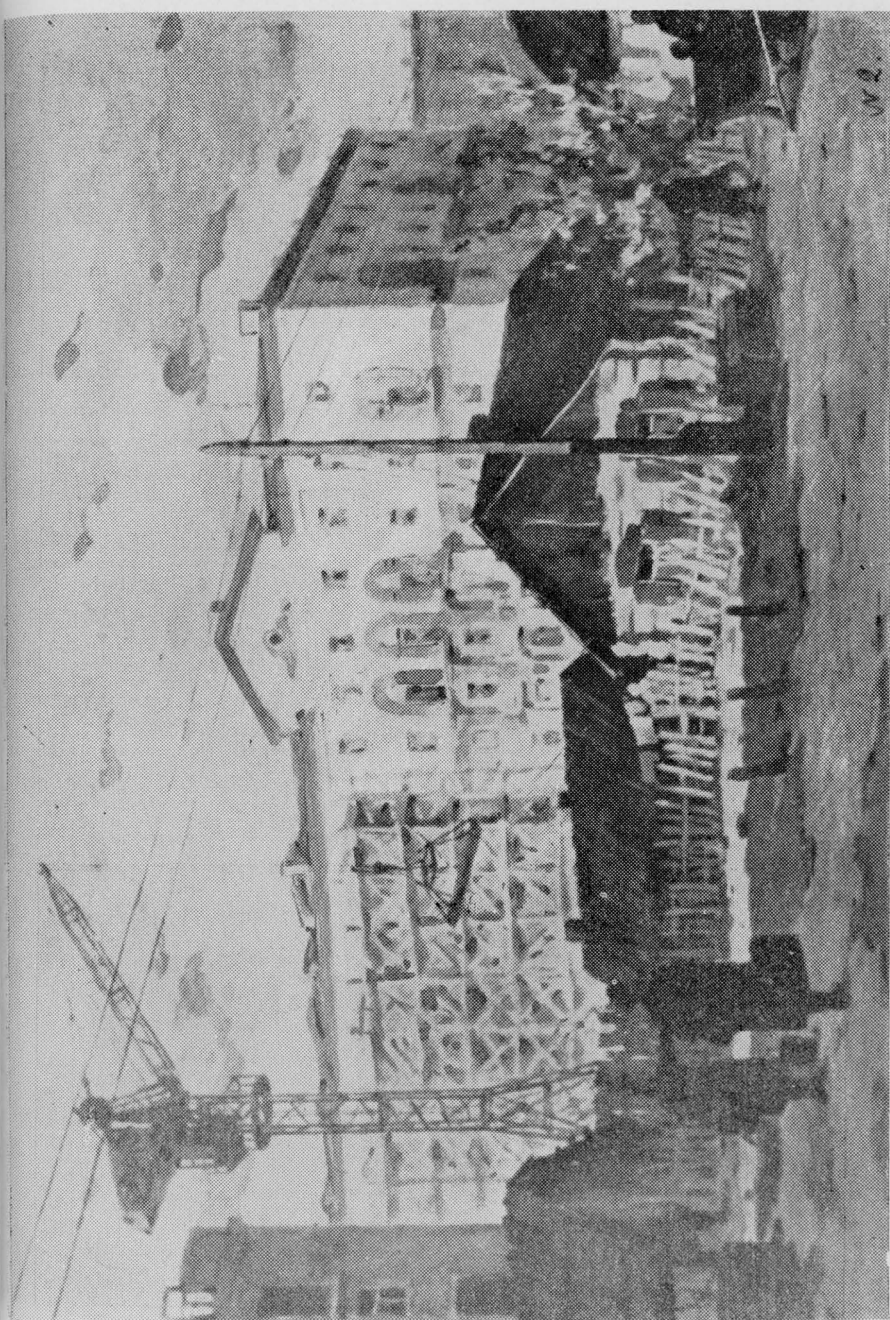
— Хорошая мысль!

Так в это дежурство был сэкономлен паровоз.

Непрерывными поисками новых резервов наполнены трудовые будни диспетчера Рыбина. Его почин по развозу местного груза с минимальным числом паровозов заинтересовал многих движенцев дороги. За опытом к новатору приехали диспетчеры Алтая, Новосибирска, Тайги и многих других отделений магистрали. В маленькой диспетчерской у Рыбина был проведен однодневный семинар. Здесь не было лекций и докладов. Диспетчер нес дежурство, а гости неотрывно следили за графиком движения, за тем, как у них на глазах новатор управлял сложной напряженной жизнью одного из участков огромной Сибирской магистрали. И все, кто был в это время в диспетчерской, воочию увидели смелый, решительный «почерк» Николая Дмитриевича Рыбина.

А. ЮХИМЧУК.

СЕМЬ ДНЕЙ И НОЧЕЙ

Очерк.

Была война. Прошла война.
Над полем боя тишина.
Но по стране, по тишине
Идут легенды о войне.
Одна легенда есть. Она
Над старым Бугом рождена,
Где верным стражем здешних мест
Глядит на запад крепость Брест.
Л. Ошанин

I.

Тихо несет свои воды Западный Буг. Шумлива и беспокойна река Муховец.

На слиянии этих двух рек стоит старинная крепость Брест. Бетонные казематы, воинские казармы раскинулись по обе стороны реки. Огромный земляной вал, извиваясь, опоясывает крепость. Ощетинившись жерлами пушек, крепость защищает границу нашей Родины.

При впадении Муховца в Западный Буг образовался остров — Центральная цитадель.

В центре его высится костел. Высоко в небо вытянулся его шпиль. Если взобраться на колокольню, то в левой части острова можно увидеть красивое здание — Белый дворец. В 1918 году делегация молодой Страны Советов подписала здесь Брестский мир с Германией.

В канун Великой Отечественной войны в Белом дворце располагался 84-й стрелковый полк. С правой стороны острова буквой «П» раскинулась казарма 333-го полка.

Любимым местом отдыха красноармейцев был парк, занимавший всю центральную площадь острова. Кудрявые каштаны тянулись ровными рядами, образуя тенистые аллеи.

Стоял тихий июньский вечер 1941 года. Косые лучи заходящего солнца скользнули по верхушкам деревьев, заглянули в окна казармы. Там царило веселое оживление. Тихонько напевая, солдаты до блеска начищали сапоги, брились, подшивали к гимнастеркам белые подворотнички.

Из ворот крепости, в сторону Бреста, одна за другой уходили автомашины. Завтра воскресенье, выходной день. Бойцы и офицеры, как всегда, собирались в город на отдых.

Политрук роты Видонов прошелся по аллее. Сегодня он оставлен за старшего. Зашел на спортивную площадку, там резко хлопали биты — играли в городки; подошел к казарме и долго еще стоял, всматриваясь вдаль.

Вечерние сумерки плыли над крепостью. Вечер выдался необычайно тихим. На деревьях не шелухнется ни один лист. Казалось, все вокруг радовалось приходу ночи, чтобы освежиться после дневного зноя.

Мирная тишина нарушалась лишь соловьиными трелями. По ту сторону границы тоже было тихо.

Вскоре старшина Иванов отпраповал политруку о численном составе роты. Горн проиграл отбой. Казарма погрузилась в сон.

II.

Огромной силы взрыв потряс землю. В окнах зазвенели стекла. Видонов быстро вскочил, оделся. Зашевелились солдаты.

— Рановато ученья начались, — проговорил кто-то. И Видонов вспомнил, что сегодня, действительно, на полигоне должны были проводиться показательные стрельбы.

— Пойду проверю посты, — проговорил он, ни к кому не обращаясь. Сказал это спокойно. Но тревога все больше овладевала им.

Не успел Видонов подойти к двери, как раздался грохот. Здание слегка качнулось. Солдаты вскочили с постелей, без команды начали быстро одеваться.

Последовали второй, третий взрывы. А потом накатился сплошной гул канонады. Зазвенело разбитое стекло, на пол посыпалась штукатурка.

— В ружье! — скомандовал Видонов. От взрывной волны рухнула дверь. Проход завалило кирпичом. Черный дым повалил в комнату. Мгновенно наступила темнота.

Пороховой дым, кирпичная пыль лезли в глаза, щекотали в горле. Солдаты кашляли, чихали. Каждому хотелось быстрее выскочить на улицу, вдохнуть свежий воздух.

Во дворе они увидели страшную картину: кругом зияли огромные воронки, крепость заволкло дымом, сквозь черные

облака дыма чуть проглядывало солнце; перед казармой горел склад боеприпасов, автогараж, столовая и другие служебные помещения. Остров оказался в огненном кольце.

III.

Видонов решил вести роту к штабу. Вдруг дробно застучал пулемет. Один из бойцов, вскрикнув, упал. Остальные побежали под прикрытие казармы. Стреляли с колокольни костела. Это вызвало у бойцов замешательство.

— Огонь по костелу! Минометы установить под прикрытием казармы! — командовал Видонов. — Постарайтесь сбить колокольню, — сказал он командиру минометного расчета Николаю Грохову.

Твердая уверенность, с какой Видонов отдавал приказания, действовала на солдат успокоительно. Они поняли, что политрук знает, что делать дальше. Быстро устанавливали миномет, подносили снаряды. И вот первая мина, разорвав воздух, понеслась к костелу. Несколько пристрелочных выстрелов, и колокольня рухнула.

— В атаку! — крикнул политрук.

Держа на весу винтовки, солдаты цепью побежали к костелу и с криком «ура» ворвались в окна и двери.

История проникновения гитлеровцев на остров такова: после артиллерийской канонады крепость была в огне. Немцы решили, что там не осталось ни одного живого человека. А если и остался кто, то сдастся в плен без боя. Они считали, что после столь длительного внезапного и мощного артиллерийского обстрела защитники крепости если и не потеряют рассудок, то потеряют способность сопротивляться.

Артиллерийский обстрел прекратился, немцы ринулись в атаку. Сломив ожесточенное сопротивление пограничных постов, по двум мостам, перекинутым через Буг, они устремились на остров. Группа немцев торопливо направилась к костелу. Высокая колокольня была заранее выбрана ими как прекрасная огневая точка. Они затащили туда пулемет и оставили несколько человек. Остальные лавиной двинулись к Белому дворцу. Немцы шли смело, уверенные в том, что с гарнизоном закончено.

Но вдруг ворота Белого дворца распахнулись, и группа бойцов под командованием полкового комиссара Фомина и заместителя политрука Матевосьяна бросилась в атаку. Немцы от неожиданности растерялись, шарахнулись в стороны. Захлопали винтовочные выстрелы, затрещали автоматные очереди. Гитлеровцы бросились к реке. С правой стороны на них

обрушился 333-й стрелковый полк. Потеряв огромное количество убитыми и ранеными, немцы отступили.

IV.

Мелькнула мысль: спасти боеприпасы! Видонов повел роту к складу, но он уже горел. Красные огненные языки лизали стропила, высовывались сквозь щели наружу. Сухо потрескивали рвавшиеся в огне патроны.

Зная, какая опасность грозит тому, кто проникнет в склад, красноармейцы застыли в нерешительности. Стоит только огню перекинуться на нижний этаж, как начнут рваться мины.

Мимо стремительно пробежал воспитанник гарнизона четырнадцатилетний Петя Клыпа. Никто не успел сказать ему и слова, как он уже юркнул в склад. Через несколько минут Петя выскочил оттуда. В охалке он нес пистолеты, патроны. Смелый поступок юноши воодушевил солдат. Они без всякой команды последовали примеру Пети. Дым раз'едал глаза. Задыхаясь в огне, ежеминутно подвергаясь опасности быть взорванными, бойцы выносили ящики со снарядами, минами. В одном углу с треском рухнул потолок. Сноп пламени ворвался в нижний этаж, с жадностью лизнул ящики, скользнул по стенам. Только после приказа Видонова солдаты оставили склад.

Немцы поняли, что захватить крепость в первый же день войны, как это им было приказано, не удастся. Поэтому они решили подтянуть войска к Бугу, переправить их через железнодорожный мост и обойти крепость с тыла.

Видонов приказал установить минометы и открыть огонь по мосту. Сам вместе с группой бойцов направился к продовольственному складу. Теперь уже было ясно, что началась война. И сейчас, в минуту смертельной опасности, он почувствовал на себе особую ответственность. Бойцы ждут от него решительных действий, надеются на него.

Группа солдат вместе с Видоновым побежала к продуктовому складу. Возле дверей лежал часовой, его лицо было разбито осколком. На посту стоял начальник караула Александр Соколов.

— Открывай склад, надо спасти продукты, — задыхаясь от бега, проговорил Видонов.

— Нет, не открою, — решительно ответил Александр Соколов.

— Пойми, снаряды вот-вот разнесут склад, и мы останемся без продуктов, — настаивал Видонов.

Как бы в подтверждение сказанному, недалеко раздался взрыв. За ним последовал второй, третий...

С болью в душе заметил Видонов, что снаряды начали падать туда, где расположились минометчики. Какая-то невидимая рука направляла полет снарядов. Еще минуту назад Видонов видел, как возле миномета копошились солдаты. И в тот же момент на том же месте в небо взлетел огромный столб земли.

Один за другим выходили из строя минометные расчеты. Настойчиво и терпеливо нащупывали немецкие артиллеристы место расположения каждого миномета. И лишь после того, как минометный расчет был разбит, артиллерийский огонь перекинулся дальше. По всему было видно, что действиями немецких артиллеристов кто-то руководит. Он либо находился в крепости, либо занял очень удобный наблюдательный пункт.

Солдаты торопливо выносили из склада сухари, сахар, колбасу. Соколов тоже помогал им. Невдалеке от складских помещений росли штабеля ящиков.

— Товарищ политрук, немцы у нас в тылу, — крикнул сидевший в кустарнике пулеметчик.

Видонов подошел к густо разросшимся деревьям. Отсюда был виден противоположный берег Муховца. В кустарнике мелькали мундиры немцев. Вдоль берега, охраняемые усиленным конвоем, шли пленные красноармейцы. Шли они медленно. Немцы то и дело подталкивали их штыками и автоматами.

Вдруг на той стороне послышались крики. Глухо застрекотал автомат. Пробираясь сквозь кустарник, к реке бежал человек. За ним гнались немцы. Подбежав к реке, он оглянулся, выстрелил несколько раз из пистолета и бросился в воду. Гитлеровцы продолжали преследовать смельчака. То там, то здесь вокруг пловца шлепались пули. Серебристые водяные брызги взлетали вверх и, как жемчуг, сыпались на гладь реки.

Затаив дыхание, наблюдали красноармейцы за поединком. Пулеметчик весь подался вперед, сжимая ручки пулемета. Казалось, он готов был кинуться на помощь пловцу.

Немцы приближались к берегу, стреляя на ходу. Перед ними встал водный рубеж. Гитлеровцы остановились, стали прицеливаться в беглеца из винтовок.

— Ух, гады! — сквозь зубы прошептал пулеметчик и нажал гашетку. Несколько немцев упало, подкошенные пулями. Остальные бросились в кустарник. Это и спасло пловца. Через несколько минут он уже был на этом берегу. В полной

военной форме, с орденом на груди, начальник полковой школы 44-го полка Бытко предстал перед красноармейцами.

V.

На горизонте показались немецкие бомбардировщики. Зловеще сверкая на солнце, они медленно двигались на крепость.

— Воздух! — крикнул Видонов. — Быстрее в подвал.

В подвале стояла крошечная темень. Первым артиллерийским залпом немцы разбили электростанцию. Чиркая спичками, чтобы не наткнуться на сидящих там женщин и детей, солдаты искали свободные места.

Видонов опустился на цементный пол возле стенки. Запрокинул голову, закрыл глаза. Вспомнилось, как немецкие артиллеристы обстреливали каждый минометный расчет. Неужели в крепости есть предатель? Этому не хотелось верить. Однако последние события вызвали у Видонова подозрение. Он стал внимательно прислушиваться к разговору солдат.

Приближение опасности всегда настораживает человека, заставляет его быть более бдительным.

— Почему не подходит подкрепление? — раздался из темноты чей-то встревоженный голос.

— Подойдет, всему свое время, — говоривший чиркнул спичкой, и она осветила суровое лицо с черными усами. На груди сверкнули ордена. По всему было видно, что это кадровый солдат.

Вскоре наверху наступила тишина. А в подвале, наоборот, стало шумно. Масса людей заколыхалась. В темноте затрепетали вспышки спичек. Солдаты потянулись к выходу.

На острове господствовал огонь. Все, что могло гореть, — горело.

— Не повезло нам с продуктами, Саша, — обратился Видонов к Соколову. — Склад горит, видишь?

— А нет ли там кого-нибудь? — Соколов показал рукой на офицерскую столовую.

На всем острове трудно было найти место, куда бы не попал снаряд. Все кругом было смешано с землей. И лишь недалеко от казармы белело чудом уцелевшее небольшое одноэтажное здание столовой.

Первая мысль была о том, что в столовой могли остаться какие-нибудь продукты, значит будет чем накормить солдат. Но закрадывалось подозрение. — почему столовая уцелела? Снаряды рвались кругом, а сюда не попал ни один.

В залах по-прежнему ровными рядами стояли столики. Белоснежные скатерти покрылись слоем пыли. На полу валялись куски кирпича, осколки стекол. Где-то на кухне загремела кастрюля. Соколов заглянул в кладовую — кругом пусто.

— Не может этого быть, куда же могли деваться продукты? — возмущался Соколов. Он знал, что только вчера получили их для столовой со склада.

Один из бойцов обнаружил вход в подвал.

— Веди, — приказал политрук.

Солдаты цепочкой спустились по лестнице вниз. Подвал оказался просторным, с целым лабиринтом. Освещая дорогу спичками, солдаты разбрелись в разные стороны.

— Сюда, сюда! — раздался из темноты чей-то голос.

В одном из отсеков стоял красноармеец с винтовкой.

Мерцающий огонек спички выхватил из темноты двух женщин в белых передниках с наколками на голове; они сидели в углу, тесно прижавшись друг к другу. Рядом тускло блестел огонек рации. Видонов понял, почему столовая осталась невредимой и кто направлял огонь гитлеровских батарей.

— Кто вы такие, как вы сюда попали? — спросил он.

Молчание. Женщины опустили глаза и еще больше прижались в угол.

— Откуда рация? С кем держите связь?

— Да встаньте же и отвечайте, когда вас спрашивают, — вмешался в разговор один из солдат.

Женщины встали.

— Товарищ политрук, посмотрите, здесь буквы-то вроде не наши, — проговорил один из бойцов.

Видонов присел на корточки. На передатчике стояла марка немецкой фирмы.

— С немцами держали связь? — крикнул Видонов.

Шпионки вздрогнули. Все больше прижимаясь в угол, они молчали. Казалось, что страх лишил их дара речи.

В офицерской столовой всегда обращали на себя внимание две официантки. На работе они обе были предупредительно-вежливы. Улыбкой, веселой шуткой они старались вызвать к себе симпатии. И кто знает, может не один молодой офицер вздыхал о них.

Шпионки по-прежнему молчали.

— Расстрелять их, — послышался из темноты чей-то голос.

— Расстрелять! — эхом отозвались солдаты.

В этот день немцы предпринимали еще несколько атак на крепость. К вечеру канонада со стороны Бреста становилась

все глуше и глуше. Защитники крепости поняли, что они окружены.

Угольно-черная тьма ночи об'яла крепость, погасила блеск реки. Ежеминутно взвивались ракеты. Рассыпаясь высоко в небе на мелкие искорки и ярко освещая берега, ракеты падали в реку.

В крепости начали убирать раненых. В подвале организовали лазарет. Командиры собирали своих бойцов, формировали новые отряды.

Ночь не принесла желаемого отдыха. Немцы решили изматывать силы защитников, не давая им покоя ни ночью, ни днем. В крепости непрерывно рвались снаряды. За рекой щелкали винтовочные выстрелы, строчила пулеметная очередь.

Коммунисты крепости собрались на партийное собрание. Сюда пришли и многие беспартийные. Большинство из них этой ночью вступило в партию. Собравшиеся единодушно решили защищаться до последнего патрона, до последней капли крови. Закончилось собрание. Все разошлись по своим местам. В отсеке наступила тишина.

В подвале было темно. С непривычки темнота угнетала, стало тяжело дышать. Видонов вышел наверх, вздохнул полной грудью.

Вспышки ракет освещали берег, исковерканный снарядами. На территории крепости валялись вырванные с корнем деревья. Лишь в центре площади высился огромный дуб.

Взгляд Видонова задержался на нем. При вспышке ракет хорошо был виден изрешеченный ствол его, обломанные ветки. Ни артиллерийская канонада, ни бешеные бомбежки не смогли его сломать. «Так вот стоит и наша крепость» — подумал Видонов. И еще ему вспомнился красноармеец, выступивший на партийном собрании: «Если я погибну, защищая Родину, то знайте, я был коммунистом», — сказал он.

Забрезжил рассвет. Туманная дымка долго висела над землей. Казалось, она умышленно сдерживает наступление дня. На горизонте пламенело зарево. Потом как-то сразу солнце шагнуло широким шагом и замерло над землей, как бы не решаясь подняться выше.

С наступлением рассвета раздался артиллерийский залп. С диким воем снаряды, разрезая воздух, обрушились на крепость. В небо взвились огромные столбы земли. Все кругом погрузилось во мрак. Даже солнце, так ярко вспыхнувшее рас-

светными лучами, потускнело. От взрывов стоял сплошной гул.

На непокорных защитников крепости сыпался град снарядов. Но и этого немцам показалось мало. В небе появились бомбардировщики. Гитлеровцы решили стереть крепость с лица земли. Приказ фюрера взять крепость в первый день войны не выполнен. Значит, должно быть сделано это сегодня. Крепость во что бы то ни стало должна быть взята.

Лишь затихла артиллерийская канонада, немцы бросились в атаку. Они считали, что на острове не то чтобы живого человека, даже места, куда бы не попал снаряд, не осталось. Однако они ошиблись. Из развалин один за другим стали показываться советские солдаты.

Видонов выбрался из подвала. Скрываясь за развалинами, зарядил винтовку. Рядом появился Александр Соколов.

— Ползут гады, — прошептал Видонов, кивком головы показывая в сторону Буга.

Там, часто падая, пригибаясь к земле, лавиной ползли немцы. Они хотя и считали, что крепости больше не существует, однако идти во весь рост не решались.

— Ура! — многоголосо прогремело над крепостью. Как на пружине, подскочил Видонов. Перескакивая через груды кирпича, побежал к Бугу.

Из развалин крепости высыпали красноармейцы. Немцы залегли. Затрещали винтовочные выстрелы, застрекотал пулемет. Однако это не смогло остановить бесстрашных защитников крепости. Они стремительно бежали в атаку, рассеивая ряды врагов.

Видонов запнулся, взмахнул руками и полетел в воронку, над головой просвистели пули. Счастливая случайность спасла его от неминуемой смерти. Обдирая в кровь руки, Видонов выкарабкался по откосу и снова скатился вниз. Через несколько минут ему, наконец, удалось вылезть из воронки.

Немцы, теснимые красноармейцами, сгрудились у моста. Каждый из них хотел первым проскочить на ту сторону. Откуда-то из-за казармы выскочил танк. На башне ярко горели пятиконечные звезды. Пушка и пулеметы изрыгали пламя.

Один из гитлеровцев торопливо связывал несколько гранат. Видонов остановился, приложил винтовку к плечу. На мушке появился мундир мышиного цвета, перекосившееся от злобы лицо. Видонов выстрелил. Гитлеровец взмахнул

руками и рухнул на землю. В ту же минуту под ним взорвались гранаты.

Но вот под танк попала бутылка с горючим. Стальная машина вспыхнула. Танк на минуту остановился. Все считали, что оттуда выскочат танкисты. Но этого не случилось. Герои-водители стремительно повели горящую машину к мосту. Фашисты заметались в разные стороны, сбивая друг друга с ног. Танк врезался в толпу гитлеровцев. Подминая под гусеницы немецких солдат, отфыркиваясь пулеметным огнем, он утюжил землю вдоль и поперек до тех пор, пока не взорвался. Для всех, кто видел это, взрыв прозвучал как салют в честь погибших храбрецов. Дорого отдали свою жизнь неизвестные герои-танкисты, бессмертные защитники крепости.

Немцы в панике отступили. Среди пленных оказался подполковник немецкой разведывательной службы. От него были получены важные стратегические данные.

Полковой комиссар Фомин приказал заместителю политрука Матевосьяну взять бронемашину, несколько солдат и доставить сведения в штаб дивизии. Но ни в одни ворота выехать им не удалось: защитники крепости были окружены, отрезаны от действующей армии.

VI.

На острове снова начали рваться снаряды. Все чаще и чаще в небо взлетали столбы земли. Немецкие бомбардировщики черной тучей заволокли небо. За грохотом взрывов не было слышно гула самолетов. В крепости все клокотало, как в огромном котле.

Защитники крепости переживали бомбардировку в подвале.

— Немцы в крепости! — раздался чей-то голос.

Видонов осторожно пробрался к окну и выглянул во двор. Там были гитлеровцы. Они считали, что приказ фюрера выполнен — крепость взята.

Вдруг со стороны Белого дворца застрочил пулемет.

— Наш «Максим», за Родину! Ура! — крикнул Видонов и выскочил из подвала.

Несколько бойцов обогнали Видонова. Стреляя на ходу, он побежал быстрее. Выстрелы гремели со всех сторон и уже трудно было определить, где стреляют свои, а где враги. Под дружным натиском бойцов немцы вынуждены были отступить, потеряв много убитыми и ранеными.

Немцы поняли, что крепость штурмом не взять. Тогда они решили действовать по-другому. На той стороне реки

они установили мощные репродукторы и организовали провокационные передачи.

«Красная Армия разбита полностью,—неслось из репродукторов. — Ваше сопротивление бесполезно. Сдавайтесь!».

— Врете, гады, советские люди не сдаются.

В ответ на фашистскую ложь над Восточным фортом появился огромный плакат. На брезенте кровью было написано: «Умрем, но не сдадимся!»

По немецкому гарнизону был дан приказ окружить крепость и не давать никому возможности проникнуть с острова, подойти к воде. Последнее было, пожалуй, самым страшным. Вода была на исходе, и люди изнемогали от жажды.

Артиллерийский обстрел прекратился задолго до наступления ночи. На крепость лишь изредка падали снаряды да с той стороны реки сухо потрескивали автоматные очереди.

Осторожно переступая через раненых, Видонов пробирался к командирскому отсеку. В небольшой комнате тускло горел небольшой огарок свечи. Командиры обсуждали создавшееся положение.

В ту же ночь была установлена телефонная связь с Белым дворцом. За развалинами казармы артиллеристы поставили чудом уцелевшие две пушки. Ночь прошла в подготовке к бою. Свои боеприпасы были на исходе, поэтому большинство защитников крепости вооружилось немецкими.

Немцы настойчиво пытались овладеть крепостью. Первые два дня показали, что штурмом крепость им не взять, тогда они попытались разгромить гарнизон артиллерией и с самолетов.

Особенно много неприятностей доставили гитлеровцам в этот день наши артиллеристы. Две пушки защитников крепости были замаскированы так, что немцам никак не удалось их обнаружить, и хотя по всей крепости свистели осколки и пули, артиллеристы казались неуязвимыми.

Секрет заключался в следующем. Выбрав удобный момент, артиллеристы выскакивали из окон подвала (пушки стояли рядом) и прямой наводкой били по немцам. Эта дерзость приводила гитлеровцев в бешенство. Они с каждой минутой усиливали обстрел.

К обеду артиллерийская канонада прекратилась, и немцы снова пошли в атаку. Им удалось захватить бездействующую уже электростанцию.

— В атаку, ура! — прогремел голос лейтенанта Санина.

Из подвала один за другим выскакивали красноармейцы и, стреляя на ходу, устремлялись к реке. Завязался бой.

Разбитая электростанция несколько раз переходила из рук в руки. Однако закрепиться на этом берегу немцам не удалось.

На пятую ночь решено было прорваться из окружения группами. Небольшую группу собрал и Видонов. Попрошавшись с товарищами, разошлись. Кто знает, что их ждет впереди — свобода, плен или смерть.

Под темным покровом ночи группа Видонова пробиралась к железнодорожному мосту. Ползли осторожно, прислушиваясь к каждому шороху. Немецкие часовые, чтобы не уснуть, изредка постреливали по крепости. Осталось преодолеть метров двести—триста ровного пространства, затем вплавь через реку. У кого-то звякнул автомат, и в то же время в небо взвились ракеты. С противоположной стороны бешено застрочили автоматы. Какой-то немец бросил гранату. Она взорвалась в реке, подняв фонтаны брызг.

Было ясно: прорваться незаметно не удастся. Пришлось отступить к казармам. Вспокоившиеся немцы не прекращали стрельбу ни на одну минуту. За каждым кустом им мерещились красноармейцы.

VII.

Утро шестого дня началось как обычно. Защитники Брестской крепости до тонкостей изучили повадки фашистов. С первыми лучами солнца они начинали артиллерийский обстрел. Затем обстрел прекращался, и немцы шли в атаку. Теряя раненых и убитых, они бежали затем обратно и снова начинали осадить крепость снарядами.

Но в этот день заведенный порядок был нарушен. Надолго затянулся обстрел. Защитники крепости еще и еще раз проверяли оружие, готовились к встрече врагов.

Немцы предложили ультиматум защитникам крепости: «Сопrotивление ваше бесполезно, — неслоь из репродуктора. — Красная Армия разбита. Доблестные войска фюрера захватили весь Советский Союз. Кто хочет спасти свою жизнь, сдавайтесь. Выходите по направлению к Южным воротам. За госпиталем на шоссе складывайте оружие и сдавайтесь. Вам будет гарантирована жизнь!»

— Видишь, чего захотели, гады! — говорили бойцы.

За эти напряженные дни ряды гарнизона заметно поредели.

В это время откуда-то появился начальник химической службы старший лейтенант Потапов. В гарнизоне его считали почему-то нестроевым.

— Надо воспользоваться предложением немцев.

Видонов заметил, как посуровели вдруг лица красноармейцев. Некоторые зло посмотрели на Потапова.

— Смерть предателю! — крикнул один из солдат, и несколько винтовок и автоматов уставились на Потапова.

Потапов не шелохнулся.

— Вы сначала послушайте мое предложение, а потом можете и расстрелять. Условия, которые предлагают нам гитлеровцы, совпадают с нашими интересами. Вспомните, сколько раз наши товарищи пытались вырваться из окружения через Южные ворота. Возможно, это теперь удастся. До госпиталя мы наверняка дойдем без боя. А там, вместо того, чтобы складывать оружие, бросимся в атаку. Что будет дальше, увидим.

Солдаты молча выслушали Потапова. Почти все согласились: он говорит справедливо, однако у некоторых закрадывалось сомнение — нет ли здесь предательства?

— Кто хочет идти со мной, собирайтесь, — предложил Потапов. — После обеда выступим. Берите побольше патронов.

Видонов некоторое время колебался в выборе решения. Затем, оценив сложившуюся обстановку, пришел к выводу, что Потапов, пожалуй, прав. Возможно, им удастся прорваться, и они еще помогут Советской Армии громить врага.

В подвале собралось человек 25—30, желающих пойти с Потаповым. Среди них был и Видонов.

— Когда будем подходить к госпиталю, — продолжал Потапов излагать свой план, — внимательно присматривайтесь к каждому кусту, чтобы после того, как раздастся «ура», бить наверняка.

Провожаемая прощальными взглядами товарищей, группа красноармейцев направилась к Южным воротам. Кругом стояла мертвая тишина. Немцы прекратили стрельбу, ожидая воздействия своей радиопропаганды. Подняв руки с автоматами вверх, красноармейцы приближались к госпиталю. Всматривались в каждый кустик. Кое-где, прижавшись к земле, лежали гитлеровцы. Они держали наготове автоматы, винтовки. Малейшее замешательство среди красноармейцев могло погубить всю операцию.

Группа обогнула госпиталь и вышла на шоссе. Остановились: дальше идти не разрешалось. Здесь надо было складывать оружие.

— В атаку, ура! — прозвучал голос старшего лейтенанта Потапова.

Немцы от неожиданности растерялись. Отстреливаясь, они бросились бежать.

Засада немцев была сломлена, и красноармейцы устремились к Южным воротам. Но, оказывается, гитлеровцы возле госпиталя поставили три заградительные линии.

Услышав стрельбу, второй заградительный пост бросился в атаку. На группу смельчаков обрушилась лавина немцев. Красноармейцы вынуждены были отступить в крепость.

В ответ на храбрую вылазку защитников крепости гитлеровцы начали усиленную бомбежку. Одна группа вражеских самолетов сменяла другую, беспрестанно осыпая крепость бомбами.

Седьмой день войны был последним днем пребывания Видонова в крепости.

Видонов сидел в подвале. Его лицо почернело. За эти дни он ни разу не умывался. Вода кончилась на второй день войны, а к реке немцы не подпускали. Находились смельчаки, которые все-таки умудрялись ночью спознать к реке, принести воды для раненых и больных.

Каждый здоровый, если так можно было назвать защитников крепости, изнуренных за неделю голодом и жаждой, должен был добывать себе воду сам.

Неспокойные мысли тревожили Видонова. Он видел, как изнемогали люди от недостатка пищи, воды. Еще больше тревожила неизвестность.

— У меня предложение, Василий Иванович, — заметил подошедший к нему парторг второго батальона Белозеров. — Не известно, что нас ожидает дальше. Понятно одно — вырваться из крепости нам не удастся. Силы наши иссякают с каждым днем. Гитлеровцы могут захватить крепость. Надо уничтожить партийные и комсомольские документы.

Чтобы попасть в партком, надо было подняться на второй этаж. А немцы ловили каждую фигуру в бинокль. Видонов, не задумываясь, согласился. На втором этаже вместо окон зияли пустые проемы, в стенах от прямых попаданий образовались рваные отверстия.

Дверь кабинета особого отдела была заперта. Несколько ударов прикладом, и замок сорван. В комнате трудно было что-либо найти. Окно разбито, в стене огромная пробоина. Все было смешано грудами кирпича, штукатурки.

Но в комнате, где размещалось партийное бюро, все со-

хранилось в целости. Видонов и Белозеров старательно собирали документы и бросали их в огонь.

В это время немцы пошли в атаку. Все ближе и ближе слышались выстрелы, стрекотали пулеметы и автоматы. Вот они уже слышны во дворе казармы. Нужно торопиться.

Когда все было сожжено и нигде не осталось ни одной бумажки, Видонов и Белозеров устремились вниз. На первом этаже, резко повернув за угол, Видонов наткнулся на штык немецкой винтовки. Гитлеровцы схватили его и потащили во двор.

VIII.

Во дворе, окруженные немцами, стояли пленные красноармейцы. Видонова грубо втолкнули в толпу. В первые минуты он не мог осознать случившегося.

Безоружные, оборванные, грязные стояли защитники крепости перед вооруженными до зубов гитлеровцами. Но и сейчас фашисты боялись брестских героев. Они окружили пленных усиленным конвоем, установили перед ними пулемет.

Из подвала время от времени доносились винтовочные выстрелы. Каждый из них больно отзывался в сердцах красноармейцев. Они знали, что там немцы расстреливают их раненых товарищей.

Видонов стоял, прислонившись к стене. На душе было тяжело. Он сжал кулаки, до боли закусил губы.

— Коммунисты, комиссары, пограничники, артиллеристы и евреи, выходите из строя, — прокартавил один из немцев на ломаном русском языке. Среди пленных стояла мертвая тишина.

Глаза, слух всех были устремлены к крепости, туда, где сражались товарищи. Нет большей муки для советского человека, когда знаешь, чувствуешь, что твой товарищ в беде, может быть, расстреливает последние патроны, отбиваясь от наседавших врагов, а ты ничем не можешь ему помочь.

Подходили еще небольшие группы пленных. Над колонной через равные промежутки взвивались ракеты. Вспыхивая ярким пламенем, они освещали обросшие лица, покрасневшие от бессоницы глаза солдат. Зловеще шипя, ракета последний раз вспыхнула и потухла.

— В атаку! — раздался в этот миг голос заместителя политрука Молчанова.

Казалось, все только и ожидали этого клича. Безоружные пленные бросились на конвойных. Раздались крики, загреме-

ли выстрелы. В наступившей темноте трудно было разобрать, где свои, где немцы. Видонов бросился бежать, как ему казалось, по направлению к крепости. То и дело запинался он о трупы, ветки больно хлестали по лицу, обдирая его в кровь. Долго бежал Видонов, не зная куда. Вдруг земля под ногами провалилась, и Видонов упал в окоп.

Там пролежал он несколько минут, прислушиваясь, откуда идет бой. Почувствовал страшную усталость. Глаза было больно открыть. Невозможно шевельнуть ни рукой, ни ногой, Семь бессонных ночей, проведенных в крепости, сделали свое дело.

Проснулся он от резкого крика. И быстро вскочил на ноги. Держа наготове винтовку, над ним стоял немецкий солдат. Теплый солнечный луч поблескивал на лезвии штыка. Это был плен.

От автора:

Василий Иванович Видонов, механик-контролер Бачатской МТС Кемеровской области, оборвал на этом свой рассказ. Видно, что ему не хочется говорить о кошмарных годах плена, о попытках бежать из него. Слишком тяжелы эти воспоминания!

— В 1945 году, когда наши войска подступили к Берлину, — говорит Видонов, — немцы погнали нас, пленных, на север. И двигались мы в большинстве случаев ночью. Во время одного из налетов наших самолетов я и несколько товарищей бежали. Скрывались мы шесть дней. Затем попали к англичанам, а те уже передали нас русским...

Он подошел к этажерке и взял с нее красивую резную шка-тулку с надписью: «Защитнику Брестской крепости от пионеров города Прокопьевска». Здесь Видонов хранит письма своих боевых друзей, участников великой битвы в крепости над Бугом.

Г. ЗАХАРЧЕНКО,
сталевар.

У МАРТЕНА

В нашей семье все моряками были. А я вот стал сталеваром. И не жалею. С первого же дня свою профессию на всю жизнь полюбил.

Работал я сначала в Юзовке (теперь Сталино). В 1929 г. приехал к нам на завод нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. Собрал он нас и долго по душам беседовал. «Немного вам, товарищи, осталось работать на этих старых печах, — говорил он. — Они нам пока нужны для того, чтобы давать металл для постройки новых, первоклассных мартенов. Тогда и вам, друзья, легче станет. А этих «стариков» мы с вами тогда похороним, да еще проводы устроим торжественные».

В 1933 году долгожданный праздник настал. Старые «Юзы» разобрали. Это событие было отмечено, как и обещал товарищ Серго, торжественным вечером.

А вскоре после этого вечера мне и другим сталеварам предложили поехать на работу в Сибирь, на Кузнецкий металлургический комбинат.

Я стал работать первым подручным сталевара. Печи были новые, механизированные. То, что на старых мартенах вручную делать приходилось, здесь на мощные механизмы переложили.

В 1935 году меня перевели в сталевары. Не все шло гладко первое время. Не хватало знаний, практики для работы на новых печах. Чуть превысишь температуру, динас в печах плавится.

Многое зависело от температурного режима, от порядка завалки печей. Когда я начал работать, строительством мартенов руководил американец. Ему дано было право консультировать нас, эксплуатационников, по всем вопросам режима работы на печах. Долго мы соблюдали его инструкции, да получалось плохо. Часто случались взрывы, реакции, от которых мартены выходили из строя, площадку заливало горячим шлаком.

Со временем я понял, что инструкция американца не годится, и решил попробовать вести плавку по-своему. В 1936 году в одну из ночных смен я проделал такой опыт. Вместо завалки сразу, как это делалось до сих пор, я произвел завалку послойно, с прогревом. Коксовый газ по американской инструкции во время заливки чугуна полагалось выключать, а я не выключил.

В 7 часов утра застал меня начальник цеха за этой необыкновенной плавкой. Зашел в пульт управления, все заметил. Ну, думаю, попадет мне. А он подошел, да и спрашивает: «Не боишься?» «Нет, — говорю, — не боюсь, думаю, что лучше получится». Начальник и сам понимал, что не все у нас ладно с американской инструкцией.

И правда, плавка так хорошо получилась, что я не ожидал. Площадку шлаком не заливало, время плавки сократилось.

Так, постепенно, мы стали вырабатывать свою инструкцию, свою технологию.

За два десятилетия, которые я на комбинате проработал, в несколько раз сократилось время плавки, мы увеличили и количество плавков между ремонтами мартена. Да и с'ем стали с одного квадратного метра пода печи возрос.

Вспоминая свою трудовую жизнь, я хочу сказать молодежи: вам, друзья, сменившим нас, стариков, на производстве, сейчас значительно легче. Знаний у вас больше, жизнь лучше стала. Но с вас и спрос больше. Трудитесь не покладая рук, любите свою профессию, где бы вы ни работали.

И еще я так думаю. Мы строим коммунизм. За него боролись в подполье большевики, за него они на баррикадах кровь проливали. Нам, рабочим 30-х годов, они вроде как почетную эстафету передали, и мы ее дальше понесли. Создавали социалистическую промышленность, осваивали новые заводы.

Теперь мое поколение уж стариться начинает. Вот и я пенсионер. На моем месте молодые работают. Так считайте же себя преемниками этой великой эстафеты, товарищи, работайте изо всех сил во имя коммунизма.

И. ЛЮЛЕНКОВ,
инженер.

И ТРУДНО, И РАДОСТНО БЫВАЛО...

В 1937 году Кузнецкий завод набрал полную проектную мощность. Трудностей было немало. Одна из главных — недостаток деталей для механического оборудования.

Вот нажимные винты стана «1100», они настолько сработались, что не позволяли разводить валки до необходимого предела, и с каждой неделей этот предел все сокращался.

Самый короткий срок поступления деталей для станка — четыре месяца, а продержаться на действующих винтах можно было не более двадцати дней.

Как быть?

Решение напрашивалось одно: немедленно наладить производство деталей на месте.

Был в это время на заводе человек, который мог бы нас выручить. Это токарь Казачков, отличный мастер своего дела. Все работы, связанные с винтовыми нарезками, поручались только ему. За это он пользовался особой привилегией: получал по два отпуска в год и к каждому отпуску — денежную премию.

Зазнался токарь от такого внимания. Обучать молодых рабочих? Передать свой опыт? Да ни за что! Пусть «доходят» своим умом.

Я, как главный механик, пытался объяснить Казачкову положение на блюминге, предложил ему взять помощников и руководить обработкой нажимных винтов и гаек.

— Не надо мне никого. Тасячу рублей на кон, и гайки будут. А насчет винтов... Это нужно подумать, об этом поговорим отдельно.

Такое рвачество возмутило меня. Пошел я к молодым токарям, рассказал им в чем дело.

— Вы что, смеетесь? — заявили они. — Мы еле-еле справляемся с простыми работами, а тут нажимные винты!

Положение становилось, действительно, безвыходным, но

остановить обжимный цех — значит остановить всю прокатную линию. Это невозможно!

Пригласил я для разговора по душам трех молодых рабочих с четвертого станка, комсомольцев Филиппова, Пучкова и Саковича. Удивились ребята.

— Что вы, товарищ главный механик, вон какие специалисты — и то не берутся...

— Давайте все же возьмемся и утрем нос «большим специалистам».

— Пусть хотя бы чуток покажут, а мы понаблюдаем...

Но наблюдать было некогда, и ребята в конце-концов это поняли, согласились. По всему заводу прошла молва, что нашлись смельчаки, готовые поспорить с Казачковым. Все стали на сторону комсомольцев. Мартеновцы сварили для них хорошую сталь. Много хлопот приняли и мастера в кузнечном отделении. Ведь впервые пришлось иметь дело с такой деталью, еще не было для нее приспособлений, не было опыта и по ее нагреву.

Наконец, заготовка поступила на механическую обработку. И вот настала очередь основной операции — нарезки винтов.

— Настраивайте станок, — сказал я Филиппову, — через полчаса начнем.

Около станка незаметно собралась большая группа рабочих, мастеров, руководителей. На лице Филиппова выступили крупные капли пота. Видно было: волнуется парень.

— Пойдет... жми, товарищ Филиппов! — шумели кругом.

Целые сутки не выходили из цеха Филиппов, Сакович, Пучков, помогая друг другу. Черновая обработка первого конца заканчивалась.

А Казачков шептал по углам:

— Еще не все. Посмотрим, как дальше вывернетесь!

И ведь провалился Казачков со своим секретом, провалился. А комсомольцы победили!

Я им говорю:

— Что же вы боялись, а?

Свою радость комсомольцы решили разделить со всем коллективом в годовщину Великой Октябрьской революции.

Ночами, в секрете ото всех, они соорудили макет нажимного винта и в девять часов утра принесли его на площадь Побед.

— Что же это вы? — говорю я. — Такие винты сделали в натуре, а макет на что похож? Брак ведь...

— Как это брак? Непонятно что-то, товарищ Люленков...

— Да пошутил я, ребята, — успокоил я их. — Несите вперед свое гордое дело!

Когда мимо трибуны на поднятых руках комсомольцев поплыл макет нажимного винта, гром рукоплесканий, оглушительное «ура» прокатились над площадью, над знаменами.

А. ГЕЛАСИМОВА.

ПАМЯТНЫЕ ДНИ

Шел 1918 год. Вся Сибирь была в руках белых, а остатки сибирской Красной гвардии отступали на Дальний Восток, в Амурскую область. 25 августа в Хабаровске собрался 5-й Чрезвычайный с'езд Советов Дальневосточного края. На с'езд собралось более трехсот делегатов от местных Советов и фронтовых частей.

С'езд обратился к народам всего мира с декларацией, в которой говорилось о злодеяниях, творимых на русской земле войсками Японии, Америки, Англии, Франции и других империалистических государств. С'езд требовал наказать виновников, немедленно отозвать оккупационные войска.

«Ни одной пяди своей социалистической родины не уступим без боя, — говорилось в декларации с'езда. — Если же под напором огромных вражеских сил мы должны будем отойти от теперь занятых нами позиций, то сделаем это в последнюю минуту... для того, чтобы, собравшись со свежими силами, вновь ринуться на обнаглевших врагов».

Закрылся с'езд 28 августа.

В ночь с 28 на 29 августа при Дальсовнаркоме состоялось совещание руководящих партийных и советских работников. Совещание приняло решение — отвести и лучшие части Красной Армии и отряды Красной гвардии в Амурскую область и организовать новый фронт в Зейском Горном округе.

Было также принято решение раздать оружие из интендантских складов рабочим и крестьянам для использования его в будущей партизанской борьбе в тылу врага, расширить сеть баз партизанской борьбы, куда завезти оружие, продовольствие, медикаменты и обмундирование.

Павел Петрович Постышев, присутствовавший на совещании как член Центросибири, внес предложение: рекомендовать большевикам-дальневосточникам выехать в Сибирь для нелегальной работы и организации партизанской борьбы.

Когда остатки Красной гвардии потерпели поражение на Зее, Дальсовнарком был распущен, члены его ушли в тайгу

на нелегальное положение. Я в целях конспирации уехала в глухую таежную деревню Марковка-Дворцы Овсянковской области Зейского Горного округа, где стала работать учительницей. Здесь же меня назначили заведующей базой партизанской борьбы.

Но долгое время оставаться в Зейском округе было нельзя. Контрреволюция неистовствовала. По трактам через каждые десять километров были выставлены заставы, обыскивался всякий, кто проходил или проезжал. Крестьяне не могли работать на своих полях, для поездки за сеном и дровами требовался пропуск с японским штампом. Фотокарточки большевиков висели на каждой заставе. Многие товарищи погибли от рук японских интервентов.

Меня в октябре уволили с работы по подозрению в большевизме. Японцы все чаще и чаще стали появляться в Марковке, заходить в школу с обысками. В любой момент можно было ждать ареста и расправы. Я, как и большинство активных советских работников Дальневосточного края, была объявлена командованием японских оккупационных войск вне закона.

На одном из совещаний у меня в школе решили пробираться в Сибирь. Местом сбора был намечен Томск. Мой муж, Пантелеймон Филиппович Федорец, брат Александр Николаевич Геласимов и я с годовалой дочуркой Ниной выехали из Марковки-Дворцы во второй половине ноября 1918 года.

Путь был очень опасным. Вез нас до станции под видом извозчика старый рабочий-горняк, большевик Федор Попов. Мы выдавали себя за приискателей с Зейских золотых приисков. Муж имел паспорт на имя Павла Николаевича Бондаренко, брат — на имя Юрченко. Для меня паспорта подобрать не могли, и я ехала с метрической выпиской, как девица с незаконнорожденным ребенком. На станции простились с Поповым и сели в поезд, идущий на запад. Вчетвером заняли угол на верхней полке теплушки. У нас был мешок с продуктами, чемодан и корзинка с вещами. В чемодане под вторым дном я спрятала документы, среди детского белья положила красное шелковое знамя Дальсовнаркома, на котором было написано позументом: «За власть Советов». Хотя позумент и кисти я споролла и разгладила шелк, слова остались заметными. Знамя было для меня священным. Я везла его с надеждой, что с ним мы пойдем на борьбу против интервентов. В одну из буханок хлеба я запекла свой маленький браунинг. Патроны сунула в перо подушки.

Не раз по дороге смерть близко проходила мимо нас, часто казалось, что ее дыхание слышалось за плечами. В Чите семеновцы устроили повальный обыск, сняли много пассажиров. Расправа была коротка. Несчастных выводили из вагонов и на глазах у всех рубили шашками и добивали выстрелами из револьверов.

Когда очередь дошла до нашей теплушки, надвигался вечер. Посредине у входной двери горела в фонаре одинокая свечка. Полки тонули в темноте. У обеих дверей, внутри и снаружи, стояла охрана. Офицер в форме хорунжего Забайкальского казачьего войска остановился под свечой, нетерпеливо похлопывая плетью по голенищам своих сапог. Чемоданы, узлы котомки пассажиров казаки сбрасывали с полок, вытряхивали содержимое у ног офицера и бесцеремонно рылись в вещах.

Я вся оцепенела от тревоги.

Усатый вахмистр уже лез к нашим вещам. Я на руках с ребенком спустилась на край полки. Офицер поглядел на меня, на ребенка и, распиная чьи-то вещи, пошел к выходу.

Не верилось еще, что опасность миновала.

Обыски, которые делали колчаковцы на других больших станциях, сошли удачно. Никого не сняли.

На одной из станций к нам в теплушку влез старик, назвавший себя Прохором. Он посоветовал нам поехать в Кольчугино и дал адрес, где остановиться.

Под вечер 8 декабря мы сошли на станции Кольчугино и, не спрашивая никого, быстро по приметам нашли указанный Прохором домик.

Хозяйка накормила нас горячей картошкой, посоветовала, к кому обратиться на шахтах за получением работы. Рассказала о порядках в поселке.

На другой день Пан (мой муж Пантелеймон) и Саша пошли на рудник наниматься на работу. Вернулись радостные, довольные: оба устроились шахтерами. С пропиской у них тоже все сошло благополучно.

На четвертый день нашего пребывания в Кольчугине вечером к нам зашел милиционер и поинтересовался, почему я не даю документов на прописку и кем приходится мне Бондаренко и Юрченко.

Разговор с милиционером принял неприятный характер.

Вечером мы втроем обсудили создавшееся положение. Ясно было, что мне в Кольчугине оставаться нельзя. Узаконить наш брак с Паном венчанием не решались, боясь вызвать подозрение. Решили, что мне лучше уехать в деревню

учительствовать. Свидетельство об учительском звании у меня было.

Оставив Нину и обоих мужчин на попечение хозяйки, я 12 декабря выехала в Щегловск.

Разыскала Щеглова, адрес которого мне дала хозяйка, и на другой день пошла устраиваться на работу.

Отдел народного образования Щегловского уезда помещался в земской управе. Шла с сильно бьющимся сердцем, боялась — начнут придирааться, расспрашивать, почему бросила работу на Дальнем Востоке среди учебного года, спросят паспорт. Но опасения оказались напрасными, все обошлось благополучно.

В отделе народного образования меня встретила женщина средних лет. Когда я отрекомендовалась ей учительницей и сказала о цели моего прихода, она очень заинтересовалась, приветливо заговорила со мной. Это была заведующая отделом Цеброва. Даже не посмотрев моих документов, она подвела меня к карте Томской губернии, висевшей на стене, и стала показывать, в каких школах есть вакантные места.

Взглянув на карту, я выбрала Березовку. Деревушка была расположена ближе к Кольчугино, река Томь в районе Березовки делала извилину и уходила в тайгу. А для меня тайга означала партизанские отряды, с которыми мы мечтали связаться.

С удостоверением на имя учительницы и заведующей Березовской сельской школой я вышла из отдела народного образования. В этот же день я села в поезд и уехала в Кольчугино.

На работу поехала с ребенком. Провожал меня муж в надежде, что ему тоже удастся устроиться в деревне. Саша остался в Кольчугине, чтобы связаться с большевиками подполья.

Ночью 16 декабря мы были в Березовке, а 17 я побывала у старосты, договорились об открытии школы, о помещении, о ремонте парт, сваленных в общественный сарай несколько лет назад.

Составляя списки детей школьного возраста, я побывала в каждой крестьянской избе и познакомилась с населением.

Поселились мы в семье Ефима Ананьева. Нам отвели отдельную комнату. Хозяева оставили нам кровать, стол, две скамьи, два табурета и часы-ходики.

Питались порвое время скудно и однообразно: хлеб, картошка, пшенная каша и кипяток без сахара.

Здоровье мое, подорванное туберкулезом, напряженной жизнью в Хабаровске, когда, преподавая в школе, я вела работу в Союзе учителей, в городском Совете и Дальсовнаркоме, имея крохотного ребенка, за последние месяцы ухудшилось. Наступил такой упадок сил, что я с трудом вела работу в школе.

Работа была нелегкая. Школа помещалась в небольшой крестьянской избе-четырёхстенке. Дети раздевались в классе, тут же проводили перемены. В школу пришли 67 учеников. За каждой партой сидело по три человека. Состав учеников был неодинаковым по возрасту и знаниям. Не хватало книг. В отделе народного образования мне выдали 10 букварей, 5 книг для чтения и 4 «Грамматики». На всю школу было только 9 задачников. Наглядных пособий, тетрадей и бумаги не было. Писать поэтому приходилось на деревянных гладко выструганных дощечках. «Стирали» неправильно написанное осколком стекла.

Несмотря на трудности в работе, занятия шли хорошо. С детьми дружба наладилась с первых же дней. Изголодавшись по книгам, они с большим рвением взялись за учение. Работала я с большим удовольствием.

Но вот я получила приглашение приехать на съезд учителей в город Щегловск. Нельзя было упустить такой прекрасный случай познакомиться с учителями. Я надеялась встретить и своих людей.

29 декабря приехала в Щегловск.

Заведующая отделом народного образования приветливо поздоровалась со мной, принялась расспрашивать об условиях работы и о первых днях занятий. Воспользовавшись дружеским тоном Цебровой, я выпросила у нее еще несколько учебников, букварей и спросила между делом о возможности назначения в Березовку второго учителя. Необходимо было устроить на работу моего мужа, жившего под фамилией Бондаренко. Цеброва согласилась и просила прислать его в отдел.

Вечером познакомилась с местными учительницами. Среди них я вновь почувствовала себя живым человеком. Страсть агитатора-пропагандиста проснулась во мне. Я сдерживала себя, стараясь как можно меньше говорить, больше слушать, но иногда спрашивала, задавала наводящие вопросы.

Первым на съезде был доклад о положении в Сибири. Кто его делал — не помню. Докладчик так раздражал меня лживой болтовней о «демократии», о «законности», восхва-

лением Колчака, что мне стоило больших усилий сдержаться.

Охотников выступать по докладу среди учителей не нашлось. Говорил только Колесников — член земской управы — и еще кто-то из земства.

Вечером 30 декабря был доклад об организации учительского союза и его устава.

Доклад был беззубый, аполитичный, и я выступила с поправками. Знала, что не следовало выступать, но характер взял свое. Я была молода и имела мало опыта в вопросах конспирации.

На следующее утро незнакомая женщина сунула мне кушочек бумаги, свернутый в трубочку. Там было написано: «Вы знаете слишком много для сельской учительницы и поэтому лучше не выступайте и не говорите ни с кем откровенно. На с'езде есть провокаторы, Вас уже взяли на подозрение. Лучше будет, если Вы уедете со с'езда. Записку уничтожьте».

Я не на шутку встревожилась. Сидела на с'езде, терзаемая беспокойством.

Обсуждали и принимали устав по пунктам. После перерыва должны были состояться выборы правления союза. Новые друзья по общежитию просили меня дать согласие войти в него. Свой отказ я мотивировала незнанием людей, района, а также отдаленностью школы от Щегловска.

Во время перерыва я ушла со с'езда, разыскала на базаре березовцев и попросила заехать за мной к Щеглову.

Когда я уже усаживалась в сани, младшая дочь Щегловых принесла неприятную весть. После обеденного перерыва начальник милиции с группой приближенных ворвался в класс, где шло заседание учителей, заявив, что на с'езде есть большевики, и предложил их выдать. Арестовали Баранова. На мой вопрос, кто такой Баранов, старик Щеглов ответил:

— Учитель-большевик, комиссарил по школьным делам здесь при Советах.

Поездка была полезной. Я завязала знакомства с учителями, получила кое-какие сведения о людях и о сибирской деревне, а главное — заручилась в отделе народного образования согласием о назначении Пана учителем в Березовскую школу.

На с'езде я поняла, что в сибирской деревне среди сельской интеллигенции и крестьян есть свои люди.

11 февраля Пана утвердили вторым учителем, взяв с него обязательство в 1919-1920 учебном году выдержать экстерном экзамен на звание учителя. Если бы Цebroва и Колесников

знали, что перед ними человек, окончивший институт, краевой комиссар просвещения, член Дальсовнаркома, они не брали бы с него такого обязательства и уж ни в коем случае не назначали бы учителем.

Заниматься в школе муж стал сразу после каникул. Начали мы и вечерние занятия со взрослыми. Вечерняя школа работала при светильниках. Пять больших картофелин, выдолбленных посредине и налитых маслом, подвизывались к потолку. Один из светильников горел на столе учителя.

Вечерняя школа всегда была переполнена. Ее посещали не только молодежь и подростки, но и женщины с детьми, взрослые мужчины. Особенно хорошо проходили занятия у Пана.

Здоровье мое улучшилось, и я начала выезжать в соседние села в поисках нужных для нашего дела людей.

Первое знакомство состоялось с Валентиной Пятакович — учительницей волостного села Крапивина. Пятакович не присутствовала на съезде, я узнала там о ней от других учителей. Мне рассказали, что муж ее был заведующим Крапивинской школой, в 1918 году занимал должность секретаря исполкома Совета крестьянских депутатов Крапивинской волости. Он многое сделал по укреплению Советской власти в волости. Во время чехословацкого мятежа, когда Советы в Щегловске, Кольчугине и Кузнецке были разогнаны и карательные отряды рыскали по деревням, Пятаковича арестовали, избитого приволокли на базарную площадь, куда согнали население, привязали к лавке и начали пороть. Истязание продолжалось больше часу. Тело Пятаковича превратилось в бесформенную кровавую массу. Тогда один из офицеров, бывший учитель, сказал начальнику отряда:

— Не пора ли кончать?

— А! Ты с большевиками! — заорал на него тот. С поручика сорвали одежду и полуголым бросили на соседнюю с Пятаковичем скамью. Засвистели плети, шомпола. Истерзанного Пятаковича вместе с его защитником бросили в сарай поповского двора. На другой день их вывезли на телеге за околицу села и расстреляли.

Зная все это, я ехала к Валентине Пятакович безбоязненно. Моя надежда оправдалась. Стоило мне выразить свое сочувствие по поводу ее мужа, как Валентина, рыдая, сбивчиво начала рассказывать подробности порки и расстрела.

— Он был без сознания, когда его расстреливали. Я следила за ними... Их пристрелили и бросили в придорожную канаву. Когда они уехали, я подбежала в надежде, что застану

живыми... Крестьяне помогли мне перевезти тела страдальцев и похоронить здесь, в Крапивине.

Валентина вынула из сундука окровавленную тужурку мужа, простреленную в двух местах.

— Я буду беречь ее, — говорила она, — покажу сыну, когда вырастет, пусть он гордится своим отцом.

Простились мы друзьями. Я посоветовала Валентине поменьше раскрывать свою душу незнакомым людям в такое страшное время.

В разговоре с Валентиной мне удалось узнать ряд фамилий людей, которые работали с ее мужем в Совете.

Так, уцепившись за ниточку, мы с Паном начали создавать вокруг Березовки сеть большевистских ячеек.

Выезды наши по деревням участились особенно после того, как в феврале из Кольчугина от Саши была получена явка и у нас в Березовке побывал Демьян Погребной — член Кольчугинского подпольного комитета большевиков.

С Погребным мы разрешили организационные вопросы, и наша березовская группа стала районным подпольным штабом партизанской борьбы.

За короткий срок Погребной побывал у нас два раза. Последний раз он приезжал накануне Кольчугинского восстания, и мы договорились, что крестьяне поддержат кольчугинцев. Но восстание в Кольчугине произошло раньше намеченного срока. Когда о нем дошли до нас сведения, восстание было уже подавлено. Сам Погребной не принял участия в восстании, так как находился вне Кольчугина, организуя крестьянство на совместное выступление с рабочими-шахтерами.

Мария Голкина — связист от Щегловского подпольного комитета — первый раз приехала в Березовку в конце марта. Она привезла свежие новости о решениях 3-й Общесибирской конференции. Конференция поставила перед партийными организациями задачу — усилить большевистское руководство партизанскими отрядами и крестьянскими восстаниями. Инструкцией об организации штабов и подпольных ячеек, принятой на конференции, наши подпольные ячейки были узаконены как штабы партизанской борьбы.

Голкина, жена старого большевика-подпольщика, член партии с 1917 года, помогала нам разобраться в положении на месте.

Вскоре после ее отъезда у нас в деревне появился отряд Иванова-Шувалова. В июне и августе в Березовке побывал Грицко (Николай Федорович Чумазов). Он привозил нам сведения из Щегловска и от Шувалова. Пан в сентябре на три

дня уезжал в тайгу, пытаюсь найти партизанский отряд Шевелева, но тот, сделав налет на Крапивино, опять скрылся в глубине Мариинской тайги.

4 сентября в Березовку приехала Мария Голкина. А 5 сентября пришел с отрядом Шувалов. Мы провели совещание Березовского подпольного штаба. На совещании присутствовали: Шувалов, Чумазов, Голкина, Федорец, я, Геласимов, Юрченко, от Березовской ячейки—Богданов, Проняхин и Корчагин. Совещание избрало подпольный штаб по подготовке восстания, куда вошли Шувалов, Федорец и я. Встал вопрос о положении членов штаба — учителей Березовской школы Бондаренко (Федорца) и Геласимовой. Решили, что Шувалов перед уходом в тайгу инсценирует «налет» на нашу квартиру, чтобы отвести от нас всякое подозрение в большевизме.

Помню, как Шувалов в сопровождении трех партизан явился к нам утром 7 сентября. Привел их местный кулак Щеглов — отец начальника Крапивинской милиции. Раздался требовательный стук в дверь. Ворвавшись в помещение, Шувалов скомандовал:

— Руки вверх!

Обыскав Пана и приставив к нему партизана, он начал обыскивать квартиру. Обыск был основательный. О том, что это инсценировка, никто из партизан, кроме Шувалова, не знал.

Бородатый, обветренный Шувалов, с которым мы успели уже подружиться, рылся в книгах, в постели, в белье.

Вдруг ему попала колчаковская листовка, специально подложенная в учебник грамматики. Шувалов подскочил к Пану, тряс листовкой у него перед носом, ругался, грозил.

Я бросилась к Шувалову, начала упрашивать его оставить мужа.

Наконец, Шувалов махнул рукой и сказал, обращаясь к Пану:

— Только из-за жены и ребенка прощаем пока, но если будете вести себя так, — он потряс листовкой, — то в другой раз не сдобровать...

Щеглов рассказывал потом всем, что я рыдала и валялась у партизан в ногах и только этим спасла мужу жизнь...

Это событие представило нас в глазах колчаковцев «благонадежными».

В Томской губернии, как и по всей Сибири, Советская власть в 1918 году существовала недолго. Красная гвардия в уездах и волостях была малочисленна и плохо вооружена, ре-

волюционная часть крестьянства оказалась с голыми руками перед вооруженным до зубов врагом.

Перед Березовским подпольным штабом задача вооружения партизан и восставших крестьян особенно остро встала в сентябре 1919 года, когда вопрос о восстании был решен.

Подпольные комитеты в Кольчугине и Щегловске не могли нам помочь.

25 сентября на заседании Березовского штаба вопрос об оружии для восстания обсуждался вновь.

Решили пойти на риск, получить оружие у колчаковцев под видом вооружения дружин «Святого креста». Такие дружины были созданы во многих крупных и богатых селах из местного кулачества и подкулачников. Колчаковцы вооружали дружинников трехлинейными винтовками.

Получить 200—300 винтовок стало нашей мечтой.

Ходили слухи, что в Щегловске в колчаковской милиции развал, склоки, и начальник милиции не раз заявлял, что если явятся партизаны, он не будет сопротивляться. Штаб принял решение послать своего представителя в Щегловск. Представитель штаба должен был явиться к начальнику милиции и потребовать выдать оружие с условием гарантировать ему жизнь.

Дело было рискованное и, когда настал момент назвать кандидата, никто не решался заговорить. Я понимала, что могло быть три кандидатуры: Пана, Шувалова и моя. Но Шувалова в Щегловске хорошо знали и его поездка была бы сопряжена с большим риском для жизни, а Пан не мог бросить Березовку: в его руках сосредоточились все нити готовящегося восстания. Его гибель могла быть гибелью всего нашего дела.

Поэтому я предложила:

— Друзья, мне кажется, я буду самым подходящим кандидатом.

Пан несколько раз порывался что-то сказать, но его останавливали. Он поглядывал на меня, хмурился, нервно постукивал пальцами по столу. И когда заговорил — его слова показались неожиданными для всех.

— Пожалуй, Тоня права. Она самый подходящий человек, помощником и проводником поедет Богданов.

Последние месяцы мы жили у Богданова. Там было удобно для связи с партизанами, подпольщиками. Наша комната была изолирована, изба стояла на окраине. Уезжая, я договорилась с Ананьевым, что дочурка Нина будет жить у них.

В Щегловск мы выехали задолго до рассвета. Город, как мне удалось выяснить, был переполнен колчаковскими войсками. Я пришла к Щеглову (у них я останавливалась, когда приезжала на съезд учителей). По имеющимся у меня сведениям, у них жил начальник милиции.

Пока ставили самовар, накрывали на стол, пришел начальник милиции Иван Лазаревич (фамилию его не помню). Это был лысый мужчина лет тридцати пяти. За чаем он и хозяева расспрашивали меня о жизни в деревне и о том, не беспокоят ли нас партизаны.

Незаметно разговор перешел на тему, видно, занимавшую начальника милиции, о победах Красной Армии и о росте партизанских отрядов. Он стал обвинять Колчака в бездарности и несколько раз повторял, что если бы была возможность, то он перешел бы на сторону красных. Меня вначале смутило такое откровение. Молодость, отсутствие опыта помешали разглядеть провокатора.

Просидела я у Щегловых часа два, затем, улучив момент, сказала Ивану Лазаревичу, что хочу поговорить с ним. Он пригласил меня к себе в комнату. Вошла я туда, одетая в полушубок, крепко сжимая в кармане мое единственное оружие — гранату.

Иван Лазаревич прошел вперед, сел за стол, который стоял в переднем углу, и указал мне на стул, предлагая сесть. Но я остановилась у стола и, глядя в упор на него, проговорила:

— Я представитель штаба партизанских войск Мариинского, Кузнецкого и Щегловского уездов.

Лицо начальника мгновенно посерело.

— Вы, женщина? — И его рука поползла к кобуре.

Меня рассмешил вопрос, и я ответила вопросом:

— Разве не похожа?

— А если я вас арестую?

— Партизаны отомстят за меня.

Начальник милиции начал уверять меня, что он пошутил и что он готов помочь партизанам.

От имени партизанского штаба я сказала, что мы гарантируем ему жизнь и безопасность, если он выдаст 200—300 винтовок с патронами и будет помогать партизанам в дальнейшем.

Он быстро на все согласился, а я в душе уже ликовала. Мы договорились, что завтра, часов в 12 дня, подготовив подводы, я зайду к нему на квартиру и возьму пропуск и наряд

на 150 винтовок, якобы для вооружения дружин «Святого креста» Березовки и Сарапок.

Прежде чем прийти к Голкиной, я долго петляла по городу, боясь привести провокатора. Улицы были пустынные, и я благополучно добралась до Марии. Она и Богданов были очень обеспокоены моим долгим отсутствием. Мария сказала, что ей попало в комитете за наш дерзкий план.

Наскоро поев, мы с Марией пошли в район химического завода и шахт. Там старые знакомые товарищи обещали нам помочь подводами и пикетчиками. Разработали детальный план получения оружия. По дороге к квартире Щеглова было решено выставить пикеты, чтобы в случае моего провала не попались подводчики.

Вернулись мы к Голкиной перед утром. Сестра Марии, Симма, рассказала жуткую историю. На днях на базарной площади заporоли пять солдат, членов военной подпольной большевистской организации. Их пороли три дня. Посыпали иссеченное тело солью, завертывали в простыни, а когда простыни присыхали, отдирали их с кусками мяса, а потом продолжали допрашивать, добивались, чтобы выдали Щегловский комитет большевиков. Четверо умерли под пытками, а один обещал выдать комитет и оружие, и все, что у него требовали. Его повели к химическому заводу, где, по его словам, будто бы находился комитет. По дороге он выхватил у сидящего рядом колчаковца револьвер, пристрелил двух, но и сам погиб смертью героя.

Утром я пошла к Ивану Лазаревичу. Не успела открыть ворота, как увидела у поленницы младшую дочь Щеглова. Она ждала меня и, не дав открыть рта, шепнула: — Беги скорей! У нас засада, милиция.

Я тот час же повернула обратно. До меня долетели слова:

— Тятка велел..

«Должно быть, велел предупредить», — подумала я и бросилась в соседний двор.

Так со двора во двор, перелезая через заборы, я добралась до Голкиной. Скоро туда явились наши пикетчики. Они видели, как через несколько минут из ворот дома Щеглова выскочили милиционеры. Потолкались на месте и рассыпались по улицам.

Среди ночи меня вывезли из Щегловска окружной дорогой.

Оружия достать нам не удалось, но появление у началь-

ника милиции представителя подпольного штаба партизан наделало много шума.

Начальник милиции организовал повальный обыск в городе и на химическом заводе. Не найдя партизан, он, боясь расплаты, бежал из Щегловска. В Березовку по моим следам отправили карательный отряд.

Вместо 300 винтовок, которые надеялись получить, возвращались мы с Богдановым с небольшой добычей. Кемеровцы-подпольщики дали нам пять винтовок, двести патронов, несколько револьверов и восемь ручных гранат.

За ночь проехали больше ста верст. В каждой деревне дежурные из членов подпольных ячеек ждали нас со свежими лошадьми. Представители очередной ячейки провожали нас до следующей деревни. Там меняли лошадей и везли дальше. О некоторых ячейках мы даже не подозревали. Возникли они в последние дни под влиянием ячеек близлежащих деревень и были связаны только с ними.

5 сентября на совещании представителей партизанских отрядов был создан штаб объединенной партизанской армии Щегловского, Марининского и Кузнецкого уездов.

Совещание обратилось ко всем отрядам, находившимся на территории уездов, с призывом прислать в штаб своих представителей. Вскоре вокруг армии объединились один за другим партизанские и повстанческие отряды. Они разоружали дружины «Святого креста», уничтожали карательные отряды.

Штаб армии находился в Крапивине. С приходом туда отряда Шевелева-Лубкова мы провели переформирование штаба.

Вместо военного суда был учрежден Военно-революционный трибунал во главе с Григорием Дмитриевичем Шуваловым (Ивановым). Начальником агитационно-политического отдела был избран Цибульский — бывший председатель исполкома Совета. Я была оставлена его заместителем, с исполнением обязанностей политического комиссара бригады. При штабе была оформлена большевистская ячейка во главе с молодым кольчугинским рабочим Николаем Буинцовым.

Уезжая из штаба в бригаду, я получила партийный билет на небольшом кусочке бумаги за № 62. Пану был выдан такой же партийный билет за № 61.

19 декабря бригада продвинулась к Смолино. Здесь разведка сообщила, что в Щербаках стоит какой-то партизанский отряд. Не ожидая дальнейших сообщений, бригада

снялась и пошла к Щербакам (Березово). Конный полк шел впереди. недалеко от Щербаковской паскотины нас встретило около сотни конных партизан. Они кричали «ура», бросая вверх шапки. Партизаны спешили. Начались объятия, поцелуи, расспросы. Оказалось, что в Щербаках стоит отряд роговцев.

Через полчаса мы везжали в село. Лошади храпели и кидались в сторону от домов, около которых у калиток, ворот, под окнами и у дорог валялись изрубленные тела. Радость наша померкла. Щербаки было большим богатым селом. Дружина «Святого креста» насчитывала здесь больше ста человек. Роговцы, ворвавшись в село, изрубили всех дружинников, хотя они за несколько дней до этого добровольно отпустили свое оружие в штаб нашей армии.

Я вместе с Василием Ананьевым поехала у штаб Рогова. Штаб располагался в большом доме в центре села. Около дома толпились партизаны, но не было крестьян, женщин и детей, которые обычно встречали нас, когда мы везжали в село. Оставив у крыльца связанных с лошадьми, мы вошли в дом. В передней было полно партизан, густой дым от курева застилал глаза. Нам показали, где Рогов.

Рогов — крупный черноволосый мужчина, с широкой, по-сибирски, лопатой, бородой сидел в большой комнате за длинным, заставленным всякими яствами, столом. Вокруг стола сидело еще человек 15 партизан.

— А, гостя дорогая! — поднимаясь навстречу, сказал Рогов, — рад познакомиться.

Здесь я увидела анархиста Новоселова. Здороваясь, он говорил: — Слышал, слышал, Советскую власть устанавливаете, а мы ваши ревкомы разгонять будем. не нужны они мужикам. Анархия — вот что им нужно... Анархия — мать порядка!

Меня усадили за стол. Хозяйка, старая женщина, принесла глазунью. Старуха держала сковородку, не решаясь поставить ее на стол, покрытый скатертью. Рогов вскочил, сорвал с божницы бронзовый крест, согнул его своими сильными ручищами так, что получилось что-то вроде подставки, и сунул на стол посредине бутылок.

— Ставь! — гаркнул он.

Старуха закрыла глаза, сунула сковородку прямо на скатерть и, пошатываясь, пошла к дверям.

— Это вы слишком! — резко сказала я Рогову.

— А ты думаешь, война — цветочки, учить ребятишек? Война есть война, а не бабье дело! — зло ощерясь, ответил он мне.

Тут поднялся невообразимый шум. Высокий белобрысый парень подскочил ко мне и, вынув из ножен окровавленную шашку, закричал:

— Ты вот так можешь, чтобы шашка не просыхала от человеческой крови? Можешь?

— Это еще не заслуга, — ответила я, не спуская глаз с перекошенного злобой лица парня.

В это время появился командир одного из наших полков. Он властно отодвинул парня и крикнул Рогову:

— Что ты распустил этого пса?

Скоро пришел Яковлев, командир конного полка. После ужина начались разговоры, споры, но все уже носило сравнительно мирный характер.

Взять Щегловск, отрезать пути отступления белым по последней трактовой дороге с юга железнодорожной Сибирской магистрали — было заманчивой перспективой, и мы пошли для этого на временное объединение с Роговым.

В этот вечер мы договорились с Роговым, что утром его отряд отойдет из Щербаков через Ягуново в сторону железной дороги, перережет ее и выйдет на Боровое, что на севере от Щегловска, а завтра ночью мы со всех сторон ворвемся в город. Роговцы — от Ягунова и Борового, мы — от Щербаков по Томи и по тракту нападём на щегловский гарнизон колчаковцев. Наша бригада будет занимать южную часть, роговцы — центр и северную часть города.

В Щегловск были посланы трое партизан-роговцев во главе с Ломовым, членом штаба Рогова. Город был хорошо знаком Ломову. В его задачу входило выяснить обстановку и подать сигнал о наступлении.

Вслед за роговцами мы послали своих партизан к Марии Голкиной. Просили ее известить подпольный комитет о намеченном штурме Щегловска. Наступление было назначено на два часа ночи.

На вторую ночь наша бригада, не встречая заслонов белых, к двум часам ночи подошла к городу на расстояние километра. Здесь мы остановились, поджидая сигнала.

Вскоре над городом одна за другой взметнулись высоко в небо яркие ракеты, пущенные Ломовым.

Мы ворвались в город. Белогвардейские части не приняли боя и в панике бежали в тайгу. Сопrotивлявшиеся были изрублены партизанами.

Больше двух суток город был в руках партизан. К вокзалу, в сторону Ягуновского тракта и на окраине города с юго-востока и юго-запада были поставлены заслоны партизан.

Белые, отступая, входили в город, не зная, что он в руках партизан. Попадавших в распоряжение нашей бригады колчаковцев мы разоружали и брали в плен, уничтожали только сопротивлявшихся. Пленными до отказа забили свободные дома, амбары и магазины.

Роговцы производили «чистку» города от буржуазии и колчаковской администрации. Они, заняв центр, разрушили и разграбили ряд домов, церковь, учреждения, перебили многих жителей и среди них много невинных людей. Было убито и несколько подпольщиков-большевиков. На наши протесты Рогов и Новоселов отвечали угрозами.

Штаб партизанской армии, получив сообщение о встрече с роговцами и о занятии Щегловска, послал туда Кузнецова, начальника штаба, с предложением к Рогову влиться в армию.

К приезду Кузнецова отношения между штабом Рогова — Новоселова и штабом бригады обострились до предела.

Приезд Кузнецова был некстати. Способности Кузнецова переоценили. Посылая его, в штабе предполагали, что он откажется от своих анархистских настроений. На самом деле оказалось не так. Приехав в Щегловск, Кузнецов встал на сторону Рогова и Новоселова.

Они предложили ему влить два полка в роговский отряд и взять командование объединенной бригадой на себя. Кузнецов согласился. В это время белые предприняли попытку смять наши отряды и обойти Щегловск, занятый партизанами.

Со стороны железной дороги раздавались оружейные выстрелы — один, другой, третий... Снаряды со свистом летели над нами и рвались за городом.

Через несколько минут мы уже скакали по дороге на Щербаки. Впереди и за нами темнела на фоне белого снега темная лента конников и партизан на подводах.

Вскоре впереди раздались выстрелы, зачастили пулеметы.

— Засада белых со стороны Ягуновской дороги, — сообщил Виктор Яковлев. И, хлестнув лошадь плетью, обгоняя подводы, помчался вперед. Часть конников, прикрывавших отход, ринулись за Яковлевым.

Задние подводы поехали медленней, но лавина партизан продолжала катиться к Щербакам. Впереди строчили пулеметы и не смолкала ружейная стрельба.

Наступал скупой рассвет зимнего утра. Мне с лошади было видно, как впереди скатывались с подвод партизаны и бежали с винтовками наперевес. Скоро затих один пулемет, потом захлебнулся другой. Затихли винтовочные выстрелы.

В этом бою погибли трое партизан, 17 человек были ранены.

В Щербаках мы пришли к выводу, что для белых эта встреча с нами была неожиданной, как неожиданной она была и для нас. Белые, получив отпор, бежали обратно к железной дороге, откуда были брошены, чтобы обойти Щегловск, занятый партизанами, и ударить нам в тыл.

Отойдя до Щербаков, мы остановились, чтобы держать в постоянном напряжении дорогу, по которой выступали колчаковцы, делать налеты, перерезать железнодорожное полотно и охранять восставшие села от возможного вторжения белых.

Меня вызвали в штаб в Кольчугино, где произошло переформирование армии трех уездов в Первую Томскую партизанскую дивизию, и избрали политическим комиссаром дивизии.

Все деревни и села по тракту были переполнены восставшими крестьянами, которые по призыву штаба Советской партизанской армии поднялись на борьбу с колчаковщиной.

В эти дни в штабе бригады было шумно. Составлялись планы, давались задания, инструктировались группы, уходившие на операцию, организовывались команды лыжников. Почти весь полк Перцова встал на лыжи. Они уходили в тайгу, перерезали дороги, отбивали базы, настигали отдельные воинские части белых. Конники больше действовали у железной дороги. Белые металась по тайге, как в ловушке.

Наша бригада опять вошла в Щегловск. В первый день мы забрали тысячи пленных, сдали их подошедшему полку Красной Армии. Потом в течение нескольких дней шло разоружение белых в тайге: красноармейцы действовали по тракту, партизаны на лыжах и конях в тайге, по проселочным дорогам и тропам.

Было взято в плен свыше 11 тысяч колчаковских солдат и офицеров. Мы захватили много военного имущества и продовольствия.

30 декабря вся Первая Томская партизанская дивизия расквартировалась в Щегловске в окрестных селах и деревнях.

Проходя через восставшие села, штаб дивизии распустил много партизан, оставив в дивизии вместе с нашей бригадой до 3000 человек, хорошо вооруженных, горящих желанием до конца бороться с контрреволюцией.

31 декабря 1919 г. вечером полки Первой Томской дивизии и алтайских партизан начали грузиться в теплушки.

Первой уехала бригада в составе двух полков. Новый, 1920

год мы встречали с Паном в дороге, по пути в Новониколаевск, в рядах Первой Томской дивизии.

В Щегловске на работе в советских и партийных организациях остались Шувалов-Иванов, Шевелев-Лубков, Геласимов-Юрченко, Чумазов, Камбалова и многие другие.

В марте 1920 года с мандатом инструктора Новониколаевского губбюро РКП(б) и члена редакционной коллегии губернской газеты «Красное знамя» я проехала в район восстания, побывала в Кольчугине, в Борисове, в Крапивине, в Баннове, заехала в Березовку за дочуркой Ниной. Ей было уже два с половиной года. Со мной она не виделась почти шесть месяцев. Подъезжая к дому Ананьевых, я с беспокойством думала, что, наверное, уже забыла меня, но когда я сбросила шубу и взяла ее на руки, она сразу охватила ручонками мою шею и расплакалась. Не могла удержаться от слез и я.

В Березовке я прожила два дня, побывала у всех своих друзей, провела митинг, сделала доклад о текущем моменте. Больно было расставаться со знакомыми местами, с друзьями, с которыми столько пережито...

В Щегловск я приехала накануне партийной конференции, остановилась у Марии Голкиной. Первым, кого я встретила на конференции, был Григорий Дмитриевич Шувалов. Он работал в Щегловске заместителем председателя уездного ревкома. Потом появился Василий Павлович Шевелев, Николай Федорович Чумазов, Николай Буинцов, Виктор Яковлев, Ковешников и много других наших партизан. Встреча была радостной и теплой.

На партийной конференции большевиков Щегловского уезда говорили о борьбе с разрухой, о мирном строительстве, об укреплении органов Советской власти на местах, о народном просвещении и здравоохранении и о борьбе с тифом.

Остатки белой колчаковской армии к марту 1920 года уже бежали за Байкал, туда же отошли и войска интервентов.

На этой конференции большевиков Кузбасса я прощалась с Сибирью, с друзьями-партизанами. В кармане у меня лежала телеграмма Сиббюро РКП(б). Нам с Федорцом предлагалось вернуться на Дальний Восток. Там еще шла война с интервенцией и контрреволюцией.

А. СЕРГЕЕВ.

В ГОСТЯХ У МОЛОДЕЖИ ГДР

В мае—июне делегация ленинского комсомола побывала в Германской Демократической Республике. Пробыли мы в ГДР двадцать пять дней, посетили Берлин, Росток, Шверин, Карл-Маркс-штадт, Галле, Магдебург, проехав 4200 километров.

1. БЕРЛИН

От Франкфурта-на-Одере, являющегося пограничным городом на польско-немецкой границе, до Берлина немногим более полутора часов езды.

Мелькают островерхие, покрытые красной черепицей коттеджи. Они утопают в зелени. На промежуточных станциях много людей, особенно детей.

Между населенными пунктами почти нет интервалов. Во всем чувствуется приближение большого города.

И вот диктор радиоузла нашего поезда объявляет на русском языке: «Граждане пассажиры, наш поезд прибыл в столицу Германской Демократической Республики — город Берлин».

Через несколько минут остановка.

Перрон полон молодежи. Везде цветы. На большинстве юношей и девушек синие блузы. Это — форма членов Союза свободной немецкой молодежи. Мы сразу попадаем в обаяние друзей. После взаимных приветствий едем в гостиницу «Адлон».

Вместе с нами секретарь Центрального Совета Инге Ланге. Она — сама простота и сердечность.

Знакомимся с Берлином. Жилые дома, административные здания и промышленные предприятия, как правило, темных тонов. Из всех довоенных зданий, уцелевших во время ожесточенных боев 1945 года, мы не видели почти ни одного дома светлой окраски. Объясняется это тем, что недалеко от Берлина имеются большие карьеры дешевого строительного камня, черного или темно-серого цвета. Его применение значительно удешевляет строительство.

У немецких строителей существует девиз:

«Все, что стоит дорого, для нас не подходит».

Дома здесь, как правило, строгих форм, без балконов, колонн, выступов и других украшений.

Бранденбургские ворота. Наверху, в ярких лучах солнца, колышется красный стяг. Дальше, за воротами, — Западный Берлин. Метрах в ста, по ту сторону границы, видим рейхстаг. Он весь разбит. Изуродованное здание напоминает осьминога с отрубленными конечностями. Граница двух миров!

Осмотрели Трептов парк. Здесь в 1949 году воздвигнут памятник советским воинам. У входа в парк на гранитных воротах надпись: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость социалистической Родины!»

У подножия памятника горы венков.

Время клонится к вечеру. Кругом тишина, а вдали одиноко кукует кукушка, и соловьи, совсем как у нас под Курском, чеканят изумительную трель. Невольно вспомнилось:

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...

В районе Фридрихсфельде похоронены Карл Либкнехт, Роза Люксембург и другие видные деятели рабочего движения Германии. Здесь же установлен памятник Эрнсту Тельману.

После прихода фашистов к власти могилы, где покоятся Карл Либкнехт и Роза Люксембург, по приказу осатаневшего Гитлера были распаханы и их место завалено мусором. Трудящиеся новой Германии восстановили все, как было раньше. На огромном обелиске надпись: «Мертвые предостерегают нас».

Вечером в тот же день состоялась наша встреча с руководителями Центрального Совета Союза свободной немецкой молодежи — ССНМ. Здесь присутствовали первые секретари окружных советов Союза, в которых нам предстояло побывать.

До апреля этого года ССНМ больше занимался вопросами культурнического характера, нередко в отрыве от политической жизни страны. Он объединил в своем составе всех молодых людей, невзирая на их взгляды и политические убеждения. 16-й пленум Центрального Совета переименовал эту организацию в Союз социалистической молодежи Германии, и началась перестройка.

Наши молодые немецкие друзья подробно рассказали, как они перенимают опыт комсомола в работе с молодежью. Решения пленумов ЦК ВЛКСМ изучаются с большим вни-

манием, всеми активистами. Все, что может быть использовано ценного из опыта работы ВЛКСМ, претворяется в практику работы ССНМ. Так, по нашему примеру на предприятиях Восточной Германии организовано много ударных молодежных бригад, как правило, перевыполняющих производственные нормы.

На заводах и фабриках созданы контрольные посты, которые следят за чистотой на предприятиях. Все смелее практикуется выпуск стенных газет, сатирических листков. Творчески используя нашу практику проведения вечеров вопросов и ответов, немецкие товарищи нашли новую форму работы с молодежью — проведение форумов. Сотни юношей и девушек приходят на форумы, где они могут задать любой вопрос и получить исчерпывающий ответ как из области международной, так и внутренней жизни республики.

С большой благодарностью немецкие друзья отзывались о помощи комсомола в подготовке кадров ССНМ. Десятки лучших активистов Союза учились в Центральной комсомольской школе. Здесь они изучали марксистско-ленинскую теорию, жизнь наших комсомольских организаций.

Беседа в Центральном Совете затянулась до позднего вечера, но расставаться не хотелось. Крепко взявшись за руки, мы шли по ярко освещенным улицам Берлина и вместе с нашими друзьями пели советские и немецкие песни.

II. РЫСТОК

На следующий день рано утром отправляемся в дальний путь. Только выехали за город, сразу зазвучала наша «Катюша» — одна из самых популярных песен у немецкой молодежи.

Автобус идет быстро. Время от времени останавливаемся на отдых. Вдали тут и там виднеются небольшие лесные массивы, кругом хлеба. Можно задаться специальной целью найти сорняк — и не найдешь. Сказывается усиленное применение химикатов.

Спустя 7 часов после выезда из Берлина, мы увидели две легковые автомашины, стоящие на обочине дороги.

— О, Гехт Мендель! — восклицает Инге. — Товарищи, нас встречают.

Это пионеры. У них синие галстуки. Ребята преподносят нам цветы. Мы в свою очередь прикалываем им пионерские значки, дарим открытки, повязываем красные галстуки.

С какой любовью немецкие дети относятся к пионерам Советского Союза! Переводчик не успевает переводить: «Пере-

дайте горячий привет советским пионерам», «Дайте адрес одного советского пионера», «Передайте эту фотографию советским детям».

Гехт Мендель, первый секретарь Ростокского окружкома ССНМ — небольшого роста, живой общительный человек, на много дней становится добрым товарищем в нашем путешествии.

Он хорошо знает жизнь людей своей области, ее экономику, приводит на память много цифр, фамилий, чувствует, что человек живет жизнью родного края.

Ростокский округ в географическом отношении совпадает с существовавшей ранее здесь землей Мекленбург. Это был отсталый сельскохозяйственный край.

Резко изменилась картина после победы демократического строя. Сейчас в округе 566 кооперативов. Это крупные, высокопродуктивные, многоотраслевые хозяйства.

Росток уже не только аграрный, но и промышленный округ. На берегу Балтийского моря, почти на голом месте, построена огромная судовой верфь, выпускающая первоклассные суда. Имеется рыбный комбинат, два университета, два техникума. Росток — центр туризма. Ежегодно в летние месяцы в его окрестностях отдыхает до 300 тысяч трудящихся.

Наутро отправляемся в Вардемунде, что в 18 километрах от Ростка. Посещаем судовой верфь. На ней более 50 процентов молодежи. С каким подъемом строят они суда для народного государства. За год со стапелей сходит 11 кораблей. Немало их было построено и для Советского Союза. Молодежь активно соревнуется за досрочный выпуск теплоходов. На молодежном стапеле № 3 строится грузовое судно для Советского Союза. Его называют «Фройндшафт», что значит «Дружба». Решено судно сдать на 3 месяца раньше срока.

Днем были на собрании Союза молодежи стапеля № 3. Обсуждалось решение пленума Центрального Совета, объявившего Союз организаций социалистической молодежи. Интересным было выступление Инги Гицельман. До этого она жила в Западной Германии.

— В день запрещения там коммунистической партии, — говорит Инге, — отца сняли с работы, потому что он сочувствовал коммунистам. У нас за городом был организован молодежный лагерь. Фашистские молодчики разгромили его. Теперь я знаю, что такое «западная демократия».

Интересно проходят эти собрания членов Союза. Здесь не принимается длинных резолюций, не произносятся пространственных речей. Встает юноша или девушка и вносит конкретное

предложение по тому или иному вопросу. Одному из членов тут же дается поручение решить этот вопрос. На собраниях Союза всегда присутствуют руководители предприятия или цеха, и если предложение касается производства, сразу отдается необходимое распоряжение.

Все выступают с мест. Выступающих обычно много. Говорят кратко, деловито. Мы не слышали о регламенте и других формальностях, но собрание продолжается не более полутора часов. Хорошая традиция — перед началом и после закрытия собрания петь революционные песни.

Поднялись на стапели. Высота их 64 метра. Вдалеке видно Балтийское море. Рабочие стапеля отнеслись к нам с большим вниманием. Много задавали вопросов о социальном страховании в Советском Союзе, о том, как наши рабочие проводят свой отдых, о работе профсоюзных организаций.

Судостроители буквально засыпали вопросами Анатолия Светликова — секретаря Ленинградского ГК ВЛКСМ. Жизнь ленинградских судостроителей вызывает у всех огромный интерес.

В воскресенье на реке Варнов нам показали плавучий Дом пионеров. Это замечательное сооружение, сделанное руками рабочих в подарок своим детям. Здесь ребята в возрасте от 10 до 16 лет учатся морскому делу. Они делают все своими руками под руководством опытных инструкторов. У ребят строгая дисциплина и порядок. Все они знают свое место на корабле. Чувствуется подтянутость, выправка.

Гостеприимные хозяева покатали нас на катере по Балтийскому морю.

III. ШВЕРИН

Около двух часов езды на юго-запад, и мы в Шверине. Шверин — сельскохозяйственный округ. Здесь выращиваются зерновые, картофель, горчица. Промышленные города, предприятия специализируются на переработке сельскохозяйственных продуктов. Разводится также молочный скот. Округ является одним из поставщиков свинины. В последнее время здесь стали больше сеять кукурузы. Раньше Шверин был отсталой провинцией Германии. Эксплуатация крестьян помещиками достигала таких невероятных размеров, что крестьян Восточной Пруссии пугали Шверином.

Неузнаваемо изменилась жизнь населения Шверина после победы народно-демократического строя. СЕПГ проявляет большую заботу о подеме сельскохозяйственного производства, об улучшении жизни крестьян.

За последние годы здесь произошли колоссальные изменения. Если в 1948 году на полях округа работало 1000 тракторов, то в конце 1956 года их было 3440. Много тракторов получено из Советского Союза.

В округе работает более 2500 комбайнов. Крестьяне, входящие в кооперативы, живут лучше, чем единоличники. Их доходы растут из года в год. Вот почему кооперирование здесь идет быстрым темпом.

В Брюйзевице, километров за пять от поселка, большая группа крестьян встретила нас хлебом-солью. Особенно много было молодежи, пионеров. С гордостью показывали они нам поля, обработанные коллективным трудом. Председатель правления Ганс Нечковский обстоятельно рассказал обо всех делах кооператива.

Есть деревни, где все крестьяне вступили в кооперативы, за исключением, разумеется, кулаков.

По примеру СССР организуются машинно-тракторные станции. Отношения между ними и кооперативами основываются на договорных началах. Кооперативы и МТС строго соблюдают все пункты обоюдного соглашения.

В Шверине мы познакомились с работой сельскохозяйственного института, готовящего агрономов, зоотехников, механиков. Понравилось, что студенты четвертую часть учебного времени проводят на практике в кооперативах, непосредственно на машинах, в коровниках. Крайне строг спрос за прохождение практики.

Демократическое государство проявляет исключительную заботу о народном образовании. Это чувствуется буквально на каждом шагу. Под школы, учебные заведения отдаются лучшие здания.

Хочется сказать о Шверинском дошкольном педучилище. Училище занимает огромный дворец, принадлежавший графу Магдебургскому. Здесь учится 700 человек. Директор училища Люция Гарт познакомила нас с жизнью учебного заведения. Интересно, что в училище нет уборщиц. В определенное время учащиеся наводят порядок сами.

Неуспевающие временно отстраняются от общественных обязанностей, пока не исправят отметки. Но учащиеся из всех сил стараются как можно реже пользоваться подобной «льготой», которая далеко не популярна в коллективе.

Надо заметить, что на всех заводах, во всех учебных заведениях, кооперативах, в любом хоть сколько-нибудь значительном учреждении ведется своеобразная летопись событий.

Открываешь книгу этих событий — и перед тобой день за днем вся жизнь предприятия или школы.

В связи с тем, что воспитанницы училища были заняты подготовкой домашних заданий (дело есть дело), нам мало довелось поговорить с ними во время посещения дворца.

Зато мы были сердечно тронуты, когда через 2 часа увидели их на вокзале. Девушки пришли нас проводить. И, несмотря на то, что лил дождь, мы пели песни, водили хороводы. Было много веселья, дружеских рукопожатий, обмена автографами, пожеланий счастливого пути.

IV. ГОРОД КАРЛ МАРКС

В округе Карл Маркс-штадт более 4,5 тысячи предприятий. Здесь расположены заводы тяжелого машиностроения, свыше 48% текстильной промышленности всей ГДР. Есть залежи каменного угля. Ведется большое строительство. Так, в городе строится завод никеля, который будет после пуска в эксплуатацию давать никеля в 15 раз больше, чем дает сейчас вся промышленность Германской Демократической Республики. 26 заводов экспортируют свою продукцию в СССР.

Есть и трудности, нерешенные проблемы. Одной из них является вопрос с жильем. Ведь в Карл Маркс-штадте во время войны было разрушено 70 процентов всех квартир.

Английская и американская авиация подвергла ожесточенной бомбардировке мирные кварталы города,* а военные объекты остались совершенно нетронутыми.

Правительство ГДР принимает все меры к быстрейшему строительству жилья.

Где бы мы ни были, везде чувствовали атмосферу дружбы и солидарности. Люди демократической Германии много думают и говорят о мире.

На собраниях, где нам пришлось присутствовать, горячо обсуждалась политика милитаризации Западной Германии.

В ГДР нет всеобщей воинской повинности. Народная армия состоит из добровольцев. Молодежь горит желанием защищать и охранять завоевания народной республики.

Нам довелось побывать на заводе «Диамант», производящем велосипеды. После разгрома фашистов завод стал собственностью Советского Союза. Однако вскоре Советское правительство безвозмездно передало его правительству ГДР. Рабочие с благодарностью говорят об этом великодушном акте советского народа.

Велосипеды завода популярны во всем мире.

В дни нашего пребывания в ГДР происходили мировые велогонки. Известно, что 3 команды боролись за венок победителя — польская, немецкая, советская.

Немецкие спортсмены заняли первое место. При нас был решен вопрос о том, что велосипеды победителей будут переданы заводу на вечное хранение.

На мотоциклетном заводе особое впечатление на нас произвела беседа с членами молодежной бригады имени Ленинского комсомола. В бригаде работает 7 токарей. Все они, применяя методы скоростного резания, разработанные советскими токарями, намного перевыполняют нормы выработки, экономия государственных средств. Их станки и рабочие места являются образцовыми по чистоте.

Молодежь заводов развернула соревнование за перевыполнение производственной программы под лозунгом «Москва зовет на фестиваль».

По приглашению друзей из Центрального Совета мы посетили гору Фихтельберг высотой 1214 метров. Это самая высокая точка в ГДР. Здесь проходит граница с Чехословацкой Республикой. Справа видны Рудные горы. Они покрыты хвойными деревьями, подернуты темной дымкой тумана. Внизу, левее Фихтельберга, как бы в котловине, расположен пограничный город Обервиндталь. Отсюда после Мюнхенского сговора фашисты начали вторжение в Чехословакию. Сейчас здесь граница двух миролюбивых государств, строящих социализм. На смену былой неприязни и взаимной ненависти пришли дружба, товарищество, сотрудничество. Здесь часто устраиваются встречи чехословацкой и немецкой молодежи, укрепляющие узы дружбы между двумя народами.

В субботу после рабочего дня мужчины и женщины, подростки и дети, в одиночку и семьями на мотоциклах, велосипедах, уезжают за город.

Почти каждая семья имеет небольшую туристскую палатку. В субботу и воскресенье город как будто замирает. Не слышно шума автобусов, гомона людских голосов.

Невольно подумалось об окрестностях наших городов — Кемерово, Сталинска, Прокопьевска, о том, как плохо мы используем богатые возможности сибирской природы для отдыха. 5—10 километров мы считаем непреодолимым препятствием и воскресные дни проводим в дыму и копоти города. А ведь и у нас немало широкого раздолья.

Нам много говорили о гостеприимстве немецких шахтеров, но то, что мы встретили на шахтах Висмута, превзошло наши ожидания.

У входа в здание бытового комбината собрались молодежь, пожилые и совсем старые горняки.

Мы слышали много добрых слов в адрес советских инженеров, помогающих немецким шахтерам осваивать новые месторождения.

В шахте были в молодежной бригаде Херберта Хирда. В ее составе 16 человек.

Молодежь расспрашивала нас о жизни советских шахтеров, о механизмах, которые применяются на шахтах, о технике безопасности, об опыте проходки горных выработок.

Коллектив просил передать большой привет шахтерам Донбасса, Кузбасса и Караганды.

Вместо «здравствуй» или «до свидания» немецкие шахтеры говорят «глюкауф», что значит «счастливо подняться на гора». Нас просили сказать «глюкауф» советским шахтерам.

На прощание мы подарили немецким горнякам миниатюрную вагонетку, сделанную комсомольцами города Киселевска.

V. МАГДЕБУРГ

Здесь мы были участниками конгресса рабочей молодежи. Город был украшен трехцветными государственными флагами, голубыми флагами Союза свободной немецкой молодежи. Звучат оркестры, радио. День был довольно пасмурным, но молодость, хлынувшая потоком на улицы Магдебурга, как само солнце, осветила города.

Конгресс открылся 6 июня в 10 часов утра в огромном зале на 2 тысячи мест. Кроме молодых рабочих, прибывших со всех предприятий Германской Демократической Республики, здесь было тридцать юношей из Западной Германии. Из числа этой делегации выступал один из них по имени Вернер. Фамилия его не называлась, ибо по существующим в Западной Германии законам само присутствие на конгрессе молодежи Германской Демократической Республики грозит тюремным заключением.

Конгресс прошел под знаком дальнейшей мобилизации сил немецкой молодежи вокруг Социалистической единой партии Германии, вокруг правительства ГДР. Юноши и девушки продемонстрировали несокрушимое единство в борьбе за мир, за демократию, за социалистическое завтра всей Германии. Конгресс от имени всей рабочей молодежи объявил социалистическое соревнование молодежи ГДР за достойную встречу 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Участники конгресса заявили протест против милитаризации Западной Германии.

В эти дни в Западной Германии произошло преступление, всколыхнувшее все общественное мнение. Один командир взвода приказал своим солдатам переправиться без всяких подручных средств через бурную горную реку Иллер. При переправе 15 человек утонули. Какой гнев против немецких милитаристов, какое возмущение вызвало это у всей молодежи Германии!

Западногерманская пропаганда пыталась всю вину свалить на командира взвода, отвести удар от Аденауэра и его партии, активно проводящей политику подготовки новой войны. Но из этого ничего не вышло. Немецкий народ разобрался в том, кто виноват. По всей Германии прошли митинги протеста и демонстрации. На многих заводах Западной Германии вспыхнули забастовки.

После конгресса в Магдебурге состоялась многотысячная демонстрация молодых рабочих Германской Демократической Республики. Стройными колоннами юноши и девушки в синих рубашках прошли перед трибуной, на которой находились Вальтер Ульбрихт и другие руководители партии и правительства.

Демонстранты шли с лозунгами труда и мира и призывали молодежь усилить единство своих рядов, еще теснее сплотиться вокруг Социалистической единой партии Германии.

Союз свободной немецкой молодежи еще сравнительно молодая организация немецкого юношества. Ему приходится работать в исключительно трудных условиях. Американская, английская, французская и особенно западногерманская пропаганда обливает его потоком грязи, лжи, сочиняет всяческие измышления. Они пытаются с помощью кино, театров, телевизионных передач отравить сознание молодежи Германской Демократической Республики ядом шовинизма и милитаризма.

В ряды Союза засылаются провокаторы и шпионы. Однако вся мутная волна реакции разбивается о несокрушимую стену единства молодежи Германской Демократической Республики, твердо вставшей на путь строительства социализма под руководством Социалистической единой партии Германии.

А. Я. ВОЛГИН,
заслуженный артист РСФСР.

ВМЕСТЕ С ЖИЗНЬЮ, С НАРОДОМ

К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции наша Родина подводит величественные итоги культурной революции, которая явилась одним из элементов претворения в жизнь гениального ленинского плана построения социализма.

Необычайное развитие получил за годы Советской власти театр. В настоящее время в стране работает свыше 500 профессиональных театров на 36 языках народов нашей необъятной Родины. Они ежегодно показывают до 200 тысяч спектаклей, которые смотрят до 80 млн. зрителей.

Молодая Кемеровская область не составляет исключения из всеобщего культурного подъема в нашей стране за 40 лет Октября.

За годы Советской власти Кузбасс стал крупным культурным центром Сибири. В нашей области работает свыше 500 радиоузлов, обслуживающих около 200 тысяч радиотрансляционных точек. Ведется строительство телевизионного центра.

25 лет тому назад в Кузбассе не было ни одного музыкального заведения. В настоящее время в области действуют 16 детских музыкальных школ и музыкальное училище.

25 лет тому назад в Кузбассе не было ни одного зрелищного предприятия. Сейчас здесь филармония, цирк, кукольный театр, театр музыкальной комедии и три драматических театра.

Автору настоящей статьи хочется коротко рассказать о творческом пути, который прошли драматические театры Кемеровской области, и подвести некоторый итог их работы.

☆☆☆

В 1932 году пьесой из жизни шахтеров «Дело чести» Микитенко открылся первый в Кузбассе Сталинский драматический театр им. Серго Орджоникидзе. Художественную часть

театра возглавила режиссер и артистка, заслуженный деятель искусств РСФСР Л. С. Самборская.

В первые же годы своей жизни театр завоевал признание зрителей постановкой лучших произведений советской драматургии. Спектакли «Нашествие» Славина, «Любовь Яровая» Тренева, «Разлом» Лавренева, «Аристократы» Погодина и другие оставили значительный след в истории культурного развития Кузбасса.

В последующие годы театр возглавляли режиссеры И. Г. Ромов, А. Г. Ридаль, засл. арт. РСФСР С. М. Меерсон и другие. В этом театре выросли заслуженные артисты республики тт. Федорова, Петров, Глущенко, Ермилов, Анатолев, артистка Риккер, художник Ривин и многие другие.

Первый кузбасский театральный коллектив упорно и последовательно работал над созданием спектаклей о нашей современности, помогающих коммунистическому воспитанию трудящихся. Патриотическая направленность в работе театра с особой силой проявилась в суровые годы Великой Отечественной войны в таких спектаклях, как «Люди с чистой совестью» Вершигоры, «Русский вопрос» Симонова, «Нашествие» Леонова.

Творческий рост актерского и режиссерского мастерства коллектив театра показал и в спектаклях русской и иностранной классики, например, в постановках пьес А. М. Горького «Зыковы», трагедии Шекспира «Отелло» и «Король Лир» и других.

К открытию XX съезда КПСС театр порадовал постановкой пьесы В. Вишневского «Оптимистическая трагедия». Это был яркий, запоминающийся, глубоко партийный спектакль. Молодой режиссер Вейцер проявил себя в этой работе вдумчивым, взыскательным художником.

Смелый шаг вперед сделал театр и в постановке сатирической комедии В. В. Маяковского «Баня», в постановке пьесы Н. Погодина «Кремлевские куранты». Режиссер спектакля И. С. Бабенко выступил и как создатель образа В. И. Ленина. И, надо сказать, успешно справился с двумя сложными задачами.

В работе театра были и периоды крупных неудач. Но ошибки успешно преодолевались коллективом, и театральный первенец Кузбасса занимает достойное место в культурной жизни нашей области.

В Прокопьевске в свое время действовал небольшой по составу и по материальным возможностям передвижной те-

атральный коллектив под названием «Культармеец Кузбасса». В 1934 году он прочно обосновался в Кемерове как стационарный театр. Коллектив сделал смелую творческую заявку, поставив в день открытия одну из капитальных пьес своего времени — «Гибель эскадры» А. Корнейчука. Опыт оказался удачным. Театр продолжал работать над пьесами «Любовь Яровая» Тренева, «Как закалялась сталь» по Н. Островскому, «Алькасар» Мдивани и др. В 1941 г. театр «Культармеец Кузбасса» был переведен в Томск и объединен с Томским драмтеатром.

В связи с организацией Кемеровской области театр в 1943 году вновь возвратился в Кемерово уже как областной драматический театр им. А. В. Луначарского. Из прежнего творческого состава до сего времени бессменно работают артисты М. И. Грановская и засл. артист РСФСР П. Г. Князев.

В годы Великой Отечественной войны вместе со всем народом на линию огня вышли и труженики советского театра. Спектакли «Русские люди» Симонова, «Нашествие» Леонова, «Фельдмаршал Кутузов» Соловьева, «Давным-давно» Гладкова и многие другие вызвали патриотический подъем, вселяли уверенность в победу над фашистскими захватчиками.

После войны в драматургию и театр проникла теория «отдыха и покоя», в репертуаре появились неполноценные в идейном и художественном отношении пьесы. Кемеровский театр не избежал ошибок той поры. Достаточно вспомнить постановку водевиля «На белом свете», встретившего широкое осуждение всей местной общественности.

Постановление ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров» осудило ошибки, допущенные рядом драматургов и театров, ориентировало тружеников пера и сцены на создание пьес и спектаклей, которые бы во всей полноте и сложности правдиво и ярко показывали многообразную жизнь советского народа, создавали яркие реалистичные образы советских людей. Постановления партии благотворно сказались и на жизни нашего театра. Один за другим появляются в репертуаре спектакли, демонстрирующие идейный и творческий рост коллектива. Театр создает получившие положительную оценку спектакли: «Московский характер» А. Сафронова, «Великая сила» В. Ромашева, «За вторым фронтом» В. Собко, «Счастье» Павленко, «Чужая тень» К. Симонова и др. Театр стал жить беспрестанными поисками серьезного драматургического материала, большого жанрового, стиливого и тематического разнообразия. Были срывы, ошибки, но прин-

ципиальная направленность в деятельности театра неизбежно побеждала.

В театре сложилось основное творческое ядро в лице заслуженных артистов РСФСР А. В. Анатольева, П. Г. Князева, Ф. Н. Белинской, артистов Р. К. Риккер, Н. Б. Макбалиевой, В. М. Савина, А. П. Бурковского, Е. П. Болли, М. Н. Квасовой, С. О. Бессонова. Состав пополняется способной творческой молодежью, постепенно занимающей видные места. В числе ее В. Я. Самойлов, Л. И. Кисловский, Н. Ф. Самойлова, О. И. Уколова, Г. С. Ишкова, П. П. Бетев, И. Н. Ефанов, В. И. Боборыкин и другие.

Значительное влияние на укрепление и рост театра оказали опытные кадры режиссеров в лице заслуженного артиста С. М. Меерсона, Е. Амантова, молодого и одаренного режиссера Я. С. Хамармера, проработавшего в театре 3 года, затем Б. З. Зазак и Я. Г. Смелкова.

Ныне в руководящем составе театра опытный, с установившимся творческим почерком режиссер В. А. Шабанов и молодой растущий Н. В. Бабенко, гл. художник М. Т. Ривин, зав. музыкальной частью Л. А. Масленников.

На протяжении последних лет театр стоял на позициях смелого и яркого искусства, проникнутого духом советского патриотизма и дружбы народов, вел борьбу против фальши и серости в искусстве.

И каждый раз, когда театр оставался на высоте этих принципов, он достигал значительных творческих успехов, сказавшихся в спектаклях «Дорогой бессмертия» Брагина и Товстоногова, «Свадьба с приданым» Дьяконова, «Шакалы» Яacobсона, «Сын рыбака» Лациса, «Песня о черноморцах» Лавренева, «Богдан Хмельницкий» Корнейчука, «Персональное дело» Штейна и др.

Однако в 1955—56 театральном году в работе театра были ошибки, выразившиеся в таких постановках, как «Госпожа министерша», «Колесо счастья» и некоторых других.

В работе над русской классикой театр имеет ряд ярких творческих достижений. Памятна постановка пьесы А. М. Горького «Последние». Значительным событием были постановки пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад», трагедии М. Ю. Лермонтова «Испанцы».

Иностранная классика тоже нашла себе интересное сценическое воплощение в спектаклях «Ромео и Джульетта», «Король Лир», «Испанский священник» и др.

Театр делал попытки войти в содружество с местными драматургами, найти своего автора, свою пьесу. Коллектив

осуществил инсценировку романа местного писателя А. Волошина «Земля Кузнецкая» и пьесы А. Озерского «Когда гаснут звезды». Но следует сказать, что театр не преодолел рыхлости драматургического материала и эти опыты не принесли удачи.

Театральный 1956—57 год прошел под знаком нового творческого подъема. Постановка пьес «Шестой этаж» Шери, «Домик у моря» Цвейга, «Одна» Алешина и др. свидетельствовали о росте актерского и режиссерского мастерства, о готовности и способности театра создавать яркие, волнующие спектакли.

В 1957 году коллектив театра с большой старательностью и любовью работал над пьесой Н. Погодина «Кремлевские куранты». Театр сделал все от него зависящее, чтобы спектакль вызвал у зрителей волнующее чувство гордости за великую партию и любви к гениальному вождю В. И. Ленину. В этой работе, как нигде, выразился ансамбль, единство художественных средств сценического выражения, использованных театром. Успеху спектакля способствовала и серьезная работа В. Я. Самойлова над созданием образа В. И. Ленина. Артист поставил перед собой благородную цель — раскрыть образ великого вождя во всей его человеческой простоте и вместе с тем во всем его величии мыслителя, вдохновенного творца народного счастья.

О творческом росте кадров театра свидетельствует и то, что в течение последних лет удостоены звания заслуженного артиста РСФСР старейшие труженики театра Ф. Н. Белинская и Ю. М. Савин, в августе 1957 г. звание заслуженного артиста РСФСР получил В. Я. Самойлов.

Два года назад отметил свое десятилетие третий драматический театр Кузбасса — театр им. Ленинского комсомола. Он возник в Анжеро-Судженске как молодежный коллектив, в который наряду с небольшой группой профессиональных артистов были включены лучшие участники художественной самодеятельности. Его руководителем с первых дней в течение ряда лет был опытный, культурный режиссер-педагог В. В. Гарденин.

В день своего открытия театр показал комедию А. Н. Островского «Лес». Последующими яркими спектаклями первых лет творческой жизни театра были «Сказка о правде» М. Алигера, «Молодая гвардия» по роману А. Фадеева, «Как закалялась сталь» по роману Н. Островского, «Двадцать лет спустя» М. Светлова и др.

В 1952 году театр обосновался в Прокопьевске. Ряд таких постановок последних лет, как «Персональное дело», «Повесть о настоящем человеке», «Крепостные», «В добрый час» и др. свидетельствуют о безусловном росте театра, о его правильных творческих устремлениях, раскрывают его перспективы. Во всем этом немалая заслуга бывшего главного режиссера театра И. А. Фаликова.

В 1956 году театр поставил пьесу местного драматурга А. Волошина «Цвести черемухе».

В театре есть опытные актеры в лице Ширшовой, Галкина, Курушкиной, Виноградской, работает группа молодых способных исполнителей. Общее признание завоевал артист и режиссер И. М. Градов, которому в августе 1957 года присвоено звание заслуженного артиста РСФСР.

Историческая дата — 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции вдохновила работников театров Кузбасса на создание спектаклей, в которых звучал бы пафос борьбы советского народа за коммунистическое завтра, за светлое будущее под водительством великой Коммунистической партии.

Кемеровский областной драматический театр им. А. В. Луначарского к праздничной декаде подготовил пьесу Каплера «Грозовой год», которая рассказывает о становлении Советской власти в 1918 году; пьесу по роману В. Кина «Когда горит сердце», повествующую о том, как советская молодежь, вдохновляемая идеями ленинской партии, сражалась за Советскую власть; пьесу Винникова «Когда цветет акация» о сегодняшней советской молодежи.

Сталинский драматический театр им. С. Орджоникидзе встретил октябрьский праздник постановкой пьесы Н. Погодина «Человек с ружьем» и пьесы А. М. Горького «Егор Булычев».

Театр им. Ленинского комсомола отмечает историческую дату пьесой Н. Попова «Семья», которая рассказывает о юном В. И. Ленине, и пьесой «Этих дней былая слава» о народном герое С. Лазо.

Выступление Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» является новым партийным документом по вопросам литературы и искусства. Он зовет армию работников искусства и литературы к новым

творческим достижениям, в которых правдиво и вдохновенно была бы отражена героическая советская действительность. Он призывает армию работников литературы и искусства быть тесно связанной с жизнью, с народом, с Коммунистической партией.

Театры нашей области растут вместе со своим родным краем. Работники сцены полны стремления и впредь нести в народные массы свет и правду реалистического советского искусства, своим трудом крепить и множить завоевания культурной революции в нашей стране.

А. КОРОБЕЙНИКОВ,
инженер.

«КАМЕНЬ НА ЛАДОНИ»

Обратив внимание на горный пейзаж на обложке и некоторую экзотичность в названии книги «Камень на ладони» (А. Смердов, Новосибирск, книжное издательство, 1954 г.), я заинтересовался и самим произведением.

— Последний экземпляр, — сказал мне продавец книжного киоска на вокзале ст. Новосибирск.

На первой странице я прочитал:

«...Было это давным-давно, когда тайга и горное эхо, златогоргий олень и пушистый соболь не слышали выстрелов из ружья, не знали лязга железных капканов...

Стрелы и лук, деревянный шергей — вот и все, с чем шел охотник на зверя и птицу.

В тайге, на берегу быстротруйного Мрас-Су жили трое братьев охотников — шор-анчи...»

Произведение состоит из отдельных рассказов в форме дорожных записей. Рассказы посвящены поэтическому устному народному творчеству шорцев и природе Горной Шории, такой же богатой, как и сам фольклор; вдохновенному труду славных патриотов — кузнецким металлургам и неутомимым геологам, разведывающим неисчислимые сокровища, которые лежат огромными кладами в недрах Кузнецкого Алатау.

Сборник открывается повествованием, в нем автор изложил далекую историю трагической жизни маленького, в прошлом забитого и бесправного, обреченного на полное вымирание народа кузнецов и охотников.

До революции шорский народ был полностью бесправен. Ему внушали чувство бессилия в борьбе за жизнь, внушали страх и ужас перед непонятным, необходимость в древних ритуалах жертвоприношений, веру в силу кермезеков — добрых и злых духов.

Восстановила в правах этот народ только Великая Октябрьская социалистическая революция и, присоединив, как

равного брата, к многочисленной семье равных народов, определила ему ясную перспективу радостной и светлой жизни. Теперь у шорцев — граждан социалистического государства — навсегда исчезло чувство одиночества и беспомощности. Шорец стремительно шагнул вперед от родового строя, от черной, страшной жизни к настоящей культуре, к свободному труду.

Быстро развиваются промышленность и сельское хозяйство Горной Шории. Мощными высоковольтными линиями электропередач, асфальтированными и железными дорогами надежно связана металлургия Сталинска с углем верховьев Томи и железом верховьев Кондомы, — неисчислимыми богатствами недр Горной Шории.

Весной мне довелось побывать в Таштаголе — самом отдаленном районном центре Горной Шории. В новом, просторном, светлом клубе с монументальными колоннами со стороны главного входа и прекрасной художественной внутренней отделкой, в воскресный день детская музыкальная школа давала концерт. Радостно взволнованные зрители аплодировали юным музыкантам, получавшим за особые успехи ценные подарки. Здесь же, в клубе, я познакомился с очень приятным собеседником, директором средней школы, писателем Чиспиковым. В короткой душевной беседе он рассказал много хорошего об успехах учащихся своей школы, о счастливых планах выпускников-десятиклассников, об их светлых дорогах.

Книга «Камень на ладони», в которой автор показал расцвет экономики и культуры людей Горной Шории, любовь к Родине, радость свободного, сознательного труда в шахте и на транспорте, в труде геологов и в воспитании нового поколения как бы продолжила эту беседу. Как в капле воды отражается солнце, так и в теперешней жизни Горной Страны видишь отражение великих завоеваний Октября.

Геолог Смолин, ботаник Гайворон и охотник-шорец Шерегешев — это замечательные люди, полные решимости преодолеть любые трудности, с увлечением и страстью выполняющие свой долг в борьбе за умножение необъятных богатств нашей Родины. Их образы особенно удались автору. Тепло написаны автором портреты подростков Копчигая и Аркаши, их судьба по-настоящему волнует читателя.

Убедительным получился образ девушки-шорки Кезен — восприимчивой, самобытной и устремленной натуры, жадно тянувшейся к культуре, к новому быту.

Еще в XIX в. русские ученые-исследователи отметили широкое распространение среди шорцев богатейшего устного творчества.

Письменности у шорцев не было, они не знали книг, не имели школ. Писателем с особой симпатией и теплотой даны черты национального характера известных талантливых сказителей-ныбакчи Морошки и Акмета, которые пели о величайших изменениях, происшедших в Шории после Октября, о красоте суровой природы, о сокровищах недр, о силе коллектива новых советских людей.

В улусе на общеколхозном празднике изобилия — веселье. Девушки и парни поют о своей счастливой и радостной жизни:

В синей тайге кедры шумят,
В синих горах цветы голубые цветут,
В нашем колхозе
радостная песня поется.

В кругу уважаемых людей сидят старейшие сказители, непременные участники праздника.

Под аккомпанемент волосяных струн комыса поет Акмет о старой и новой жизни своего народа. Поет и Морошка свою новую песню:

Сколько лет ты шумишь тайга,
Словно ночь, темна, глубока?
Был затерян в тайге человек,
Одиноко он жил свой век...
И, в тайге черневой рожден,
Умирал одиноко он...
И не знали мы — люди тайги,
Сколько в мире людей других...
А Советская власть пришла,
Много светлых огней зажгла,
Много троп в тайгу пролегло,
Стало в наших лесах светло...
Новой жизни хорош закон...
Всех людей людьми сделал он...

«...Вместе с золотыми словами чудесных песен и сказаний гор и тайги, — пишет автор, — я увезу с собой из этой страны еще большие богатства — волнующую правду о жизни, которую я видел сам и слышал из уст людей, строящих будущее страны железа и песен».

Часть рассказов сборника посвящена кузнецким металлургам и горнякам, героям трудового фронта, ковавшим в тылу победу над врагом.

Это люди новой культуры, освоившие сложнейшую технологию современного производства, смело доказавшие бесспорное преимущество социалистического строя, люди новой морали и славных трудовых традиций.

Что может быть почетнее для писателя, чем раскрытие глубокого содержания самоотверженного труда миллионов тружеников у сложнейших агрегатов, мартеновских и доменных печей, в шахтах и на рудниках, на транспорте и на колхозных полях!

Более 10 лет отделяют наши дни от событий, описываемых в книге. За это время в цехах Кузнецкого комбината выросло новое поколение металлургов, принесших новую славу Кузбассу.

Бесспорно, нам интересно и очень полезно знать о жизни завода 10 лет назад, но о людях наших дней хотелось бы узнать больше. Перерабатывая сборник, писателю нужно было бы выбрать время и выехать к своим героям, поинтересоваться изменениями в их труде и жизни.

Недостатком рассказов о металлургах является еще и то, что автор, сухо описав лишь производственную сторону, не раскрыл характеры людей, невольно превратив человека в безликий придаток к металлургическому процессу. Формирование человеческой личности в органическом слиянии производственных, общественных и личных интересов писателем не показано.

Хорошо даны автором образы фронтовиков-сибиряков: истребителя танков командира взвода Евдокима Чугаева, павшего смертью храбрых; Ивана Герасименко, Александра Красилова, Леонида Черемнова — мужественных пехотинцев Сибирской дивизии, геройски погибших в 1942 году в борьбе за Родину.

Уважая благородную и ответственную работу писателя, нельзя не отметить некоторую языковую неряшливость и погрешность в терминах, неудачные эпитеты. В самом деле, можно ли согласиться с автором, когда он пишет:

«Встречные поезда... груженные продолговатыми многотонными слитками чугуна...» (стр. 15). Это недоразумение, ибо чугун отгружается чушками весом 40 кг каждая.

«На горе сохранились остатки крепости, более трехсот лет назад возведенной...» (стр. 16). Действительно, Кузнецкий острог был заложен казаками в 1617 году на левом берегу реки Томи, но в 1662 г. выжжен джунгарами, Каменная же

крепость на правом берегу, об остатках которой упоминает автор, была построена лишь в начале XIX века.

Далее: «...голубым холодным пламенем вспыхнул где-то в цехах азтоген...». К сведению писателя и редактора, — пламя автогена с рабочей температурой около 3000° нельзя называть холодным и, кроме того, если оно вспыхнет «где-то в цехе», то его на большом расстоянии увидеть нельзя. Очевидно, писателем были отмечены отблески не газовой сварки, а электрической.

«...игрушечными казались вагонетки, скользящие по подвесным дорогам...» (стр. 17); «...бесшумные электровозы проносятся мимо с... тяжелыми чашами чугунных и шлаковых ковшей...» (стр. 51). Ни того, ни другого на Кузнецком металлургическом заводе не было и нет.

«...На берегу Кондомы пышно разросся... липовый лес...» (стр. 90). В Горной Шории есть т. н. «Липовый остров», расположенный единым массивом и только по рекам М.-Теш, Тамила, Малый Мигаш. По реке Кондоме липы не обнаружено.

На стр. 274. «Десятки тысяч нагретой котлами ТЭС воды возвращаются в реку» — это неверно. Обычно на тепловых электростанциях ведется борьба за уменьшение потерь конденсата, а умышленное сбрасывание из котлов воды в реку — преступно. Писатель, видимо, хотел направить в реку воду, нагретую в конденсаторах турбин?

Перечислены далеко не все ошибки. Они, конечно, портят хорошую книгу, снижают ее качество.

Пусть все вышеизложенное будет принято автором как дружеское замечание читателя, глубоко уважающего труд писателя и желающего предостеречь его от ошибок в будущем.

В ОБЛАСТНОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ОБЪЕДИНЕНИИ

В дни, когда страна праздновала 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции, на юбилейной сессии Верховного Совета СССР были подведены результаты всемирно-исторических преобразований в экономике, культуре, идеологии.

Для создания и становления литературы 40 лет — период очень короткий, но наша социалистическая литература достигла немалого. Никогда еще литература и искусство не имели такого общественного значения, как в СССР, никогда в такой короткий срок не появлялось столько замечательных поэтов, писателей, художников, артистов, как за годы Советской власти. Заботливо растит и пестует их партия, считая верными своими помощниками в осуществлении великих задач строительства нового общества, в коммунистическом воспитании трудящихся.

Опубликование последних партийных документов «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» активизировало работу писательских организаций. Во многих городах страны состоялись собрания литераторов, на которых писатели, обсуждая выступления Н. Хрущева, говорили о жизни своих организаций, о творчестве товарищей, откровенно обменивались мнениями по различным вопросам.

30 сентября такое собрание состоялось в Кемерове. На него были приглашены члены литературного объединения, преподаватели школ, библиотекари. С докладом «О некоторых вопросах развития литературы и искусства» выступил заведующий отделом пропаганды и агитации областного комитета партии тов. Кадейкин.

Докладчик подробно остановился на состоянии литературного движения в области, подробно разобрал многие произведения местных поэтов и прозаиков, написанные ими за последнее время.

Да, как отмечал докладчик, у нас появилось несколько, в целом удачных, произведений, но рядом с ними значительно больше — малохудожественных, неинтересных. Такими рассказами, очерками и повестями оказался заполненным 9-й номер альманаха «Огни Кузбасса». Неразборчивой при

отборе стихов для печати часто бывает редакция «Комсомолец Кузбасса».

Особенно серьезные замечания были сделаны в адрес сталинской городской газеты «Кузнецкий рабочий», в изобилии печатающей совершенно нехудожественные, зачастую идеологически невыдержанные произведения.

В прениях выступили и члены литературного объединения, и преподаватели, и библиотекари. Все они говорили о том, что писателям необходимо больше бывать среди народа, глубже вникать в его жизнь.

Пушкаренко, пробуящий свое перо в области рассказа, предложил литераторам начать шефство над отдельными предприятиями. Постоянное общение с рабочим коллективом, участие в его жизни даст писателям массу ценных наблюдений, которые смогут потом вылиться в интересные рассказы, повести.

Со справедливыми претензиями к нашим поэтам и писателям обратилась библиотекарь Джуринова:

— Мы, библиотечные работники, — сказала она, — видим, какие книги волнуют читателя, стараемся активно пропагандировать лучшие произведения советских писателей и произведения местных авторов. Но наши местные литераторы неохотно встречаются с читателями. Пока И. Балибалов собирал материал для своей книги о Кемерове, он был частым гостем нашей библиотеки, теперь же мы не можем допроситься его прийти на конференцию.

Преподавательница литературы школы № 47 т. Аракчеева свое выступление посвятила критике языка рассказа Шолохова «Судьба человека». Большинство сидящих в зале не могло с ней согласиться, о чем и сказал в своем выступлении А. Волошин.

После окончания собрания можно было слышать такие мнения: хорошо, что собрались и вот так, коллективно, обсудили важнейший партийный документ; нужно литераторам быть ближе к жизни, писать на темы, которые волнуют читателей, черпать темы из жизни народа. Нужно крепить связь писателей, библиотекарей, преподавателей литературы, чтобы совместными усилиями нести в массы книгу — источник знаний.

В первых числах сентября в областных газетах появилось объявление: «Внимание членов литературных групп при редакциях местных газет. Все желающие вступить в члены областного литературного объединения должны прислать в адрес

бюро заявление с рекомендацией литгруппы и списком опубликованных произведений».

А вскоре в областное издательство пришли первые письма из городов и районов. Кроме кемеровских, поступило около двадцати заявлений с мест.

Недавно на заседании бюро литературного объединения был произведен прием.

В члены областного литературного объединения приняты 32 товарища, уже много лет участвующие в работе литгрупп, сами пишущие. Бюро рассмотрело присланные заявления и решило также принять в члены областного литобъединения тт. В. Леонова (Юрга), А. Варочкина и А. Чернова (Топки), М. Саулова (Яшкино), Г. Холоденина (Сталинск), А. Климову, П. Пешкова и Э. Гольцмана (Прокопьевск), Г. Лебедева (Осинники).

Многие из этих фамилий знакомы читателям по стихам и рассказам, печатавшимся в газетах. Но поступили заявления и от товарищей, еще нигде не печатавшихся. Этим начинающим авторам бюро областного объединения рекомендует принять активное участие в работе местных литгрупп, вынести на их обсуждение свои произведения. Возможно, по рекомендации литгруппы некоторые из произведений будут напечатаны в местной газете, и тогда можно ставить вопрос о приеме таких товарищей в члены областного литературного объединения. В первую очередь будут приняты те, кто активно участвует в жизни своей литгруппы, чьи произведения, опубликованные в газетах, отличаются оригинальностью, художественностью.

В жизни пишущих областного центра наметился определенный отрадный перелом. Отныне в работе литературного объединения активное участие будет принимать кафедра литературы педагогического института. Это позволит квалифицированнее разбирать произведения молодых авторов.

На первом таком совместном занятии обсуждалось несколько десятков стихов Антонины Полозовой, которые она собиралась издать в виде сборника.

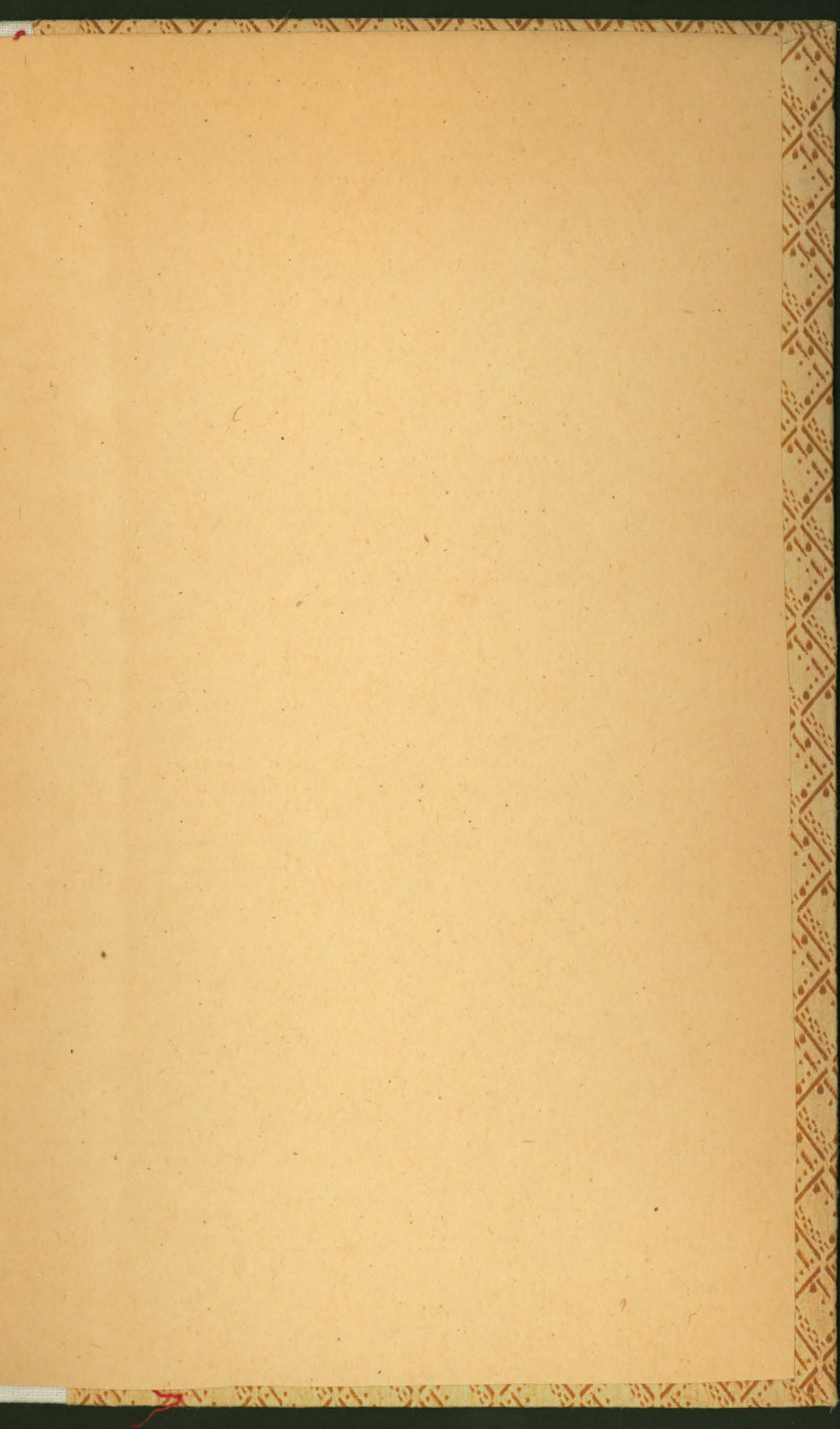
Все выступавшие отметили существенные недостатки сборника. Сборника, как такового, еще нет. Только несколько стихов после правки можно предложить к печати. Остальные же требуют большой работы.

Полозова признала, что такое детальное обсуждение ее произведений хорошо поможет ей в будущей работе.

50 K